

Тамара Т. Райс

Византия

Дэвиду с любовью и благодарностью за неизменную помощь

Глава 1 Константинополь - сокровище Византии

Византия, или Восточная Римская империя, просуществовала более тысячи лет: с 330-го по 1453 год н. э. В этот период ее нередко называли главной силой своего времени. Она сыграла наиважнейшую роль в формировании европейской культуры. Византия стала первым из великих государств, принявшим христианство в качестве государственной религии, и первым, кто начал жить и управлять в соответствии с христианским учением. Таким образом, даже несмотря на то, что византийцы зачастую вели себя жестоко, властно и вероломно как в частной, так и в общественной жизни, принципы христианства тем не менее оставались для них очень важными. Уважение, с которым они относились к заповедям, на которых построено христианство, передавалось от поколения к поколению, сформировав основу большей части христианской цивилизации Европы. Если бы не было Византии, наш образ жизни развивался бы по путям, отличным от тех, по которым пошел. В особенности это касается стран, исповедующих православие: России, Греции, Болгарии и Югославии; все они последователи одного ответвления христианской церкви, зародившегося в Византии и независимо развивавшегося в Риме.

Великие перемены всегда случаются неожиданно. Так, по всей видимости, можно сказать о тех, кто стал свидетелем установления христианства в Римской империи. Это, вероятно, началось не раньше 323 года н. э. и не позднее 325 года, когда Константин I Великий

созвал Первый церковный собор в Никее, и граждане Римской империи узнали, что христианство будет сосуществовать с язычеством в качестве государственной религии, поскольку их кесарю, Константину (306-337), было видение, убедившее его в том, что такое изменение необходимо. Считается, что это событие произошло одной октябрьской ночью 311 года, когда Константин расположился лагерем со своим войском под стенами Рима, намереваясь втянуть Максенция в сражение на следующий день. Он узрел - и некоторые источники утверждают, что его люди при том присутствовали, - знак в небе и услышал голос, велевший его воинам нарисовать сей знак на своих щитах перед битвой. Но Константин усомнился в том, что действительно видел то знамение. Однако вскоре, согласно Евсевию, ему явился Христос, повелевший изобразить этот символ на личном знамени Константина, с которым он поведет свое войско в бой. В этом видении Константин узрел солнце, символ Аполлона, который был принят римскими кесарями и, таким образом, являвшийся по праву эмблемой Константина. Огромный штандарт с изображением солнечных лучей был щедро украшен золотом и имел поперечину наверху, к которой крепились две узкие пурпурные ленты, расшитые золотом и усыпанные драгоценными камнями. Увенчан он был золотым венком с золотым крестом и греческими буквами, монограммой Христа, а также, согласно некоторым источникам, словами «hoc vinces» {1}. Пурпурные ленты, как лучи солнца, указывали на принадлежность Константину, потому что пурпурные одеяния - самая дорогая и редкая из всех тканей, поскольку краску можно было добыть только из достаточно редкого моллюска мурекс - по распоряжению Диоклетиана использовались только правящим семейством.

В значении увиденного им не приходится сомневаться: оно ясно указывало на то, что Византия должна стать христианским государством, в котором Константин будет править в качестве посланника Божьего. Константин без промедления повиновался знамени. Его войско нанесло поражение Максенцию, и Константин приказал, чтобы орлов, которые изображались на штандартах римских легионеров, заменили увиденным им знаком. Кроме того, он прекратил римскую практику использования креста в качестве орудия пытки. Впредь он должен был восприниматься как символ христианства. Евсевий утверждает,

что видел знамя с новым рисунком, с которым Константин шел на бой с Максенцием. Однако несмотря на то, что Константин продолжал использовать его как свой *labarum*, то есть штандарт, он оставался язычником и поклонялся солнцу до последнего дня своей жизни. Только на смертном одре он принял крещение. Но Константинополь - город, который он сделал своей столицей, - был с самого начала посвящен Святой Троице и Богородице. Когда в V веке Евдокия послала императрице Пульхерии написанную святым Лукой иконе «Богоматерь Одигитрия», то есть «Указующая путь», икона стала считаться защитницей столицы.

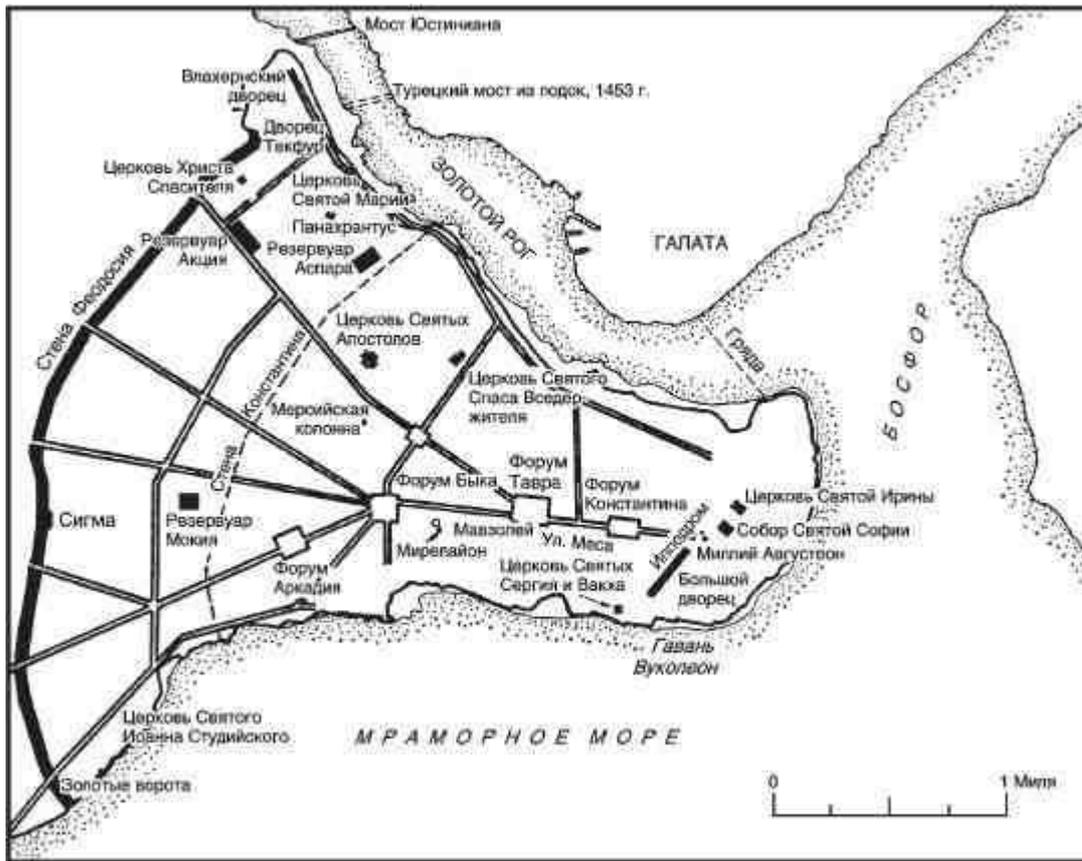
В реальности такие радикальные перемены, как отказ от одной веры в пользу другой, редко случаются в результате событий в личной жизни одного человека. Они имеют тенденцию возникать из меняющихся взглядов и отношения к жизни под влиянием людей мыслящих во времена бедствий и волнений. С начала христианской эры Рим переживал именно такие времена. В итоге, соседствуя, с одной стороны, с верой иудеев в единого Бога и с другой - с распространенными мистическими верованиями восточных народов, многие римляне начали сомневаться в обоснованности старой языческой религии, базирующейся на беспричинных поступках бесчисленных богов, многие из которых страдали от самых худших человеческих фобий. Накапливающиеся экономические и политические трудности Рима способствовали усилению этих сомнений. Кроме того, из-за большого количества рабов, чей труд обогащал владельцев, не принося дохода государству, обширных территорий, протянувшихся от Нортумберленда в Британии через Галлию и Испанию до Северной Африки, а оттуда через всю Италию, Грецию, Турцию, Сирию и Египет, и большого разнообразия народов, живших на этих землях, Римской империей стало трудно управлять. Правящие классы были слишком заняты собой, чтобы эффективно выполнять свое дело. Руководители государства погрязли в лени. Интеллигенция все чаще выступала с критикой правительства, а сам Рим разрывался от разногласий. Кесари сменяли кесарей, но все оставалось по-прежнему. Для остановки загнивания государства был придуман институт соправителей. Диоклетиан (284-305) решил, что ситуацию можно исправить, если сформировать региональные центры управления, которые займут место центральной власти, сосредоточенной в Риме. Для этого он перевез свой двор в Никомедию, находящуюся на территории азиатской части современной Турции, и утвердил себя правителем римских восточных земель, окружив себя роскошью и церемониями восточного, а точнее, персидского владыки. В то же время он назначил трех соправителей: Максимиана - в Милане для управления Италией и Африкой; Констанция - в Трире (современная Германия) для управления Галлией, Британией и Испанией; Галерия - в Фессалоники для управления Иллирией (нынешняя Далмация и Трансильвания), Македонией и Грецией. Однако эти меры не помогли ему улучшить сложившегося положения. Напротив, принцип совместного правления вызвал разделение народов, которые прежде гордились тем, что принадлежат к единой общности. Угнетение, коррупция и праздность продолжали царствовать в Риме. И когда разразилась гражданская война, Диоклетиан решил бежать от проблем и удалился на покой в свой величественный дворец, который построил для себя на берегу Адриатики в месте, известном сейчас как Сплит. Четырнадцать столетий спустя британский архитектор XVIII века Роберт Адам осмотрел руины этого дворца с изумлением и восхищением и привнес многие его особенности в архитектуру своего времени.

Констанций, правитель Галлии, Британии и Испании, был принужден Диоклетианом развестись с женой Еленой - дочерью, согласно преданию, английского короля Кола Колчестерского и матерью его сына и наследника Константина. Оставшись в одиночестве, Елена, видимо, стала общаться с интеллигенцией и занялась изучением религии и философии. Возможно, именно тогда она приняла христианство, хотя доказательств этому нет. После смерти Констанция Константин сменил его на посту правителя западных провинций. Очевидно, после развода у Елены остались близкие отношения с сыном, и, вероятно, она сыграла значительную роль в склонении Константина в сторону христианства. В 324 году, став благодаря собственным усилиям единоличным правителем огромной Римской

империи, Константин издал указ, который должен был защитить христиан от гонений. Год спустя он созвал церковный собор в Никее и узаконил деятельность христиан на территории империи. Этот шаг был не только мудрым, но и фактически неизбежным, потому что к тому времени две пятых населения империи, скорее всего, исповедовали христианство, видя в этой религии единственную надежду на облегчение бремени повседневной жизни. Для этих людей Елена стала воплощением христианского образа жизни. Она стала одним из первых паломников, отправившихся в Святую землю, и по просьбе Константина привезла оттуда частицу креста, на котором распяли Иисуса Христа. Эта частица стала самой почитаемой святыней Византии. Она хранилась в Большом дворце византийских императоров в Константинополе, но в 565 году Юстин II по просьбе святой Радегонды, брошенной мужем Хилпериком, даровал ей небольшую его часть. Она вставила ее в роскошную раку в церкви Сен-Круа (Святого Креста), которая до сих пор находится в Пуатье, но с тех пор от начального фрагмента стали отделять понемногу в качестве подарков. Несмотря на то что государственной религией христианство сделал только император Феодосий I в 381 году н. э., именно Елена и Константин были возведены в ранг святых православной церковью в благодарность за деятельность во благо христианства. Поэтому на иконах и других изображениях они часто стоят бок о бок, и Елена держит крест между собой и сыном.

В Риме христианство представляли и распространяли миссионеры, неофиты и отцы церкви, которые в борьбе за установление новой веры следовали указаниям своих руководителей. В итоге, когда церковь обосновалась в Риме, первые первосвященники были выбраны из числа этих руководителей. Однако в Константинополе все обстояло иначе. Там религию поддерживал Константин, главенствовавший как в политической, так и в духовной сфере, поскольку он был и правителем государства, и покровителем церкви, светским императором и наместником Бога на земле. Его последователи на троне продолжали считать себя посланцами Господа и в этом качестве оставляли за собой главенство и среди духовенства; одному императору из всех мирян позволялось входить в самые священные пределы церкви, обычно закрытые для всех, не посвященных в сан. Когда великая княгиня Ольга, в 957 году приехав из Киевской Руси в Константинополь с государственным визитом, решила принять крещение, торжественная церемония была проведена совместно императором Византии и патриархом Константинопольским, именно благодаря двойственной функции императора.

Хорошо осведомленные жители Рима, очевидно, не удивились, узнав о решении Константина узаконить христианство, так же как и о намерении перенести столицу из Рима в другой город. Однако они наверняка были поражены, когда в 324 году он перевел свою резиденцию и центральные власти в маленький городок Византий, располагавшийся на треугольном мысу у северной оконечности Мраморного моря, в точке, где от Азии до Европы рукой подать.

Помимо императора, мало кто в тот момент понимал, какими многочисленными географическими плюсами наделено это место и какую замечательную гавань можно сделать из залива, омывающего северную сторону «треугольника». Византийцы нашли ему удачное название - Золотой Рог, и оно оправдало себя, когда купцы из разных стран стали приезжать сюда, быстро превратив его в богатейший порт мира. Византийцы могли поддерживать связь с западным миром посредством сети дорог, уходящих на континент, а уплывая на север по Босфору, добираться также и до многочисленных портов на берегах Черного моря. А далее через территорию современной России путь купцов лежал в Скандинавские страны, с одной стороны, и в Центральную Азию, Индию и Китай - с другой. Более того, повернув на юг, в Эгейское море, они выходили в Дарданеллы, откуда попадали в Средиземное море. То есть купцы, всего лишь преодолев небольшое Мраморное море, могли доехать до Малой Азии, а оттуда - до любой точки региона, ныне называемого Ближний и Средний Восток.

Те, кто не смог по достоинству оценить эти географические преимущества, были не первыми, не заметившими достоинств города. За несколько веков до этого Греция, будучи ведущей мировой державой, столкнулась с экономическими трудностями, и многие из ее городов-государств поощряли своих граждан уезжать в другие края, из которых на родину можно привезти пищу и прочие предметы первой необходимости. В результате многие греки основали на берегах Черного моря независимые самоуправляемые города, известные как колонии. В VII веке до н. э. группа переселенцев из Мегары выбрала себе предводителя по имени Виз. Перед отъездом из родного города они отправились к любимому оракулу, надеясь, что он посоветует, где основать колонию. В свойственной оракулам манере ответ прозвучал как загадка: «Идите и поселитесь напротив города слепых». Мегарийцы сели на суда и добрались до южного входа в Босфор, где на азиатском берегу Мраморного моря стоял греческий колониальный город Халкидон (рядом с современной Модой). С удовольствием окинув взглядом прекрасный пейзаж, представший перед ними, мегарийцы высадились на треугольнике земли, вдающемся в море на противоположном (то есть европейском) берегу. Переселенцы, заметившие его выгодное расположение так же быстро, как впоследствии Константин, решили, что жители Халкидона, которые могли

выбирать место для города по своему усмотрению, и есть те самые «слепые», о которых говорил оракул. Они основали свое поселение на мысе. Впоследствии, несмотря на все преимущества, город предстал перед Константином слишком маленьким для столицы. В 324 году он наметил новые границы для городских стен и повелел выстроить дворец, необходимые административные здания, форум и церковь, которую посвятил Софии, Святой (Божественной) Мудрости. Работы были завершены через шесть лет, и в 330 году н. э. Константин объявил город столицей.

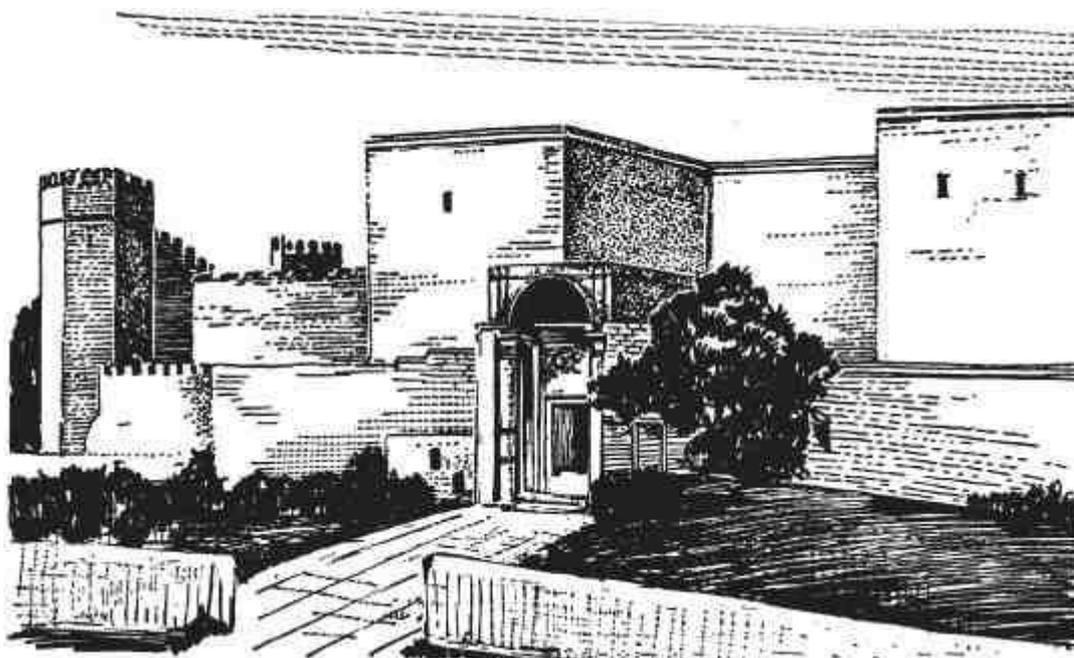
Чтобы обеспечить выбранной им столице статус главного города империи не только номинально, но и фактически, Константин изменил всю структуру Римской империи и разработал новую систему управления, заменив привычного чиновника на человека нового типа. Он переименовал город в Константинополь, «город Константина», но его часто называли и «нова Рома», то есть «новый Рим», а имя Виза распространилось на всю восточную часть империи. Было достаточно причин называть Константинополь «новым Римом», поскольку фактически весь правящий класс, включавший в себя, как и ранее, двор и правительство, составляли римляне; хотя населяли город греки, латынь оставалась государственным языком до V века, когда империя разделилась на восточную и западную части. Примерно за одно столетие греческий язык заменил латынь в качестве официального языка, а восточная часть империи стала официально называться Византией. Но и по сей день в некоторых уголках Турции, Ирана и Аравии сохранилась старая связь с Римом, и словом «Рам» в значении «Рим» часто называют район Константинополя или людей, приехавших из Европы.

В отличие от римских кесарей, которые всеми правдами и неправдами пытались убедить народ относиться к ним как к простым людям, которые вознеслись на вершины власти по воле народа, Константин, став единоличным владыкой, занял позицию императора со всем его могуществом и высоким положением. Более того, будучи и правителем Римской империи, и наместником Бога на земле, он настаивал на своем превосходстве над другими правителями. Роль императора Константинопольского как высшего правителя на земле поддерживалась последователями Константина и оставалась неизменной, когда в 396 году после смерти императора Феодосия I было решено разделить Римскую империю на восточную и западную части. Восточной надлежало управлять из Константинополя, где императором стал Аркадий, а западная, управляемая из Рима, считалась подчиненной ей. Однако за пять лет готы, в то время заволашевшие Европу, приблизились к самым окраинам Рима. С самого начала ситуация в Равенне была полна трудностей. Различия все умножались. Правитель сменял правителя через краткие промежутки времени, пока, наконец, в 476 году германский вождь Одоакр свергнул Ромула Августула, последнего члена императорского дома, властвовавшего на Западе. После падения Западной короны Рима автоматически переходила правителю Востока, то есть императору Византии, правящему в Константинополе. В тот момент на троне находился Зенон. Константин сумел поднять престиж поста императора Востока на должную высоту, и авторитет Зенона был настолько велик на Западе, что Одоакр, несмотря на победы в Италии, счел, что ему будет достаточно, если Зенон официально признает его патрицием Рима и префектом Италии. Узы Рима и Востока оставались столь крепкими, что в V веке готский правитель Равенны Теодорих искренне принял византийскую культуру. Но вскоре после его смерти император Юстиниан Великий (527-565) счел своим долгом завоевать Италию еще раз. Его главнокомандующие, сначала Велизарий, затем Нарсес, сумели осуществить его план к 555 году, но итог был эфемерным, и в течение двух последующих столетий Восток и Запад окончательно распались. Папа потерял свое влияние в Византии, а император Востока - в Западной Европе. В 590 году Григорий, епископ Римский, стал папой. В историю он вошел как Великий, в значительной степени потому, что был первым папой после Льва Великого, заявившим о своем праве действовать независимо от Константинополя. Начиная с этого времени папы становились все влиятельнее на Западе за счет уменьшения власти патриарха Константинопольского. А в 800 году Карл Великий поставил под сомнение превосходство

императора Византии, возродив пост императора Запада и заставив папу Льва III короновать себя в Рождество. Интересно заметить, что благодаря византийскому влиянию слово «папа» берет свое начало от греческого слова «папас», то есть «отец», - так в греческой церкви называли первых епископов, а позднее всех священнослужителей.

Хотя за жизнь Константина в Константинополе было воздвигнуто немало зданий, город оставался относительно небольшим и не мог соперничать как по размеру, так и по красоте с такими древними и величественными городами, как Александрия или Антиохия; тем более не мог он сравниться с Римом или даже Афинами. Однако через сто лет после его основания население Константинополя превышало население Рима. Но прошло еще около двухсот лет, прежде чем гений императора Юстиниана и его главного архитектора Антемия из Тралл позволили столице затмить все прочие города красотой, богатством, важностью и разнообразием достопримечательностей. Город стал не только крупным политическим и экономическим центром своего времени, но в первые несколько веков своего существования и важным религиозным центром, к которому обращал свои взоры весь христианский мир, подобно тому как в наши дни католики смотрят в сторону Рима. Более того, Константинополь, как с конца XIX века Париж, стал столицей, где собирались самые достойные произведения искусства. Именно оттуда распространялась мировая мода. Там роскошь изобиловала во всех проявлениях больше, чем где-либо еще в Европе. Во времена Юстиниана население города, вероятно, составляло около полумиллиона человек.

Изначально Константинополь населяли греки, потомки тех, кто приехал из Мегары и основал город. Большинство людей, прибывших вместе с Константином, были римлянами, носившими римские тоги и говорившими на латыни. Тем не менее, когда римляне смешались с местными греками, когда их язык был забыт всеми, кроме особенно рьяных ученых, а их одежда превратилась в нечто полностью национальное, римские тоги остались в искусстве навсегда. Независимо от времени, в котором были созданы, и на прекрасных миниатюрах в византийских списках Евангелия и других священных книг, и на религиозных росписях и мозаиках евангелисты и святые одеты в объемные драпирующие облачения, происходящие от одеяния классических времен.

Как правило, оно состояло из гиматиона или плаща, надеваемого поверх хитона или рубахи. Редко эти облачения сохраняли изначальный белый цвет. Поскольку этим людям было суждено вечно вкушать блаженство в раю, их одежды были окрашены во все цвета радуги. Зачастую они украшались золотом, как индийские сари. На белых одеждах складки выписывались с помощью многочисленных оттенков.

Римская империя была многонациональным государством, и все ее вольные люди, независимо от национальной и религиозной принадлежности, пользовались равными правами. Поэтому именно в Константинополе с самого начала греки и римляне объединились и создали новую христианскую культуру и новый образ жизни Восточной Римской империи. Пристрастие римлян к порядку, по всей видимости, способствовало формированию основной структуры государства. Мысли и вкусы греков, часто испытывавшие влияние культур более восточных регионов, например Сирии, заняли главенствующую позицию по мере того, как жители Востока стекались в Константинополь, прельщаемые растущим благосостоянием города. Их (греков и азиатов) в христианстве особенно привлекала его мистическая сторона. Они нередко участвовали в религиозных мистериях и диспутах. В основном под их влиянием византийцев охватило увлечение символизмом, что на протяжении всей их длинной истории выразилось не только в религиозных произведениях, но также и в искусстве и литературе. Опять же в большой степени благодаря грекам интерес римлян к их стране был разожжен византийцами до размеров неувядаемой любви к классической греческой культуре. Византийцы разбирались в греческих мифах так же свободно, как греки-язычники прежних времен. В результате они использовали их как притчи и применяли к событиям современности при описании в литературе, сравнивая некоторую мысль или явление с каким-нибудь известным текстом или случаем или изображая их посредством какой-нибудь подходящей мифологической сцены. Однако эти греческие и азиатские нити были вплетены в довольно плотный холст, который соткали усердные, методичные и рациональные римляне. Каждое ответвление византийской власти, церковь, общественные организации и службы тщательно регламентировались и разграничивались. Византия стала авторитарным, но не диктаторским государством, поскольку ее граждане были до известного предела свободны. Вероятно, нам сегодня проще, чем какому-либо другому поколению, увидеть тонкую грань между диктатурой и высокодисциплинированным обществом. При всей нашей любви к независимости и свободе мы по собственной воле подчиняемся огромному числу ограничений. Например, возьмем самое банальное, однако крайне необходимое правило, связанное с парковкой машин и запретом превышения скорости. Чтобы наше весьма сложное общество могло нормально существовать, мы вынуждены мириться с ним, как и со многими другими. Во время чрезвычайного положения в стране большинство из нас так же с готовностью отказывается от привычного образа жизни, чтобы выполнять предписания правительства. Приблизительно похожие мотивы двигали византийцами, уставшими от многолетней нестабильности и ненадежности, которые сопровождали упадок Греции и Рима, когда они соглашались с принципами, на которых строилась их конституция, и с правами и обязанностями, закрепленными за каждым классом общества. Однако при всей жесткости конструкции люди обладали определенной свободой мысли и действий. В интеллектуальной сфере жизни Византия старательно восполняла пробелы прошлых веков. Если граждане были недовольны эдиктом или императором, они без колебаний заявляли об этом. Часто они прибегали к методам, которые не потерпел бы никакой диктатор наших дней. Бунты и восстания были привычными событиями в Константинополе во все периоды его истории, и многие императоры, несмотря на их божественные права и безграничную власть, безжалостно свергались, нередко подвергались пыткам, а иногда приговаривались к смерти возмущенными гражданами.

На протяжении большей части своей истории византийцы воевали. Хотя по характеру они были далеко не воинственны, положение жителей империи обязывало их защищать обширные территории, унаследованные от Рима, и держаться за удаленные приграничные поселения в условиях усиливающейся освободительной борьбы. В 572 году византийцы потеряли Испанию. Это было первым из ряда крупных поражений. Вскоре последовала потеря Италии. Иерусалим, святая святых, колыбель христианства, перешел к иноверцам-персам в 613 году, а в 626-м они двинулись на Константинополь. Но Богородица, по твердому убеждению византийцев, пришла на выручку своим истовым верующим и помогла им отразить натиск неприятеля. Далее наступил подъем ислама, и к 640 году вся Сирия,

Палестина и Египет попали в руки арабов. Сам Константинополь тоже подвергся их атакам.

Но убедительная победа над арабами в 678 году, одержанная в значительной степени благодаря использованию «греческого огня», спасла не только столицу империи, но и большую часть Малой Азии. Это было временное достижение, поскольку с конца VII века византийцам пришлось сосредоточиться на усмирении захватнических амбиций соседей-славян. Сначала им пришлось признать независимость Болгарского государства, затем Руси и Сербии. Начиная с XI века Византия испытывала постоянную угрозу со стороны турок-сельджуков. Также подрывали ее могущество и Крестовые походы на западе, отнимая у нее столько сил, что в конце концов империя не смогла противостоять нашествию турок-османов. В 1453 году, когда Византия едва простиралась за пределы Константинополя, турки нанесли последний удар. Под прикрытием пушечного огня они разрушили стены города. Последний оплот Византии пал, когда большая часть населения погибла вместе с императором на укреплениях, которые они защищали, проявляя величайший героизм. По традиции турков покоренный город передавался на три дня солдатам-победителям для разграбления и разрушения. Многие греки из тех, кто пережил осаду, были убиты в это время. Некоторые спасшиеся потом согласились пойти на службу в турецкое казначейство или были назначены на посты правителей завоеванных провинций, например Армении. Эти люди снискали презрение прочих константинопольских христиан и получили от соотечественников прозвище «фанариоты». Турки заставили непокорных заплатить высокую цену за свое презрение, подвергнув самых активных из них гонениям и преследованию.

Византией правили по очереди семь династий. Первая вела свой род от римских кесарей, и в ней столь сильно чувствовались римские корни и традиции, что многие ученые рассматривали эту начальную фазу византийской истории скорее как раннехристианскую, чем как чисто византийскую. По их мнению, Византия стала собой только при Юстиниане Великом. В искусстве Юстиниан создал «золотой век». Стандарты и идеалы, установленные им, просуществовали до времен правления Льва III (717-741). Этот император полагал, что благоговение, с которым граждане относятся к иконам, граничит с идолопоклонством. Чтобы спасти их от этого греха, одного из самых страшных, Лев решил ввести зап-

рет на любые формы изображения в религиозном искусстве. В 730 году он выпустил указ, предписывающий убрать знаменитую икону Богородицы с медного рынка, но, несмотря на то что его поддержали многие влиятельные люди, указ получил такое яростное и жаркое сопротивление, что его исполнение затянулось на четыре года. К тому времени иконоборцы (как называли противников изображения образов в религиозном искусстве) обрели такую мощь, что смогли способствовать претворению в жизнь решения Льва III. Вопреки набирающей силу оппозиции, они оставались у власти (с коротким перерывом в четыре года) до своего окончательного поражения в 843 году.

Новая династия - Македонская - взошла на трон в 867 году. Она способствовала расцвету второго «золотого века» в искусстве и дала стране таких непохожих правителей, как Лев VI, которого называли Мудрым, и беспощадная любительница удовольствий Зоя, убившая своего мужа Романа III, чтобы выйти замуж за Михаила Пафлагонца и короновать его императором, которого в 1042 году заменила третьим, и последним своим мужем, Константином IX Мономахом. Эта династия прервалась на сестре Зои, которая правила всего один год после смерти ее зятя, Константина IX.

«Дворцовая революция», совершенная в 1057 году придворными, возвела на трон Исаака, первого представителя династии Комнинов. Его наследникам пришлось сражаться и с сельджуками на востоке, и с норманнами на западе; кроме того, начались Крестовые походы. Опьяненные богатством и красотой Константинополя участники Четвертого крестового похода под предводительством командиров-венецианцев забыли о том, что отправились бороться с правящими в Иерусалиме иноверцами, чтобы освободить священный город, и нацелились на Константинополь. Они завоевали город в 1204 году. Разграбив его, крестоносцы провозгласили себя правителями Латинской империи. Оккупация латинян продлилась до 1261 года. В это время члены византийского императорского семейства основали временные царства на окраинах империи. Феодор Ласкарис обосновался в Никее и объявил себя правителем Византии. Одна из ветвей династии Комнинов создала себе царство в Трапезунде, в юго-восточном углу Черного моря. Прочие образовали независимые деспотаты в Греции, в большинстве своем в Морее, Мистре и Эпире, где династия Ангелов утратила власть. Именно представитель этой династии, Феодор Ангел Дука Комнин, сумел отвоевать Фессалоники у латинян в 1224 году и впоследствии предъявил претензии на императорский престол. Однако основоположником последней греческой династии, правящей в Константинополе, стал Михаил VIII Палеолог, представитель знатного рода Комнинов. Коронованный соправителем Иоанна IV Ласкариса в Никее в 1259 году, он вернулся в Византию в качестве императора в 1261 году после изгнания латинских захватчиков. Его потомку, Константину XI, коронованному в собственном деспотате Мистра в Спарте в 1449 году, суждено было погибнуть, защищая свою столицу в неравной битве с превосходящими числом турками-османами, которые в 1453 году нанесли последний удар. Обезглавленное тело императора, сражавшегося плечом к плечу с простыми воинами за родной город, было опознано лишь по пурпурным сапожкам, расшитым золотыми орлами.

Глава 2 Император, его семья и двор

Став единоличным правителем Римской империи, Константин оставался язычником. Хотя Рим превратился в монархию, будничная жизнь продолжала подчиняться традициям, установленным в годы республики. Поэтому получение Константином верховной власти не было подтверждено ритуалом коронации по сценарию, который станет привычным в феодальные времена в Европе. Вместо этого оно было утверждено церемонией, относящейся к тому периоду, когда римские кесари избирались на высочайший пост империи своими согражданами. В соответствии с древним обычаем Константина поставили на щит и подняли на нем перед его армией и собравшимся народом. Их одобрительных возгласов

было достаточно, чтобы утвердить его на новом посту. Этот способ информировать страну о восхождении на трон империи нового монарха просуществовал в Византии почти сто лет, и первые правители, следовавшие за Константином, были представлены собравшемуся сенату, армии и народу Константинополя таким же образом, как римские кесари. Как и кесари, они получали из рук видного представителя власти венец, который служил символом императорской власти. Тем не менее к 475 году, когда на трон возшел Лев I, патриарх Константинопольский обрел такую значимость в государстве, что его влияние почти сравнялось с влиянием императора, и поэтому именно ему, а не мирянину, пусть даже и высокопоставленному, выпала честь возложить корону на голову Льва. Непосредственные преемники Льва решили, что их всегда будет короновать патриарх, из-за чего со времен Юстиниана церемония всегда проводилась в главной церкви столицы, величественном соборе Святой Софии. Первое здание, начатое Константином I, было разрушено во время восстания «Ника» в 532 году, но впоследствии перестроено Юстинианом с еще большей пышностью.

С течением лет коронации в Византии становились все роскошнее и величественнее. К X веку ритуал стал таким сложным, что император Константин VII Багрянородный (913-959) решил, что его сыну и наследнику будет проще, если он занесет все тонкости в книгу, которую начал писать. Называлась она «Книга церемоний». Описание коронации занимало несколько страниц, поскольку император полностью оговорил роль всех вельмож, сенаторов и членов фракций, их точное местоположение в процессии, одеяния, в которых им должно быть, и знаки своих должностей, которые они несут. Так, например, патрициям следовало являться в белых хламидах или плащах, обшитых золотом.

При входе в собор монарха встречал патриарх и помогал ему сменить одежду на ту, которую, по преданию, Константин Великий получил от ангелов; по этой причине ее заботливо хранили в соборе. Император использовал ее только для некоторых особенных случаев. Достигнув серебряных врат, он зажигал свечи, предназначенные только для него, и переходил к порфирной плите, вмонтированной в пол напротив царских врат иконостаса (стенка перед алтарем, сооруженная для размещения икон), для молитвы.

Только после этого император вместе с патриархом мог проникнуть за иконостас, чтобы вступить в алтарь. Такому порядку действий следовали всякий раз, когда император посещал религиозную церемонию в соборе. Считается, что его присутствие там требовалось около 30 раз в месяц. Патриарх всегда проводил следующую затем службу, а в случае коронации читал молитву над короной перед тем, как возложить ее на голову императора под шумное одобрение собравшихся верующих. Далее император переходил к трону, зачастую сделанному из золота, который находился в митаторионе. Когда он садился, все присутствующие в строго определенной последовательности клялись ему в верности, падая перед ним ниц.

К IX веку обычай короновать императора во время религиозной церемонии утвердился так прочно, что с тех пор соблюдался всеми прочими христианскими монархами. Однако в Византии также было необходимо, чтобы перед коронованием император подписал обет верности. С самого начала коронация императора патриархом считалась по всей Византии делом существенной важности, понимаемым как зрительное подтверждение веры в то, что Бог избрал императора своим посланником на земле. Таким образом, вскоре к императорам стали относиться как к почти святым людям. В искусстве их иногда изображали с нимбом. В дискуссиях и литературе их часто сравнивали с апостолами. Правителя даже временами называли «тринадцатым апостолом», а его резиденции - «священными дворцами». Полубожественная природа императора отражалась в том, как он использовал свою невероятно большую власть на троне. На деле у него было два трона, что помогало адаптировать языческий обычай «частично пустого трона» к христианским обрядам и вплести его в жизнь. Поэтому правая сторона такого трона предназначалась Христу. Чтобы подчеркнуть это визуально, на нее клали Евангелие. По воскресеньям и во время религиозных празднеств, когда левую сторону занимал император, ее оставляли пустой. В будни же император выступал в качестве посланника Бога на земле и садился на правую сторону; так же он поступал во время официальных мероприятий и аудиенций, даваемых послам.

Когда император появлялся на улицах города, толпа приветствовала его как посланника Бога. По ходу его движения хоры, собранные из городских политических гильдий и фракций, пели гимны в его честь. Перед императором несли свечи, факелы и кадила с фимиамом, как перед святыми иконами и прелатами во время религиозных процессий. Даже не-

умелые и плохие правители, которых в Византии было предостаточно, считались возведенными на трон самим Господом, который избрал их на столь высокий пост во испытание верующим.

Римское понятие избираемого правителя, выступающего в роли главы государства или императора, настолько упрочилось в умах римлян, что в Византии титул императора сначала не воспринимался как передаваемый по наследству. Когда позволяли время и обстоятельства, считалось правильным, чтобы умирающий или престарелый император выбирал себе преемника. В случае внезапной смерти императора ближайшим членам его семьи давалось право избрать нового правителя, но если у усопшего не было близких родственников или, как это часто случалось, его свергали в ходе революции, преемника назначал сенат. Юстиниан (возможно, величайший из византийских императоров) взошел на трон именно так. Происхождению не придавалось особого значения. Принадлежность к классу была настолько не важна, что тот факт, что император Юстин I (518-527) родился в семье македонского крестьянина, не помешал ему занимать трон в течение девяти лет.

В первое время в Византии была большая путаница с точным титулом императора. Там он пользовался римским вариантом, называя себя «императором», «кесарем» или «августом». Тем не менее к концу V века нарастающие зависть и ревность начали портить отношения между греками и латинянами Константинополя, и вскоре каждая сторона стала требовать, чтобы именно их национальная культура была выбрана в качестве государственной культуры Византии. Когда в 491 году император Зенон умер, не назвав преемника и тем самым переложив выбор на свою вдову, под ее окнами собралась огромная толпа. Одни кричали, чтобы она выбрала на этот пост грека, другие - римлянина. Ее решение соответствовало желанию первых. Она назначила императором посредственного, но опытного и надежного пожилого придворного по имени Анастасий (491-518). Однако только при императоре Ираклии (610-641), который принял греческий в качестве государственного языка Византийской империи, греческий титул «базилевс» заменил латинские и остался единственным официальным названием императора. Приблизительно в то же время символ Юпитера - орел - был сделан гербом императоров. В XIV веке он стал двуглавым. Это изменение произошло после того, как император Германии решил использовать одноглавого орла на своем гербе. Тогда в Византии начали распространять идею, что двуглавый орел правителей Византии символизирует восточные и западные территории Римской империи. В таком виде этот герб перешел через браки к монархическим династиям Австрии и России.

К VII веку вошло в традицию, чтобы император выбирал своим преемником одного из сыновей, не обязательно старшего. Сначала назначение происходило, когда наследники становились самостоятельными или когда император чувствовал приближение смерти. Но вскоре императоры поняли, что лучше заблаговременно позаботиться о сохранении династии на случай скоропостижной смерти, определив наследника в начале собственного правления. По тем же причинам стали выбирать на пост двух сыновей, указывая, у кого из них будет преимущество. Такое назначение узаконивалось религиозной церемонией, проводимой почти по той же схеме, что и коронация. (Было всего два небольших отличия: коронация происходила в одной из дворцовых церквей, а не в соборе Святой Софии, и патриарх, благословив короны, передавал их императору, который, как и в случае коронации его жены, сам возлагал их на голову соправителей.) Старшего и пользующегося преимуществом соправителя постепенно начинают называть «маленьким базилевсом», и его портрет часто встречается рядом с портретом отца на монетах. Как старший соправитель он тут же назначает себе собственного соправителя и преемника. В результате иногда появлялось множество здравствующих правителей, а чаще членов императорской семьи, которых называли римским титулом «кесарь», чтобы отличить от императора и его прямых наследников. Если соправителем была женщина, ей присваивался титул «августа». Любовнице Константина IX разрешалось пользоваться этим титулом, но запрещалось носить императорский венец и сопровождаться императорской гвардией. Чтобы компенсировать это, она, как и многие другие августы, носила многочисленные необычные и дорогие украшения для головы, золотые ожерелья, браслеты в форме змеи, тяжелые жемчужные серьги и золотые пояса с протянутыми через них нитками жемчуга. Каждый член императорского семейства, получивший титул второстепенного монарха, имел соответствующее звание, пожалованное ему во время церемонии, являющейся измененной версией императорской коронации. Однако никогда у власти не было более одного правителя с максимум двумя соправителями. Император неизменно оставался высшей властью во всей империи. Его долгом было наблюдать за происходящим в государстве и отвечать за все. Уже упоминалось, что жизненная концепция византийцев зиждилась на вере в одну религию, одного Бога, один источник закона и одно правительство, то есть в одного императора. Положение единоличного императора было поставлено под сомнение Карлом Великим, который заставил папу короновать себя императором римлян в Риме в Рождество 800 года. После этого ви-

зантийский правитель принял титул *Basileus Romanum*, что означало «император римлян», чтобы утвердить свое право управлять Римом. Сделав так, он, в свою очередь, оспорил претензии Карла на этот пост.

Как только появлялась возможность, императоры выбирали одного из своих сыновей в качестве преемника, и таким образом пост монарха постепенно начал восприниматься как передающийся по наследству. И поскольку император не был обязан назначать преемником старшего сына, особое значение придавалось детям, родившимся во время его правления. Они появлялись на свет в Пурпурной спальне Пурпурного дворца. Эта резиденция получила такое название потому, что стены императорской спальни были обиты тканью, в основном шелком, цвета порфира. Очень немногим старшим придворным дозволялось носить пурпурные одежды; вообще ткань этого цвета предназначалась для членов императорской семьи и использовалась только для особых случаев. Лишь они могли носить пурпурные тоги и туфли, лишь их хоронили в порфиновых саркофагах. Дети, рожденные в Пурпурной спальне Пурпурного дворца, автоматически получали имя «Порфирогенет», означающее «рожденный в пурпуре» - выражение, сохранившееся до наших дней в английском языке; если на свет появлялся мальчик, это счастливое событие увеличивало его шансы унаследовать корону. Таких принцев окружали всеми мыслимыми богатствами. В конце концов стало традицией, чтобы старший из этих сыновей сменял отца на троне, что неизбежно вызывало столкновения между ним и его братьями, некоторые из которых были старше его. Все усугублялось еще и тем, что сыновья императора зачастую были братьями только наполовину, поскольку их отцы вступали в брак несколько раз. Многие претенденты на престол заканчивали свои дни в тюрьме, в одиночном заточении, перед этим пройдя через пытки, включая ослепление, усеменение языка или носа, а то и еще более страшные муки. Низложенный принц, которому позволялось навсегда уйти в удаленный монастырь, стать монахом и провести остаток жизни в молитве, считался счастливым.

Императорские свадьбы проводились по чрезвычайно торжественному, сложному и величественному ритуалу. По такому случаю все надевали лучшие свои одежды и парадные мантии. Жених и невеста появлялись в свадебных венцах, которые до сих пор используются в православной церкви при венчании. Но если сегодня над головой жениха и невесты держат венцы, то во время религиозной церемонии в Византии над головой императорской четы подвешивалась драгоценная пурпурная ткань. Проводил церемонию патриарх. По окончании все присутствующие, патриции и важные политики, преклонялись перед молодоженами. Далее они строились в процессию и сопровождали своих монархов в императорский дворец, где хоры Голубой и Зеленой фракций приветствовали их пением под аккомпанемент органа, принадлежащего Зеленой фракции. Молодожены, не снимая венцов, переходили в свою спальню, где принимали гостей, в их присутствии снимали венцы и клали их на кровать. Потом все шли в обеденную «палату девятнадцати диванов», где переодетые в повседневные одежды император, императрица и их гости приступали к праздничному завтраку. На таких мероприятиях женщинам разрешалось присутствовать, но запрещалось укладывать волосы в прическу, называемую «прополома». Обычно императрицы, имевшие большое количество придворных и слуг и в большинстве своем обладавшие крупными состояниями, развлекали знатных женщин Византии роскошными банкетами, проводимыми в императорских покоях.

Женщины в Византии не были так же свободны, как в Риме, где их считали практически равными мужчинам. Византийские императрицы, хотя и принимали участие в общественной жизни, большую часть времени должны были проводить в своих покоях. Как и женщины более низкого положения, большинство из них, очевидно, занимали свой досуг если не ткачеством, как простолюдинки, то уж точно вышивкой, которая потом украшала их любимые церкви. Время от времени императрицы и другие женщины оказывали немалое влияние на ход событий и командовали в кругу семьи. Многие императрицы становились влиятельными автократами, а иногда даже управляли страной по собственному усмотрению.

нию. В некоторые периоды византийской истории, особенно на начальном этапе (когда члены древней римской аристократии и греческая знать устанавливали стандарты и соглашения, которые должны были определить судьбу Византии), императриц выбирали, невзирая на их происхождение и титул, из самых красивых девушек империи.

В отличие от получаемых постов происхождение в Византии значило на удивление мало. Мы уже видели, что Анастасий поднялся к вершинам власти, будучи придворным, а Юстин - македонским крестьянином. В свете этого совсем не удивительно, что Юстиниан I влюбился в красавицу циркачку по имени Феодора и без затруднений женился на ней. Ее можно видеть рядом с ним во всем великолепии облачения византийской императрицы на впечатляющей настенной мозаике того времени в церкви Сан-Витале в Равенне. Высокий пост может выявлять в человеке как хорошее, так и плохое. С Феодорой так и произошло.

Несмотря на свое происхождение и довольно вольное поведение до замужества, взойдя на трон, Феодора быстро уяснила обязанности императрицы. Вскоре после свадьбы начался один из тех бунтов, которые часто омрачали историю Константинополя. Он быстро перерос в необычайно жестокое политическое восстание. Императорский дворец был подожжен, собор Святой Софии, построенный Константином I, погиб в огне. Юстиниан подумывал о бегстве. Именно в тот момент Феодора явила миру свое величие. Извинившись за то, что осмелилась «говорить, будучи женщиной среди мужчин», она объяснила, как глупо было бы скрыться, взывала к мужеству своих слушателей, напоминала, что «все люди приходят в этот мир, чтобы умереть, но для того, кто правил, - обращалась она к Юстиниану, - изгнанником быть невыносимо. Да не доживу я до того дня, когда на моих плечах не будет этой пурпурной мантии и люди не назовут меня царицей. Если ты желаешь, о император, спастись, это несложно. У нас достаточно средств. Там - море, а на нем корабли. Но подумай, прежде чем достигнешь ты безопасного места, предпочтешь ли безопасность смерти. Я соглашаюсь с древним изречением: пурпур - лучший саван». Ее слова воодушевили Юстиниана, и его полководец Велизарий сделал еще одну попытку, на этот раз удачную, разогнать толпу. Восстание было подавлено, и трон Юстиниана спасен.

Не будет преувеличением сказать, что именно Феодора сохранила трон Юстиниана и помогла ему войти в историю, возможно, величайшим императором Византии. Восстанавливая сожженный собор Святой Софии, Юстиниан создал шедевр, стоящий в одном ряду с самыми красивыми зданиями мира. Также он ввел стандартные судебные процедуры,

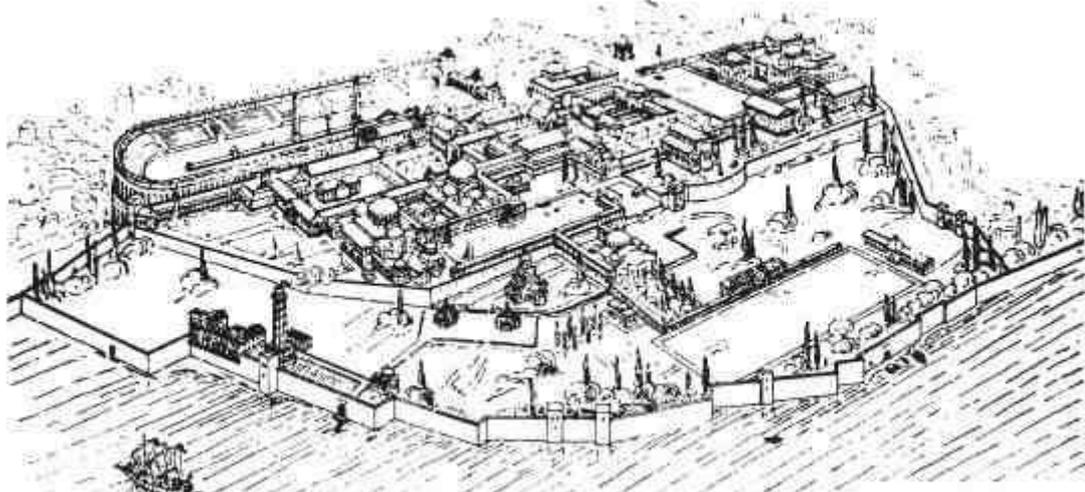
которые дошли до нас под названием Кодекс Юстиниана. Тем не менее, будучи женщиной, Феодора никогда не была «консортом», то есть соправителем Юстиниана. Но спустя годы, в 641 году, ощутив приближение смерти, Ираклий назначил жену Мартину соправительницей своего сына, который ей приходился пасынком. Народ, узнав о его намерениях, выразил крайнее несогласие быть управляемым Мартиной, обосновав это тем, что женщине не подобает давать аудиенции послам. Мартина попыталась противостоять им и с помощью сына решила захватить власть, но пасынок сумел опередить ее. Взойдя на престол, он наказал ее за такие стремления с особой жестокостью, отрезав язык и отправив в изгнание на остров Родос. Однако к 780 году женщинам стало несколько проще. Лев V умер, оставив наследником десятилетнего сына, будущего Константина VI (780-797), и назначив его мать, императрицу Ирину, соправительницей. Невзирая на сильную оппозицию и почти непрекращающиеся волнения, Ирина смогла продержаться на троне десять лет, но потом ее заставили передать власть сыну и удалиться в изгнание. Константину очень не повезло, поскольку он был не только глуп, но и недалководен, поэтому через семь лет Ирину вызвали в столицу и попросили снова взять власть в свои руки. Таким образом, она стала первой женщиной, правившей Византийской империей единолично. Хотя она автоматически стала главой всех ведомств, включая военное, в государственных и официальных документах к ней неизменно обращались в мужском роде, называя ее «базилевсом», а не «базилиссой». Но, достигнув таких высот, Ирина, к сожалению, запятнала свое доброе имя, дурно поступив со своим низложенным сыном. Она, его мать, приказала ослепить Константина в Пурпурной спальне, где родила его. В середине XI столетия две сестры из императорской семьи, Зоя и Феодора, правили совместно несколько месяцев. Затем Феодора, более влиятельная из них, еще год правила единолично.

Но даже несмотря на все это, императрицы нечасто появлялись на людях, не говоря уже о женщинах более низкого положения. Тем не менее императрицы присутствовали на официальных церемониях, проводимых во дворце, но редко принимали участие в государственных шествиях и народных празднествах. В 481 году Ариадна в своей мантии появилась в императорской ложе на ипподроме Константинополя, чтобы приветствовать народ, но до XI века жены не сопровождали мужей на ипподроме, где проходили игры. Однако, как и все женщины, императрица регулярно посещала церковь, где следила за службой с галереи, хотя ей там и предоставлялась специальная императорская скамья. В соборе Святой Софии она занимала все западное крыло галереи. Обычно после службы император и императрица проходили в отдельные залы собора, где им подавали легкие закуски. Когда императрица и ее придворные дамы уезжали обратно во дворец, патриарх вел императора к Священному колодцу - сооружению, находившемуся недалеко от собора, где, по преданию, Христос встретил самаритянку. Там император одаривал золотыми предметами младших священнослужителей и певчих, участвовавших в службе, а потом возвращал патриарху золотой мешок, который использовал при этом. Затем он надевал корону, в которой шел из дворца в собор в сопровождении процессии и которую снимал у Священного колодца.

Как правило, дочери в Византии не имели особенной значимости. Настолько, что Роман II (959-963) без колебаний отправил пять своих дочерей в монастырь, чтобы угодить своей новой жене, прекрасной Феофано. Однако наследницы, рожденные в Пурпурной спальне, хотя и жили в меньшей роскоши, чем их братья, все же ценились отцом, скорее всего, потому, что могли принести пользу, выйдя замуж за второстепенных правителей, которых император хотел переманить на свою сторону. В X веке одну даже выдали за хана Монголии.

Император и его семейство проводило большую часть досуга в своих дворцах. Женщины редко покидали их, в том числе и сама императрица. В невыносимой роскоши, замкнутости и обособленности императорская семья вела закрытую жизнь, собираясь без посторонних, чтобы поесть или развлечься. Византийские резиденции монархов не представляли собой, как на Западе, большой жилой блок, расположенный в живописных угодьях и

окруженный конюшнями и хозяйственными пристройками, а строились на восточный манер в форме обнесенного стеной здания, состоящего из большого числа отдельных строений, разбросанных в парках и садах. Император Феофил (829-842) был таким страстным поклонником арабской культуры, что перепланировал большую часть западного крыла Большого дворца в восточном стиле. Поэтому часть его стали называть «Персидским домом».

До XII века Большой (или Священный) дворец в Константинополе служил не только домом для правящего семейства, но и центром государственного правительства для проведения церемоний, гражданских и религиозных. У каждого чиновника, гражданского или военного, было свое место при дворе, в соответствии с его положением в правительстве или званием. Дворец занимал обширное пространство, простираясь вдоль берега моря от ипподрома до собора Святой Софии и заключая в себя всю территорию, которую впоследствии займет дворец султанов Османской Турции, сарай. Его земли спускались к береговым стенам, и отсюда открывался вид на Мраморное море, Золотой Рог и дальше на восток, на Босфор и азиатский берег. В пределах его стен располагалось множество зданий. Стивен Рансимен сравнил этот величественный комплекс с испанским Эскориалом {4}, поскольку в обоих случаях помимо жилых помещений и имущества императора здесь находились некоторые из самых чтимых церковных реликвий и государственные сокровища.

Помимо семи дворцов, константинопольский комплекс включал официальную резиденцию императора, называвшуюся «Октагон», то есть «восьмиугольник». Официальная резиденция императрицы, Пантеон, находилась рядом с церковью Святого Стефана, которая, в свою очередь, примыкала к дворцу Дафны. Церковь Святого Стефана и дворец Дафны использовались императорами для самых серьезных и торжественных мероприятий. Тронный зал располагался в прилегающем Золотом триклинии, то есть «золотой столовой», которую в конце VII века закрыли куполом. Трон, чем-то похожий на алтарь, стоял в апсиде в конце длинного зала. В этом месте пол поднимался над основным уровнем зала и был покрыт золотым ковром. На возвышение вели ступеньки из порфира. Трон, как и все прочие, используемые императорами, представлял собой ложе под пологом с двойной спинкой и подставкой для ног. Свод апсиды был украшен смальтовой мозаикой с изображением Христа и надписью: «Царь царей». Вплоть до X века этот зал оставался самым главным и священным из всех. В нем хранились императорские регалии и стояли два органа, инкрустированные драгоценными камнями. Именно здесь появился механический трон, заказанный Феофилом и удивлявший приходивших на аудиенцию послов. Позади трона полукругом, повторяя форму апсиды, стояли самые выдающиеся представители личной охраны императора, распределенные по национальному признаку. Те, кого император желал отметить особенно, располагались ближе к нему, чем все остальные. За ними

вставал второй полукруг, из менее важных стражников в доспехах. Третий, и последний, полукруг состоял из людей еще более низкого положения, в основном, если воспользоваться византийским словом, «варваров», то есть из варягов. На них не было доспехов, но они держали в руках пики и щиты, а на плече у каждого висел боевой топор.

Феофилу не нравился Золотой триклиний, и в 838 году он построил себе дворец Триконхий. Его название происходит от слов «три» и «купол», поскольку его венчали три купола. В нем был зал, разделенный на три параллельные секции колоннами, которые поддерживали купола. В здании насчитывалось три входных двери; центральная была сделана из серебра, а две других - из бронзы. Очевидно, трон Феофила стоял под центральным куполом, а его жена и сын сидели по обеим сторонам от него. Считается, что именно этот дворец стал прообразом церкви Неа, возведенной в пределах комплекса в 881 году. В 1042 году, когда Зоя и Феодора стали править совместно, трон Зои всегда ставили чуть впереди трона ее младшей сестры. Рядом с ними полукругом стояли стражники-варяги, держа в руках обоюдоострые мечи, называвшиеся «ромфай». Отдельным полукругом стояли фавориты и приближенные императрицы. Все держали очи долу в знак уважения.

В комплексе было еще бесчисленное множество залов, соборных палат и парадных комнат, каждая из которых использовалась для определенного вида церемоний. Одними из самых важных были: Оноподион (вестибюль дворца Дафны), Палата кандидатов (для военнослужащих дворян), Зал экскубиторов (экскубиторы входили в дворцовую стражу, которая выступала в роли императорской охраны), Лихны (круглое сооружение с куполом рядом с Трибуналом (то есть судом), где принимали императора во время его визита в Трибунал) и значительнее всех Халке - роскошное строение, из которого можно было попасть в любое здание комплекса. Со времен правления Юстиниана в Халке сделали комнату с куполом, стены которой внутри были облицованы мрамором, а потолок украшали смальтовые мозаики. Две мозаики представляли собой портреты монархов: на одном был изображен Юстиниан, на другом - он же с Феодорой. По-видимому, обе мозаики походили на величественные мозаичные портреты Юстиниана и Феодоры, сделанные приблизительно в то же время и сохранившиеся до наших дней в Равенне. На одной линии с Халке, к северу от нее, другие ворота в форме павильона соединяли дворец с императорской ложей на ипподроме. Со стороны ипподрома они были отделаны пластинами из слоновой кости, пожалуй самыми впечатляющими из всего, что было когда-либо сделано из этого редкого и прекрасного материала.

В пределах дворцового комплекса насчитывалось множество церквей и часовен. Одними из самых чтимых были молельня Святого Феодора, расположенная в Золотом триклинии или около него, Сигма и баптистерий. Знаменитый маяк, Фарос, указывавший морякам безопасный путь в гавань и посылавший сигналы в удаленные районы империи по эстафетной системе, стоял на мысу в пределах комплекса. Были здесь также несчетные здания для прислуги, кладовые, шелкопрядильни, императорские фабрики и мастерские, где изготавливались предметы роскоши высочайшего качества для самого императора. Личные конюшни императора, в которых жили боевые и охотничьи лошади и пони для игры в поло, находились совсем близко. Существовали и конюшни для беговых лошадей, принимавших участие в скачках на ипподроме. Они стояли недалеко от ворот и открывались прямо на беговую дорожку; в них поддерживали безупречную чистоту. Над каждым стойлом висела золотая лошадиная сбруя. Псарни, в которых находились собаки и гепарды, использовавшиеся императором во время охоты на оленей и медведей в Малой Азии, и клетки с соколами, пускаемыми в погоню за зайцами и дикими птицами, соседствовали с его личным зверинцем, в котором содержались заморские звери. Рядом помещались птичник, арсенал, монетный двор, сокровищница, архивы. Считается, что в комплексе работали 20 тысяч слуг. Сам же комплекс включал еще Жемчужный дворец, где императорская семья жила летом, и прочие дворцы, куда они перебиралась на зиму. Были также резиденции, служившие для определенных целей, как Пурпурный дворец или Комната для новобрачных в императорском дворце у вод Мраморного моря. В последнем находилась ванная

комната, которой императрица пользовалась всего три дня после свадьбы, когда была обязана принимать ванну в соответствии со строго оговоренными правилами. Так, в конце третьего дня обе фракции собирались у ванной комнаты.

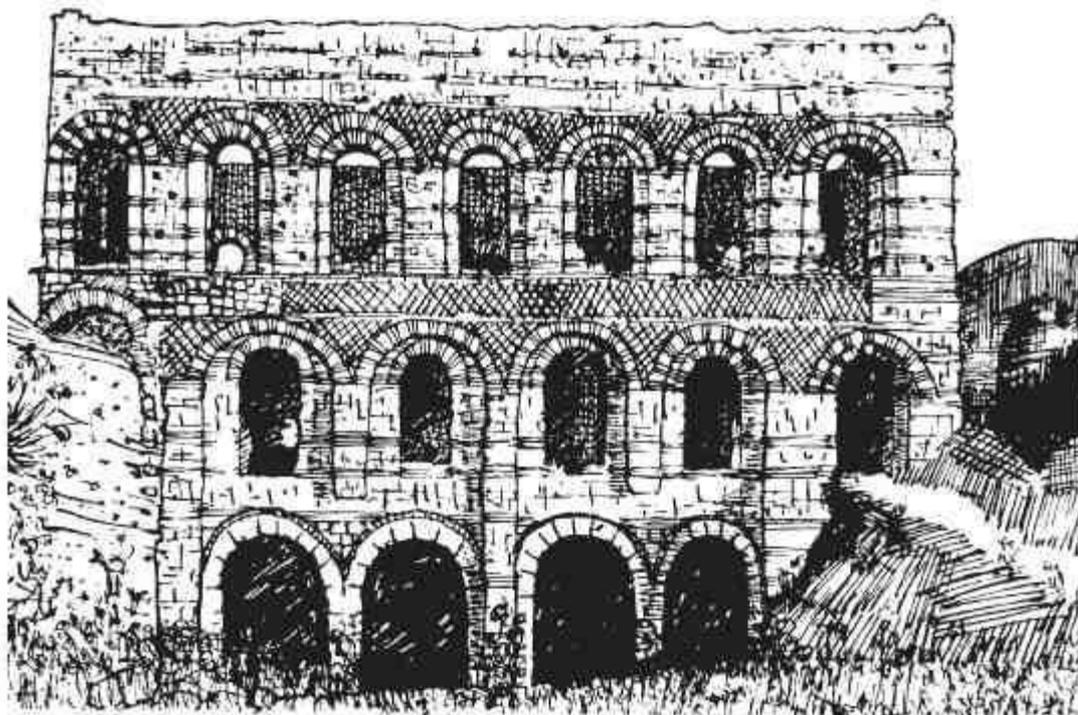

Под бдительным надзором консула и под аккомпанемент трех органов туда вносились чистое белье, коробочка духов, шкатулка с драгоценностями, кувшины и тазы. Далее императрица с двумя придворными дамами по обеим сторонам от нее и одной позади, каждая из которых несла по алому гранату, усыпанному драгоценностями, входила в ванную. Террасу императорского дворца украшали статуи. По сохранившимся свидетельствам, последним там установили бюст императора Фоки (602-610). В IX веке дворец опустел, а вскоре был превращен в университет. Огромный зал, в котором стоял знаменитый трон Соломона, оказался очень удобной аудиторией для лекций. Своим строением он был очень похож на базилику с тремя приделами, завершающуюся в центральной апсиде. До этого многие императоры предпочитали дворец Дафны императорскому дворцу. Он был самым старым из всех зданий комплекса и появился во времена Константина I. В него можно было пройти из одного обеденного зала.

До наших дней сохранились всего два фрагмента руин, которые помогают нам приблизительно представить внешний вид этих строений. Оба находятся в Стамбуле. Один из них - часть Влахернского дворца, стоявшего рядом с северо-восточной стороной городских стен. Другой - по ошибке названный домом Юстиниана - возвышается на краю скалы над Мраморным морем и датирован VIII веком. Судя по их виду, дворцовые здания, вероятно, напоминали фасады строений, изображенных на настенных мозаиках VI века в церкви Сант-Аполлинари Нуово в Равенне или руины римских домов в Остии. И те и другие руины подтверждают, что здание было прямоугольным со строго прямыми линиями. Влахернский дворец имел изначально три этажа, а дом Юстиниана - два. В обоих были большие пропорциональные окна, что делало комнаты очень уютными. Также они доказывают - насколько это можно понять из их вида, - что византийцы тонко чувствовали природу и любили ее во всех проявлениях. Это заметно по тому, как изображены деревья, цветы, сцены из жизни крестьян на прекрасных мраморных мозаиках на полах, украшающих своего рода крытую галерею, или перистиль, открытую в помещениях Большого дворца. Восхитительные места, которые византийские монахи избирали для постройки монастырей, также говорят об их любви к природе.

В Большой дворец входили через внушительные бронзовые двери. А внутри в окружении немислимой роскоши билось сердце Византии. К VI веку, когда Юстиниан установил там бронзовых коней, которых привез из Эфеса, здесь скопилось немало произведений искусства, и дворцовый комплекс превратился в настоящий музей. С VIII века к этой коллекции стали регулярно добавлять статуи императора и героев империи. Многие из них

устанавливали рядом с Залом суда, расположенным около главных ворот, откуда через малые залы можно было пройти в анфиладу столовых. В самой прекрасной из столовых стояли 19 диванов, а золотое блюдо, используемое в ней, хранилось в помещении под названием Кастресиакон, в который вели двери из слоновой кости; здесь всем ведали старшие служанки из свиты императрицы.

В другом зале насчитывалось 36 диванов, а в одном из малых - 12. Торжество в честь дня рождения императора проводилось в триклинии Юстиниана, где после мясных блюд могли выступить танцовщицы. В дошедших до нас источниках говорится, что самый большой стол был такого размера, что вокруг него вставало 36 диванов. Он был сделан из золота. В X веке германский посол Лиутпранд был потрясен во время обеда при дворе, когда заметил, что все гости едят с золотых тарелок, а фрукты лежат в золотых чашах, столь огромных и тяжелых, что их невозможно было поднять. Их спускали с потолка на веревках, убранных в позолоченные кожаные чехлы и прикрепленных к механическому устройству, с помощью которого чаши передвигали от одного гостя к другому.

С VIII века императоры начали строить новые дворцы. Большой дворец стал слишком громоздким и потерял монаршую любовь. Еще в VI веке Юстин II (565-578) стал чаще пользоваться Влахернским, чем Большим дворцом. Влахернский дворец находился, как мы уже видели, на противоположной стороне города относительно старого дворца, рядом с церковью того же названия, выстроенной императором Марцианом (или Маркианом) (450-457) и его женой Пульхерией, однако только в XI веке Алексей I Комнин (1081-1118) решил окончательно покинуть Большой дворец и переехать сюда. В XI и XII веках Влахернский дворец снискал любовь благодаря своим дворикам, одетым в мрамор, центральному залу, облицованному порфиром, и изобилию золота в отделке. Тем не менее Алексей и его семья жили там относительно скромно. Только во время правления Мануила I Комнина (1143-1180) Влахернский дворец стал центром веселой придворной жизни. Мануилу дворец пришелся по сердцу, и он заполнял его красивыми предметами. Этот император был большим любителем развлечений, готовым придумывать необычные забавы. На его празднествах никто не скучал. Он часто удивлял гостей новыми потехами собственного изобретения. Так, например, Мануил устраивал турниры на западный манер и приглашал на них дам. В 1204 году, когда Константинополь захватили крестоносцы, решив остановиться здесь и не пытаться спасти Святую землю от мусульман, Влахернский дворец был разграблен и разрушен. Латиняне оставались в городе до 1261 года, когда Палеологи вош-

ли в Константинополь и заняли византийский трон. К тому времени императоры жили в сравнительной нищете. К концу XIV столетия даже на государственных приемах им приходилось есть из глиняной посуды, а не из золотой или хотя бы серебряной. Императорская семья испытывала такие серьезные финансовые затруднения, что Анна Савойская, жена Андроника III (1328-1341), была вынуждена заложить свои драгоценности венецианцам всего за 30 тысяч дукатов. Ей так и не удалось собрать эту относительно небольшую сумму, чтобы выкупить их, поэтому они остались собственностью Венецианской республики.

Двери всех императорских дворцов закрывались ежедневно в три часа пополудни и открывались на рассвете следующего дня. Обязанность закрывать и открывать их возлагалась на старшего привратника, который был также священником. Частная жизнь императорского семейства начиналась в момент закрытия дверей. Теплыми летними вечерами мужчины могли заниматься спортом, например стрельбой из лука, метанием копья или теннисом, наблюдать за поединками боксеров или силачей. Константин VIII дал новую жизнь гимнастике, которая представляла собой вид борьбы, напоминающей бои гладиаторов. В VI веке в Константинополь с Востока пришли шахматы и шашки, в которые вскоре стали часто играть при дворе. Константин VIII имел почти маниакальную страсть к шахматной доске и игре в кости. В IX веке Феофил привез из Персии поло. Оно быстро приобрело популярность в Византии. Матчи часто устраивались на ипподроме Константинополя и в других городах. Эта игра не потеряла своих почитателей даже в XIII веке, когда во время образования Трапезундской империи в Трапезунде была заложена площадка для игры в поло. Константинопольским императорам так нравилось поло, что многие из них играли на своих личных площадках, а когда погода портилась, к их услугам были шуты, карлики, мимы и акробаты, готовые развлекать своих монархов.

В правление династии Комнинов жизнь была веселой и беззаботной, ориентированной на Запад и на все новое. Императрицы этого семейства любили давать балы, организовывать концерты и спектакли с участием мимов в своих загородных усадьбах, которые располагались на окраинах столицы, неизменно среди прекрасных пейзажей, где императоры с давних времен строили охотничьи домики и замки. Феодора выбрала место для своей любимой усадьбы на азиатском берегу Босфора.

Несмотря на то что жизнь в Византии была упорядочена до мелочей, бедные жители Константинополя испытывали столь острую нужду даже в предметах первой необходимости, что им нечего было терять, выражая свой протест. Поэтому они никогда не боялись выказать недовольство и часто выступали столь бурно, что, даже когда передача власти по наследству была закреплена законами, в столице все равно случались беспорядки. Нередко это приводило к смене правителя. Если восстание увенчивалось успехом, толпа на радостях плясала на улицах и слагала песни о произошедшем, как это было в 1042 году, когда был низложен Михаил V. В 1057 году граждане Константинополя выразили благодарность Исааку Комнину за свержение Михаила VI, зажигая факелы в его честь, брызгая благоговениями и танцуя на улицах. Дворцовые революции также зачастую неожиданно приводили на трон нового монарха и, таким образом, временами приносили беду отдельным людям или всей стране. В итоге девять династий и несколько узурпаторов сменяли друг друга на византийском троне. Однако с самого начала пост императора, а нередко и он сам, вызывал глубокое уважение всех жителей империи. Диоклетиан был первым римлянином, который заявил о божественном начале монарха. В Византии император был заместником Бога на земле, и это обеспечивало ему почитание подавляющего большинства его граждан, исповедующих христианство. Церемониал, разработанный церковью для императора, тоже способствовал пробуждению подобного отношения. Более того, на раннем этапе византийской истории влияние ее самого серьезного противника, Персии, где сасанидские правители считались богоподобными, помогло императору утвердиться в том, что его пост дает ему право на уважение и даже обожание подданных.

Хотя Персия и Византия постоянно находились в состоянии войны друг с другом, борясь за главенство в мире, пока в VII веке их не опередили арабы, благоговение, которое

персы испытывали к своим монархам, привлекало византийских императоров. Однако никто из них никогда не отделял себя от своих граждан до такой степени, как сасанидские цари, хотя они всячески старались подчеркнуть собственную неповторимость и важность. Диоклетиан ввел понятие «богоизбранный царь». Константин закрепил его, запретив носить пурпурные одежды и обувь всем, кроме членов своей семьи. Вскоре все, кроме патриарха Константинопольского, обязаны были падать ниц, приветствуя императора. Члены правительства, или Священной консистории, собираясь в присутствии императора, хотя и не должны были падать ниц, но все заседание проводили стоя.

Продуманный до мелочей придворный церемониал усложнялся с течением времени с единственной целью: усилить блеск, окружающий монарха, и таким образом повысить и его личный статус, и значимость занимаемого им поста. Все его официальные выходы были четко спланированы и проработаны, точно какой-нибудь балет, представляемый неизменно в окружении великолепия. Так, например, в начале V века к празднованию крещения сына императора Аркадия, будущего Феодосия II (408-450), улицы Константинополя украсили шелковыми полотнищами, вышитыми золотом и другими драгоценными материалами. В те времена секрет производства шелка еще не был известен на Западе, поэтому его доставляли караванами из Китая по очень высокой цене. Все вельможи, принимавшие участие в процессии, шествовавшей к собору и из него, надели белое, напоминая, по сло-

вам очевидца, облако снежинок. Самые высокопоставленные сановники империи возглавляли процессию. За ними следовали императорские полки с зажженными свечами в руках, сверкающими, словно мириады звезд. Высокопоставленный аристократ нес монаршего ребенка, а отец-император, одетый в пурпур, шел позади. Даже зеваки были в нарядных одеждах.

Придворный церемониал был не только сложным, но и строго определенным. К X веку он стал таким замысловатым, что просвещенный и талантливый император Константин VII Багрянородный счел необходимым подробно описать его в «Книге церемоний». Император был историком и выдающимся писателем и написал для своего сына «Книгу управления». По большей части знанием о жизни византийского двора и властей мы обязаны этим двум работам. В первой Константин определил церемонию как «внешнее проявление внутренней гармонии» и заметил, что «ритуал помогает повысить значимость монарха». «Магистральная линия» церемоний закладывалась еще при Юстиниане, когда были вырабатаны основные принципы, которые надлежало соблюдать в ходе коронаций, рождения императорских отпрысков, венчаний и погребений, как и отъезда монарха из столицы и его возвращения, во время его пребывания на мероприятиях, например на бегах на ипподроме, во время приема послов, во время религиозных и государственных праздников. Но досконально все было описано только в X веке. Тогда даже изобретения в области механики использовались, чтобы подчеркнуть сверхчеловеческую природу монарха. Самым занимательным в этом ряду был механический трон, заказанный Феофилом. Однако и менее технически оснащенные троны выглядели впечатляюще, поскольку были изготовлены из дорогих материалов, отделаны драгоценными камнями, увенчаны балдахинами, обиты редкими и дорогими тканями и стояли на возвышении. К ним прилагалась изысканно украшенная скамеечка для ног.

Когда император покидал столицу, его провожали до определенной точки на границе города сыновья, патриарх, сенаторы и старшие офицеры армии и флота. Когда он возвращался, все они встречали его на этом же месте. Если он возвращался из европейского похода, приветственная церемония проводилась в замке Эбдомон, стоявшем рядом с западными стенами города. Часто все происходило в павильоне, располагавшемся поблизости. После приветственной церемонии император имел обыкновение въезжать в город во главе отряда своих телохранителей через Золотые ворота, следовать по Месе, или Главной улице, мимо форума Феодосия и форума Константина, огибая ипподром, к Большому дворцу.

Император в своем статусе посланника Христова должен был выполнять некоторые обязанности в ходе религиозных торжеств, каждое из которых проходило по определенному канону. Многие языческие обряды были включены в христианский ритуал. Так, например, 15 августа, по языческому обычаю, праздновался сбор винограда. В этот день император и патриарх выезжали из столицы во главе шествия на какой-нибудь не слишком удаленный виноградник, чтобы возглавить праздник урожая. В таких случаях ноги и хвост императорского коня украшали шелковыми лентами и надевали на него упряжь с драгоценными камнями. До конца X столетия, когда был установлен день Рождества, 25 декабря по традиции устраивали праздник в честь бога Солнца. На всех торжествах император, олицетворяющий бога Солнца, исполнял нечто вроде традиционной пантомимы и появлялся перед подданными в нимбе, который изначально был символом бога Солнца. До того времени рождение Христа праздновалось 6 января, когда в одном из залов для аудиенций Большого дворца перед собранием высоких гостей император вручал получившим новое назначение или повышение вельможам государственную бумагу, знак новой должности и дощечки из резной кости, похожие на те, которые известны нам сейчас как консульские диптихи. Вельможи готовились к важному событию, постясь весь предшествующий день. Они принимали бумагу от императора коленапреклоненно. Перед началом торжества стража монаршей спальни встречала гостей у дворцовых ворот и провожала их в зал для аудиенций, где они ожидали императора. Когда он входил в зал, все должны были приветствовать его в соответствии с их должностями. Сенаторам дозволялось поцеловать

грудь императора справа, когда он наклонялся, чтобы поцеловать их в макушку. Людям более низкого положения предписывалось упасть на пол и поцеловать ступню императора, протянув руки вперед, - эта поза называлась «проскинез», она до сих пор используется в некоторых религиозных орденах, когда монахи или монахини приносят обеты.

Церемония приема послов была очень похожа, но начиналась, когда посланник и его приближенные достигали границы Византии. Если делегация приезжала из Персии, ее встречали на Евфрате. Комитет по встрече, имеющий при себе монаршие подарки, собирался там, чтобы приветствовать посланника. Подобные церемонии повторялись во всех региональных столицах, через которые пролегал путь посла в Константинополь. Местный правитель преподносил ему подарки, ценность которых различалась в зависимости от важности посла. По приезде в Константинополь посла и его приближенных провожали в отведенный для них дом. Там они смиренно дожидались, пока император соизволит их принять. Во все это время их ежедневно снабжали едой. В день, избранный для аудиенции, дары, привезенные послом от своего монарха императору, и те, которые он сам должен был получить от императора, выставлялись во дворце на всеобщее обозрение. Императорская стража в парадной форме, состоящей из золотых шлема и нагрудной пластины, надеваемой поверх белых одежд, с копьями ехала к дому посла, где посол и его приближенные в самых нарядных одеяниях ожидали их. Посол садился на коня под изысканной попоной, которого специально для него выбрали на императорских конюшнях, и все отправлялись по улицам, украшенным коврами и полотнищами, вывешенными в честь посланника из окон и с балконов домов на его пути. Это было настолько восхитительное зрелище, что впоследствии венецианцы украшали так же свои улицы по праздникам.

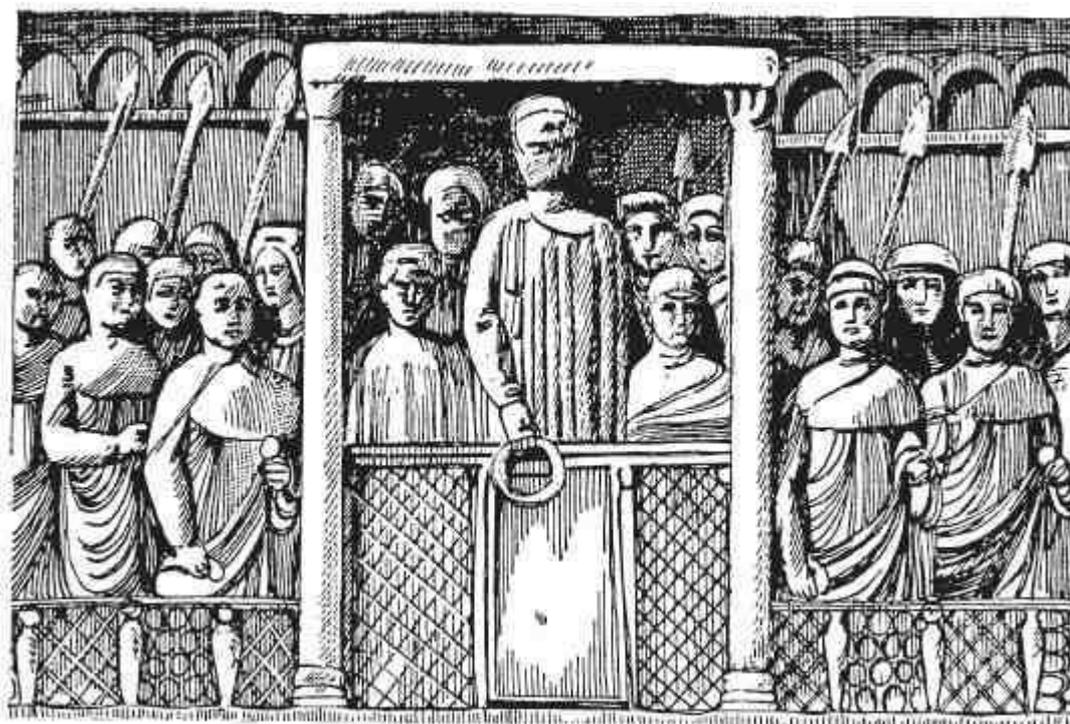

У входа во дворец посла встречал старший офицер, который проводил его вместе с толмачом и эскортом в зал для аудиенций, где на возвышении стоял трон, скрытый от глаз роскошными полотнищами. В нужный момент они раздвигались и открывали сидящего там императора в официальном одеянии и короне. На нем была длинная прилегающая мантия из драгоценной парчи, украшенная по шее, по талии, по центру спины и по переду каймой из вышивки и драгоценных камней. Короны слегка меняли форму в зависимости от времени, за исключением великолепной короны Мономаха XI века, находящейся в Будапеште, изготовленной из восьми золотых пластин, покрытых эмалью. Очевидно, свечение, исходившее от короны и камней, объясняет, почему один потрясенный гость сравнил костюм императора Мануила Комнина (1143-1180) с «лужайкой, покрытой цветами».

Завидев императора, всем полагалось пасть на колени. Когда величие этого зрелища производило достаточное впечатление на всех, кому выпало такое счастье, посла подводили к трону. По пути он должен был трижды остановиться и преклонить колени перед базилией. Дойдя до трона, он протягивал верительные грамоты распорядителю церемоний и приветствовал императора от имени своего монарха. Император отвечал, осведомившись о здоровье последнего. Если речь шла о царе персидском или калифе багдадском, император называл его братом, а если о европейском правителе, то сыном. После он назначал день, в который послу надлежало вернуться во дворец, чтобы обсудить государственные дела.

По окончании миссии посла император устраивал торжественный обед в его честь. Гости усаживались в строгом порядке в соответствии с должностями. Столы, используемые на таких обедах, мы бы назвали Т-образными, однако византийцы, жизнь которых стро-

илась на христианской вере, описывали их как имеющие форму полукреста. Во главе - то есть на перекладине креста - был «высокий» стол, сделанный из золота. Император восседал в центре его в пурпурной мантии поверх белой туники. По левую руку от него сидела императрица. Гости-мужчины и его конюшие, все с почетными лентами, располагались по правой стороне этого стола, а дамы - по левой. Довольно долго (по мнению некоторых ученых, до X века) все они сидели на диванах на римский манер, хотя, обедая без посторонних, императорская семья, по всей видимости, пользовалась стульями с давних времен. Придворный вельможа, называвшийся «силентарий», держал скипетр и стоял позади императора на протяжении всего обеда, а придворная дама с жезлом в руке стояла позади императрицы. Если заезжий посол представлял сильное государство, его усаживали за «высокий» стол. Если нет или если император желал оскорбить его, его усаживали за поперечный стол, где размещались его толмач и эскорт. В X веке Лиутпранд Кремонский, посол императора Германии, был так разгневан тем, что его определили за стол для низких сословий, в то время как посол Болгарии сидел за «высоким» столом, что не смог насладиться музыкой, пантомимой и танцами, представленными для увеселения гостей.

Если император пребывал в Константинополе или другом крупном городе, он должен был присутствовать на играх в цирке или на гонках колесниц на ипподроме. Несмотря на свое языческое происхождение, развлечения подобного рода проводились почти регулярно на протяжении всей истории Византии, и не только в Константинополе, где ежегодно 11 мая играми праздновалось основание города, но и на провинциальные ипподромах. Основной составляющей этих торжеств была гонка на колесницах, причем в каждую было запряжено четыре лошади в ряд. В Константинополе старт гонкам давал император. Делал он это, бросая белый носовой платок, называвшийся «маппа». Четыре забега проводилось утром и четыре после полудня. В промежутке император давал обед. Во время Готских игр он проводился в «зале девятнадцати диванов». По окончании каждого дня император вручал призы абсолютным победителям. Они состояли из оригариона (золотого символа), серебряного шлема и пояса. В перерывах между забегами зрителей развлекали мимы, танцоры, акробаты и циркачи, многие из которых выступали под аккомпанемент органов и лютней. Высокопоставленные гости из Киевской Руси были так потрясены этими увеселениями, что в XI веке великий князь Киевский приказал изобразить некоторые их сцены на стенах лестницы, ведущей к его скамье в киевском соборе Святой Софии. Многие из тех

рисунков сохранились до наших дней и оказались единственными известными нам изображениями этих увеселений.

Как единоличный источник закона и порядка, император был довольно занятым человеком, его день был долгим и насыщенным. Императора будили ежедневно в шесть утра тремя ударами в дверь. Он вставал и одевался без посторонней помощи, обходясь без каких-либо церемоний, подобных той, которую позднее ввел Людовик XIV, король Франции. Она известна нам как *lever du roi* {6}. Из своей спальни император шел в Золотой зал, чтобы помолиться перед иконой Спасителя, находившейся там в специальной нише. После чего садился на трон и завтракал. Поев, он принимал управляющего двором и обсуждал с ним распорядок дня. Потом наступал черед министров и вельмож, у которых были безотлагательные дела к монарху. Все приходило к нему в роскошных мантиях с изысканной вышивкой, которые приличествовало носить на занимаемом ими посту. В присутствии императора всем, кроме патриарха, полагалось стоять. Покончив с делами, министры удалялись, а патриарх часто оставался отобедать с императором. Перед тем как войти в столовую, они оба снимали свои мантии и надевали их только в конце обеда; перед уходом патриарх обнимал императора.

Император был обязан подписывать практически все государственные документы. Поначалу они составлялись на пергаменте, но в XI веке появилось некое подобие бумаги, называвшееся «бомбазин» (поскольку оно изготовлялось в Багдаде). Имя и титулы императора писались в шапке любого документа очень крупными буквами и особым шрифтом. Император ставил свою подпись в конце страницы пурпурными чернилами. Всеми письменными принадлежностями ведал особый высокопоставленный вельможа. Он был должен предоставлять пурпурные чернила за собственный счет и вряд ли мог хоть сколько-нибудь компенсировать эти расходы тем влиянием, которым обладал. Каждый документ, подписанный императором, регистрировался в архиве. Особый правительственный отдел отвечал за перевод тех сообщений, которые посылались за границу. Списки с переводов присоединялись к спискам с оригиналов и хранились вместе с ними. Особые грамоты, известные как «буллы», часто писались золотом. Если наверху в ней изображался Христос и император в официальной мантии и короне, ее называли «хризобуллой», то есть «золотой буллой».

Хотя императоры были людьми занятыми и жизнь в Византии (особенно при дворе) строго регламентировалась четко проработанными предписаниями, было бы ошибочно считать правителей этой империи простыми марионетками. Все они обладали самобытными характерами и яркими индивидуальностями. У многих был широкий круг интересов, и они проводили часы досуга, занимаясь личными делами. Некоторые отличались общительностью и часто приглашали гостей, чтобы те разделили трапезу с императорским семейством, а часто сами с радостью принимали приглашения отобедать в домах своих подданных. Все они вели полноценную семейную жизнь, не выставляя ее на обозрение. Юстиниан старался проводить все свободное время с Феодорой, в которой души не чаял, для чего ему приходилось просыпаться на рассвете и ложиться очень поздно, а иногда и вставать среди ночи, чтобы почитать или позаниматься. Он не ел мяса и не пил вина. Никифор Фока (963-969) и Василий II (976-1025) также были умеренны в еде и питье. Лев VI взял себе за правило гулять по улицам Константинополя по ночам, тайно и в одиночестве, чтобы своими глазами видеть, исполняет ли полиция его приказ арестовывать бродяг. Однажды ночью, переодетый бродягой, он убедил двух дозорных отпустить его, но третий проигнорировал его мольбы и отправил в тюрьму. Утром Лев наградил последнего и строго отчитал первых двух. Еще он очень любил без предупреждения посещать монастыри и оставаться там на обед. Михаил IV (1034-1041) жил в страхе перед восстанием и часто объезжал улицы Константинополя, выглядывая, не собираются ли люди в группы и не замышляют ли чего-то против него. Константин VII Багрянородный в свое правление увлекался написанием и иллюстрированием книг. Феодор Ласкарис тоже был прекрасным кал-

лиграфом и иллюстратором книг. Почти все императоры покровительствовали искусству и были страстными собирателями красивых предметов.

Когда император умирал, его тело помещали в Зале девятнадцати диванов в короне, дивитиссоне, хламисе и пурпурных туфлях. Духовенство из собора Святой Софии и сенаторы стояли вокруг него и пели панихиду. После троекратного крика: «Иди, император: Царь царей, Бог богов призывает тебя», тело переносилось в Халке императорской охраной. А оттуда его несли по Месе к последнему покою. Иногда для этого избирали какую-нибудь церковь. Роман Лакапин и его жена Феодора были погребены в церкви Мирелайон. Когда траурная процессия достигала последнего пристанища покойного монарха, распорядитель делал шаг вперед и снова провозглашал: «Входи, император: Царь царей, Бог богов призывает тебя». Потом он выкрикивал: «Сними корону свою». С этими словами корону снимали с головы почившего императора и на ее место возлагали пурпурный венец. После чего гроб закрывали, и начиналось погребение. Похожий ритуал проводился в случае смерти императрицы.

Глава 3 Церковь и духовенство

Император Юстиниан написал предисловие к сборнику юридических кодексов, изданных под названием «Шестая новелла». В нем он высказывал мнение о том, что «величайшими дарами, которые Господь в своей любви к человечеству послал людям, являются религия и империя, поскольку первая служит делам божьим, а вторая - делам земным». Византийцы разделяли его убеждение, многие из них сравнивали империю с человеческим телом, а церковь - с душой. Вполне естественно, что при таком отношении простые люди были столь же близки к религии и церкви, как император и духовенство. И неудивительно, что так обстояло дело в начале византийской истории, поскольку годы становления христианства были отмечены все возрастающим недовольством старыми и дотоле широко распространенными верованиями, например культом Солнца, митраизмом^{7}, зороастризмом или почитанием богов, принятым в Греции и Риме. Христианство предлагало некоторый моральный кодекс, который вселил надежду в самые разочарованные сердца. Его представление о едином Боге как о высшей силе, управляющей всем в жизни, привлекло тех, кто разуверился в ссорящихся по пустякам злобных обитателях Олимпа. Возможности, которые христианство предлагало женщине, открыли дорогу ее развитию, которое неизбежно сказывалось на повседневной жизни. Более того, каждый новообращенный понимал, что лучшая жизнь на земле и спасения души в будущем зависят от его стремления жить в соответствии со всеми канонами новой веры. А эта убежденность, в свою очередь, приводила к тому, что он приписывал особую важность христианскому учению. Вера в то, что теологическая ошибка может помешать душе христианина попасть в Царствие Божие, прочно вошла в разум византийцев и оставалась там на протяжении всей истории империи, и в результате, даже в последние годы ее существования, всякий, кто исповедовал христианство, интересовался делами церкви так же основательно, как первые неопиты. Более того, само устройство империи помогало упрочить связь между церковью и государством, так что они играли практически равнозначные роли в установлении законов, по которым жили люди.

Христианство имело, по существу, восточную природу. По этой причине оно нашло первых и самых страстных приверженцев в Египте, Сирии и Малой Азии. Духовная составляющая новой веры неожиданно нашла отклик у жителей этих регионов, их разум был гораздо более созвучен ей, чем разум несколько циничных греков или холодных, рассудительных римлян; у тех и других мировоззрение отражало культ богов классического периода. Константин оставался язычником, но не мог не замечать существования этих противоречий, поскольку вскоре после легализации христианства, еще в 325 году, он созвал совет духовенства в Никее. Священники собрались под его председательством, чтобы обсу-

дить вопросы учения и в особенности то, что называется «ересью Ария», то есть они должны были решить, были ли Бог Отец и Христос одной природы или, как утверждали арианцы, отличались друг от друга, поскольку Христос, как сын Божий, появился после Бога Отца.

Семь крупных религиозных соборов созывались с того момента по IX век. Их стали называть Вселенскими соборами церкви. Второй собор, созванный в 381 году, утвердил патриарха вторым человеком в государстве после императора. Третий, собравшийся в 431 году, обсуждал несторианскую секту, члены которой поддерживали мнение Нестория Антиохийского, который считал, что человеческая природа Христа важнее Его божественной природы. Четвертый собор проводился в Халкидоне в 451 году, на нем спорили о двойственной природе Христа. В результате принятого решения египетская церковь отделилась от основной православной и стала называться коптской. К IX веку все основные вопросы учения были разрешены Вселенским собором церкви. В итоге приблизительно до середины XI века собрания стало посещать так мало священников, что они утратили свой обычный международный характер. Первое заседание Вселенского собора было, пожалуй, самым важным из всех, потому что на нем утвердили порядок действий, которому надлежало следовать в дальнейшем. Константин как председатель проявил инициативу и организовал дебаты по образцу римского сената, оставив за собой роль модератора. В результате византийским императорам предоставлялась возможность оказывать на дела церкви большее влияние, чем правителям других христианских государств. Если император не мог лично присутствовать на соборе, он имел право назначить, кого пожелает, в качестве своего представителя. Поначалу папа и его легат считались вторыми по важности после императора на этих собраниях. Но, несмотря на то что папе разрешалось голосовать раньше императора, окончательное решение Вселенского собора должен был обязательно подписать император, а не папа. Естественно, вследствие этого люди предположили, что император несет основную ответственность за решения в вопросах веры, так же как и за борьбу с ересью.

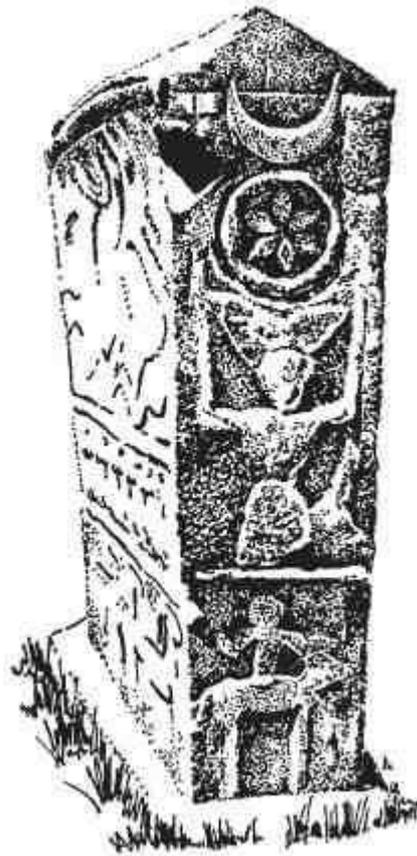
В Византии ересей всегда хватало. Многие основывались на в корне неверной интерпретации Писания. В раннехристианские времена языческие верования и ритуалы были еще так широко распространены, что подавление любых уклонений в сторону от принятого учения было столь же необходимо, как и искоренение идолопоклонства. Трулльский собор, проведенный в Купольном зале в Константинополе в 692 году, одобрил такие суровые меры, которые впоследствии часто пересматривались и расширялись, однако оставались в силе вплоть до XII века. Они запрещали такие языческие обряды, как, например, вакхические празднования во время сбора винограда или празднование Первого мая.

Но церкви так и не удалось окончательно искоренить эти древние обычаи, приносящие людям радость. Осознав это, церковь постаралась включить их в христианскую доктрину. Празднование сбора урожая заменило вакхические ритуалы, события из жизни Христа стали отмечать в дни, которые были праздниками у язычников. На деле это оказалось гораздо проще, чем исправление неверного понимания Евангелия.

Проблемы учения очень беспокоили византийцев. Церковь быстро постановила, что любой, чьи взгляды отличаются от установленных ею, является еретиком. Арианцы были провозглашены безбожниками за то, что сомневались в полноте божественной природы Христа.

Превосходящая их численностью секта монофизитов попала под такое же порицание, поскольку ее члены верили в существование единого божества, полагая Отца, Сына и Святого Духа частями единого целого и тем самым, по мнению церкви, отрицая человеческие свойства Христа. Из прочих активно обсуждавшихся ересей две оказались истребить особенно сложно. Их распространяли члены павликианской и богомильской сект. Первая распространилась в IX веке, когда человек по имени Павел, сын манихейки {8}, утверждал, что Бог (единый в трех лицах) создал только небесную сферу, включающую в себя небеса и их обитателей, а дьявол - человека и видимый мир. Также он считал, что Христос был ангелом и сыном обычной женщины (которую нельзя почитать), и Господь послал его, чтобы бороться со злом на земле. Богомилы были ответвлением павликиан. Больше всего людей им удалось обратить в Болгарии. Их необычные надгробия сохранились там и в Югославии, словно памятники забытому прошлому.

Оказалось, что суеверия изжить так же непросто, как ересь. Вера в демонов и злых духов привела многих к поддержке павликианства и к поклонению сатане, некоторые даже дошли до того, что объявили его старшим сыном Бога. Шесть видов демонов считались самыми опасными. Они населяли воздух, эфир, огонь и землю, а также жили под землей. И все требовали постоянных жертв. Дурного глаза боялись настолько, что в него до сих пор верят в отдаленных районах Ближнего Востока, где носят амулеты - как в ранневизантийские времена, - чтобы защититься от него. Даже в библиотеке Большого дворца хранилась иллюстрированная портретами императоров книга, которая могла предсказывать будущее империи. Уже в VIII веке Константин V советовался со своими астрологами, прежде чем сразиться с врагами. Так же поступал и Алексей I Комнин в XI веке. В итоге астрология считалась близкой к магии и поэтому яростно осуждалась церковью даже в XII столетии, когда многие ученые мужи уже признали астрологию наукой, но ее еще широко использовали с целью получения предсказаний. Это клеймо, прилепившееся к ней в ранневизантийский период, просуществовало на всем протяжении истории государства. Чтобы помочь верующим избежать всех смертных грехов, духовенство установило строгие правила для посещения церкви, отлучая от себя тех, кто не смог присутствовать на службе, на три воскресенья подряд. По воскресеньям, как и во все дни между Пасхой и Троицей, всем надлежало молиться стоя; это означало, что раннехристианский обычай вставать для молитвы утратил силу. Русские применили это предписание к любым действиям в церкви и придерживаются его по сей день.

Император играл столь важную роль в делах церковных, что в церкви его трон, часто из чистого золота, стоял рядом с тронном патриарха, и его приглашали выполнить некоторые особые действия во время религиозных церемоний. Так, например, с ранних времен он появлялся на пасхальной службе закутанным в белые бинты, в сопровождении 12 спутников. С X века император кадил ладаном в Высоком алтаре в течение рождественской службы. Во время Великого поста он возглавлял шествие вокруг Высокого алтаря в церкви Магноры, кроме того, выполнял некоторые обязанности в Вербное воскресенье и в Великий четверг. Тем не менее император не мог навязывать свои взгляды церкви, если они противоречили взглядам духовенства. Церковь оставалась независимой в вопросах учения и, хотя

и существовала под покровительством императора, все же имела власть, равную его власти. Но даже при этом, возводя патриарха Константинопольского на пост главы православной церкви, император мог заявить: «Этот человек назначается патриархом Константинопольским милостью Божьей и нашей императорской властью, которая происходит от милости Божьей». Также патриарх не мог отлучить императора от церкви. В XI веке патриарх Михаил Керуларий попытался возвеличить церковь над короной. Он потерпел неудачу, но поднял престиж церкви настолько, что, когда репутация и могущество императора пошли на убыль из-за продвижения на запад турок-османов, церковь не утратила репутацию и могущество. Во время турецкого завоевания Константинополя церковь сохранила силу, и патриарх сумел убедить султана признать его власть над всеми православными христианами, живущими на оттоманских территориях, не исключая Балкан, и позволить ему организовать школу в Константинопольском патриархате, где будут преподавать византийское богословие и будут говорить и писать по-гречески. Таким образом, патриарх в Константинополе стал играть неоценимую роль в сохранении христианства и греческой культуры на оттоманских территориях, хотя печатные машины там установить было нельзя. Когда изобрели книгопечатание, книгу, требующуюся патриархату, приходилось заказывать в Венеции и перевозить в Константинополь. Отчасти по этой причине, отчасти еще и потому, что многие представители старшего духовенства бежали туда из покоренного Константинополя в поисках безопасности, Венеция также стала аванпостом православия.

Основной закон православной церкви был выработан, если не обстоятельно, то в основных вопросах, в IV и V веках, но небольшие изменения вносились на протяжении всей византийской истории. Решение использовать юлианский календарь, придуманный на закате Римской империи, начинать религиозный год одновременно с мирским 1 сентября и считать годы от предположительной даты сотворения мира, которое произошло за 5 тысяч лет до того, принималось церковью, а не императором. Также церковь отвечала за разделение территории на провинции, власть в которых передавалась митрополитам. Назначалось пять патриархов. Трое находились в древнейших городах империи: Риме, Антиохии и Александрии. Двое - в новых городах - Константинополе и Иерусалиме. Рим, как старейшая столица, имел превосходство над остальными. Константинополь, как новая столица, считался вторым, но в своем положении «нового Рима» часто выполнял обязанности, ранее возлагавшиеся на «старый» Рим, и к нему перешли привилегии и почести последнего.

Когда в VII веке Александрия и Антиохия были захвачены арабами и включены в состав мусульманской империи, эта потеря весьма содействовала возвеличиванию патриарха Константинопольского.

Его положение также было немало усилено в 732 году решением Льва III передать Южную Италию, Грецию и Иллирию из-под контроля Рима под контроль Константинополя. Эта перемена вызвала возмущение папы. Неприязнь между лидерами двух церквей росла в результате иконоборческих противоречий. Вражда достигла апогея в конце VIII столетия, когда Карл Великий воспользовался размолвкой и заставил папу короновать его императором Запада. Этот шаг очень разозлил императора Византии, поскольку не только наносил оскорбление его достоинству, но и бросал вызов претензиям православной церкви на то, чтобы ее признали верховной властью. Отношения между ними все ухудшались и были окончательно испорчены в 1054 году, когда взбешенный папский легат, кардинал Гумберт, бросил буллу об анафеме на серебряный алтарь собора Святой Софии и в гневе удалился. Мануил I (1143-1180) пытался, правда безуспешно, провести примирение, что привело к последней размолвке между православием на Востоке и католичеством. Эта рана по-прежнему остается неизлеченной.

В 1204 году, накануне латинской оккупации Константинополя, император захотел улучшить отношения с западным христианским миром попыткой объединения с Римской церковью. Этот шаг был встречен крайне враждебно патриархом Константинопольским, который пользовался поддержкой византийского духовенства и народа. Латинское завоева-

ние столицы только разожгло злость православной церкви. Тем не менее император постарался все уладить на соборе, созванном во Флоренции в 1439 году, когда он пытался добиться военной помощи от западного мира для отражения, как никогда, серьезной угрозы нападения турок-османов. Хотя совет размышлял до 1443 года, помощи не последовало. Православная церковь до сих пор вменяет в вину Европе, что та не пожелала сразиться с исламом. В те времена это вызвало такое негодование по всей Византии, что, когда победивший султан посоветовал Геннадию (которого назначил патриархом завоеванного Константинополя) объединиться с Римской церковью, греческий прелат решительно отказался даже рассматривать такую возможность.

В византийские времена патриарх Константинопольский жил в роскоши. Он располагал жильем в соборе Святой Софии и в примыкающих зданиях, обладал личным дворцом. В его привычках было завтракать в одном из этих жилищ после утренней службы в соборе. Он часто принимал там императора. Кроме того, патриарх владел несколькими кабинетами и залами для заседаний, в которых вместе с собранием священников, известным как Священный синод, занимался делами церкви. Только епископы константинопольские имели право служить на нем, но когда церковные владения были поделены на провинции, названные митрополиями и управляемые митрополитами, а те - на епархии, порученные заботам епископов, и митрополиты, и автокефальные (то есть автономные) епископы призывались на такие собрания.

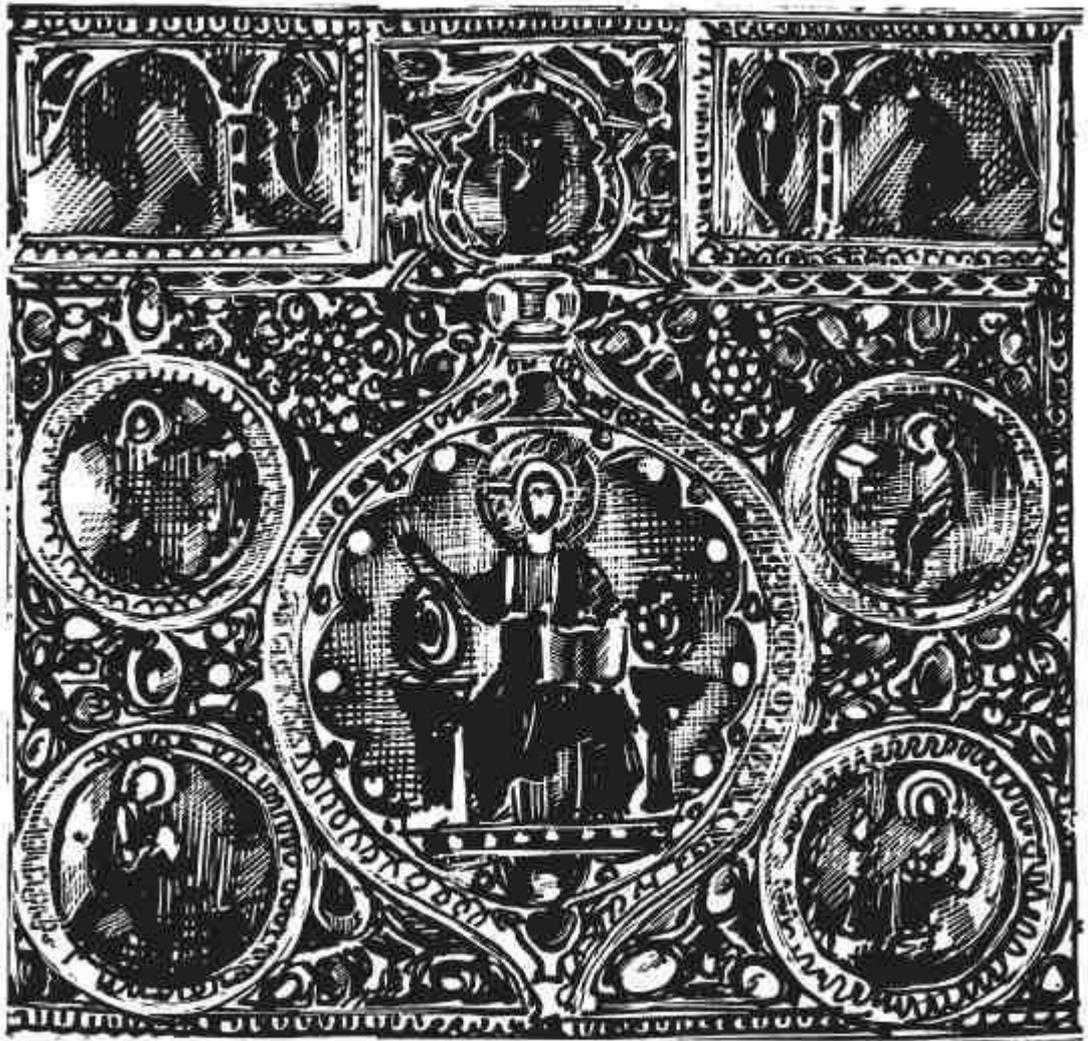
Митрополитов назначал патриарх, который выбирал их из трех кандидатов, предложенных Священным синодом. Митрополиты назначали своих епископов аналогичным образом, выбирая их из списка из трех имен, составленного местным синодом. Однако некоторых епископов назначал сам император, и они, соответственно, не подчинялись своему митрополиту. Такие автокефальные епископы имели большое влияние в Священном синоде.

Чтобы получить право быть избранным епископом, священнику должно было исполниться 35 лет, ему надлежало знать Псалтырь наизусть. Кроме того, требовалось хорошее образование. Сначала женатый мужчина мог претендовать на высокий пост при условии, что его жена покинула его, удалилась в монастырь и стала монахиней, но вскоре только

монахи стали считаться подходящими на должность епископа, митрополита или - превыше всех - патриарха. Разделение на черное духовенство (то есть тех, кто принес обет) и белое, или приходское, духовенство (представителям которого позволяется жениться) до сих пор сохранилось в православных общинах по всему миру.

Если сердце империи находилось в Большом дворце, в стенах которого жили император, его семейство и находились некоторые из самых священных религиозных реликвий государства (как, например, посох Моисея), то собор Святой Софии можно назвать ее артериями и кровью. Немногие бедняки могли хотя бы изредка молиться Богу в соборе, а проникнуть в дворцовый комплекс и вовсе никому было нельзя. Император и патриарх старались сделать веру, на которой, собственно, строилось само существование Византии, более осязаемой и живой, и собор им в этом очень помогал. И дело было не только в невиданном великолепии интерьера здания, хотя его огромный купол походил на небеса, а убранство и росписи воспроизводили почти божественное величие, и не в красоте литургии, которую служили священники в роскошных ризах. Большее значение имели реликвии, собранные там за долгие годы, даже невзирая на то, что самые священные из них - риза и пояс Богородицы - по приказу Юстиниана были перенесены из церкви Святых Петра и Павла в церковь Святой Марии Влахернской. Латиняне, захватив Константинополь, без колебаний присвоили большинство сокровищ собора Святой Софии, в том числе платье и пояс Девы Марии, хотя пояс считался «палладиумом», то есть залогом безопасности, который защищал город, подобно тому как деревянная статуя Афины Паллады стояла на страже древней Трои. Когда Константинополю угрожала опасность, обе реликвии проносили вокруг его стен. Византийцы не простили латинянам этой кражи, так же как и кражи некоторых раб. Самые ценные из них были изготовлены в виде миниатюрных церквей. Еще одним сокровищем собора были несколько чудотворных икон. Вероятно, самой чтимой из них была икона Спас Нерукотворный, «Иисус, изображенный не рукой человеческой» из легенды Авгари, которую захватил император Роман Лакапин в Эдессе в 944 году и с победой вернул в столицу. Огромная толпа горожан выстроилась вдоль Месы, чтобы наблюдать за ее ритуальным входом в Константинополь. Многие молящиеся изливали душу перед этой иконой, когда ее поместили на почетном месте в соборе Святой Софии. Как мать всех православных церквей, собор также открывал объятия святым более молодых православных государств. Так, например, для паломников из Руси здесь была икона святых братьев Бориса и Глеба.

К 612 году, помимо патриарха и его помощника - синекуллы, к собору было прикреплено 80 священников, 150 дьяконов, 40 диаконов {9}, 70 иподьяконов, 150 чтецов, 25 канторов, то есть певчих, и 65 привратников, не говоря уже о многочисленных уборщиках. В те времена императорский хранитель документов - «великий хартофилакс» - еще выполнял обязанности библиотекаря собора. Однако вскоре разросшиеся архивы начали отнимать у него столько времени, что он уже не мог совмещать обе должности. Оставив свои дела при дворе, он стал библиотекарем собора и старшим секретарем патриарха. Его новая работа давала ему право стоять подле царских врат иконостаса в начале мессы, проводимой во время папской литургии.

Юстиниан установил в соборе Святой Софии богато украшенный алтарь, после чего искусно сделанные и дорогостоящие алтари стали популярны. Самый красивый из дошедших до нас относится к XII-XIV векам и называется Золотой алтарь из-за обилия в его украшении драгоценных камней и перегородчатой эмали, инкрустированной золотом. Его изготовили специально для собора Святого Марка в Венеции, где он до сих пор и находится. Очевидно, Юстиниан создал и один из первых иконостасов, также для собора Святой Софии. Его вариант очень отличался от того, что мы привыкли видеть в современных православных церквях. До Юстиниана иконостас представлял собой перегородку из резного мрамора, где пространство между стойками закрывали каменные или деревянные панели, отделяющие алтарь от основного помещения церкви. Считается, что Юстиниан поместил медальоны с изображением Спасителя со святым Иоанном по левую сторону и Богородицей по правую на перекладине между центральными стойками, над царскими вратами, как их называют, которые открываются в алтарь. В XIV веке эта идея получила дальнейшее развитие, особенно в таких лесистых регионах, как гора Афон или Северная

Россия. Перегородка была преобразована в стенку, отделяющую алтарь в церкви, и на ней стали размещать иконы в строго определенном порядке.

У греков слово «икона» означает «образ» в смысле портрета, но во всем мире оно вошло в употребление для описания любой формы живописного изображения сцен или людей из Евангелия, в особенности религиозных сюжетов на деревянных досках, используемых в православной церкви. Эти расписанные доски впервые появились в раннехристианские времена. Когда веру узаконили, они стали доступны и вскоре наводнили церкви. Иконы особенно чтимых святых вешали в часовнях, им посвященных, или на своего рода аналои, который сначала был покрыт дорогой тканью с изобилием вышивки. Икона месяца всегда демонстрировалась таким образом: аналой, на котором она стояла, размещали ближе к алтарю. Также много икон было в частных домах, где их ставили в углу комнаты, над кроватью или в домовом часовне. Верующий молился святому, изображенному на доске - часто своему покровителю, - надеясь, что он на небесах ходатайствует от его имени перед Всевышним. Икона выступала как посредник. Некоторые иконы стали считаться обладающими чудесной силой. Как и многие императоры, Роман III (1028-1034) брал чудотворную икону Богородицы с собой в военные походы, уповая на то, что Божья Матерь направит и защитит его войско.

Хотя церковь всегда старалась подчеркнуть, что иконы - всего лишь изображения святых, невежественные прихожане часто отождествляли нарисованных людей с реальными. Почитание, с которым они относились к иконам, вызвало страхи перед возрождением идолопоклонства. Без сомнения, здесь сыграло свою роль и неодобрение иудеями и мусульманами любых форм изображения людей в религиозном искусстве. Под их влиянием те, кто больше всего боялся возвращения идолопоклонства, настаивали на уничтожении икон и замене их христианскими символами. Этим людей называли иконоборцами. К 726 году они сформировали такую сильную группу, что смогли организовать серьезную оппозицию. Страна разделилась в споре: император поддерживал иконоборцев, а многие священники противостояли им. Запрет, который император сумел наложить на все формы передачи образа в религиозном искусстве, был осужден особенно глубоко святым Иоанном Дамаскином, главным священником тех дней, жившим на оккупированных мусульманами территориях. Его взгляды несколько позднее разделял святой Феодор, настоятель Студийского монастыря в Константинополе. Оба продолжали стоять за использование икон. За продолжительный период «иконопочклонники», как называли почитателей икон, собрали еще более сильную партию. И в 843 году Михаилу III (прозванному Пьяницей) пришлось разрешить изображение в религиозном искусстве. Иконы снова можно было использовать, при условии, что «твердо соблюдается различие между молением Господу и поклонением рукотворным предметам». Отмена запрета стала заметной победой для церкви, увеличившей ее влияние и престиж.

Независимо от страхов тех, кто поддерживал иконоборцев, вера в ценность реликвий и в чудеса оставалась на закате Византии столь же сильной, как и во времена ее становления, когда такое отношение можно было объяснить влиянием языческих привычек. С момента основания Константинополя и до его падения реликвиям поклонялись самозабвенно. Зачастую церковные реликвии хранились в специальном отдельном помещении, называемом «мартирион». Обычно он примыкал к церкви, и в нем проводили специальную службу в день соответствующего святого. В V веке также появился обычай посвящать церковь определенному мученику или нескольким мученикам. Этому положил начало Юстиниан, возведший, пожалуй, самую красивую из первых церквей Константинополя и посвятивший ее двум святым мученикам - Сергию и Вакху. Приблизительно в то же время Юстиниан ввел еще один обычай, который вскоре распространился повсеместно, - пристраивать к церкви баптистерий.

Большинство законов, изданных церковью, были собраны в книге, названной «Номоканон», состоявшей из 14 разделов. В ней говорилось о различных вопросах, начиная с чисто религиозных и заканчивая управлением церковной собственностью. 85 дополнитель-

ных пунктов говорили об учении, а заключительный раздел содержал перечень светских законов, распространяющихся на церковь. Весь кодекс базировался на своде законов, которые были собраны в книгу в VI веке Иоанном Схоластом из Антиохии и вскоре пересмотрены и обсуждены патриархом Константинопольским.

Помимо дальнейшего распространения истинной веры, неослабевающей борьбы с ложными учениями, управления собственностью и, в некоторых случаях, отправления правосудия в соответствии с христианскими постулатами, основная обязанность церкви, по крайней мере в том, что касалось мирян, заключалась в способности подтвердить обещание лучшей жизни для всех верующих на этом свете и на том. Именно это обещание давало церкви право вмешиваться во все сферы будничной жизни. В такой мере ей удалось улучшить удел ущемленных в правах: женщин, больных, бедных, которых обнадеживали вечным блаженством в Небесах. Так же это обещание способствовало тому, что византийцы стали придавать большое значение спасению души, а не физическому или материальному благополучию. Эти взгляды определяли их отношение к жизни и обуславливали их поведение, заставляя обращаться к церкви по любому вопросу. Церковь воспользовалась этим, чтобы принимать живейшее участие в жизни верующих: крестить их в баптистерии или в церкви, проводить через обряд конфирмации, обычно в специальном зале, примыкающем к баптистерию, венчая их в большом соборе, приходской церкви или домового часовне, осуществляя последнее помазание, когда они лежали при смерти, и погребая усопших на кладбище или в личных мавзолеях. Кроме того, церковь благословляла дома, в которых жили верующие, как и их скот и поля, проводила праздник урожая для крестьян, благословляла рыбаков перед выходом в море и проводила похожие церемонии в местах, где хранились запасы еды и питья. Таким образом, церковь управляла человеческой мыслью и воображением и многие века служила им проводником в жизни.

Из-за массовой нищеты в городах раздача милостыни быстро стала одной из главных функций церкви. Однако нуждающихся все равно оставалось много. Так, в VII веке патриарх Иоанн Александрийский после долгих уговоров принял в дар от богатого землевладельца дорогое одеяло, а ночью, завернувшись в него, не мог уснуть и спрашивал себя: «Сколько людей в эту минуту стучат зубами от холода?» Дождавшись рассвета, прелат встал, отправился на рынок и продал свое одеяло. Это ему не составило труда. На вырученные деньги он купил 144 одеяла, которые на закате раздал многочисленным бродягам в городе.

Церковь основывала, укомплектовывала персоналом и содержала сиротские приюты, богадельни, дома для престарелых, благотворительные аптеки и больницы. Ее примеру последовали императоры, члены их семей и придворные. Михаил IV (1034-1041) не остановился на организации приюта для бедных и построил еще большой, красиво обставленный дом для блудниц. Когда его закончили, император, надеясь спасти их души, сообщил им, что все, кто желает покончить с проституцией, но боится нищеты и лишений, могут стать монахинями, жить в довольстве и больше никогда не испытывать нужды в доме, который он им дарит. На удивление, многие на то согласились. В начале XII века - вероятно, некоторым образом действуя по примеру сельджуков, завоевавших Анатолию, - Иоанн II Комнин (1118-1143) основал в Константинополе организацию, воплотившую самые передовые идеи из области медицины. Она состояла из двух больниц: одной для мужчин и одной для женщин. В каждой насчитывалось 10 отделений по 50 коек. В обеих одно отделение отводилось под хирургию и одно предназначалось для тех, кто нуждался в долгосрочном уходе. В штат входили 12 мужчин-врачей и только одна высококвалифицированная женщина, а также женщина-хирург. У каждого мужчины-врача было 12 обученных ассистентов и 8 помощников, а у женщин-врачей - всего 4 ассистента и 2 помощника. Также в штате числились два лекаря, которые лечили легких больных в бесплатной амбулатории. Пациентам по желанию предлагалось вегетарианское меню. К больнице была прикреплена школа, в которой учили на врачей сыновей персонала. Кроме того, в организацию входили дом престарелых, дом для больных эпилепсией и дом для незаконнорожденных де-

тей и сирот. Две церкви, выстроенные на ее территории, заботились о духовном благополучии персонала и пациентов.

Императоры, их семьи, придворные и простой народ выказывали свою преданность церкви, осыпая ее подарками. Как правило, это были иконы, драгоценные сосуды, красиво оформленные списки Евангелия, церковная утварь и одеяния, оставленные в наследство деньги или земельные угодья. В результате вскоре церковь обогатилась, получив обширные владения и дорогие предметы непередаваемой красоты, и решила, что будет полезно поручить большую часть земли заботам управляющих, или бейлифов, хотя иногда император вмешивался в ее дела и предоставлял церковную землю в собственность мирянину, чтобы тот ее возделывал. Последний получал право оставлять себе в качестве благодарности за управление имением часть полученного от него дохода. В XI веке церковь ввела правило для всех, кто возделывал ее земли, по которому они должны были выплачивать своим епископам особый налог, называвшийся «каноникум», предоставляя часть его натурой, а часть - деньгами. Хотя этот налог способствовал улучшению и без того солидного благосостояния церкви, провинциальное духовенство в основном не смогло извлечь из него пользу. И приходские священники, и капелланы богатых землевладельцев оставались униженно бедными. Многим приходилось работать в поле рядом с беднейшими прихожанами, чтобы выжить. Тому, кто служил в должности капеллана богатому землевладельцу, не проживающему в своем имении, приходилось еще хуже, чем приходским священникам, поскольку его хозяин (или даже несколько хозяев) считали его прикрепленным к часовне, в которой он проводил богослужения, и поэтому полагали, что он, почти как раб, должен продолжать службу, даже если часовня перешла в собственность к новому владельцу вместе с проданным имением, к которому она принадлежала.

До VI века разница между богатой и бедной приходской церковью четко отражалась в том, во что облачен священник, проводящий богослужение, поскольку до этого времени светская одежда ничем не отличалась от одежды духовенства. Каждый человек носил то, что соответствовало его статусу и возможностям. Однако в VI веке возникло цивильное платье, римская тога уступила место одежде другого стиля. Священники отказались следовать веяниям моды, со временем приняв только мантии, которые стали считаться церковным облачением.

Изменение заняло несколько десятков лет. Так, например, на мозаиках VI века в Равенне священники, стоящие рядом с императором Юстинианом, изображены в простых белых одеждах, не очень отличающихся от тог. С того времени достаточно строгие церковные ризы носились с определенными отличительными знаками. Омофор, разновидность шарфа с вышитыми крестами, стал частью одеяния епископа. Вскоре его начали носить с шелковым стихарем, основной туникой, сравнимой с «альбой» западного мира, епитрахилью и прямоугольным куском материи, изначально бывшей носовым платком, называвшимся «эпиганатий» и спускавшимся до колен. Кроме того, у епископа был жезл, а на голове - митра. На шее у него висел наперсный крест - энколпион. Дьяконы носили особый тип шарфа - орарь - в виде длинной ленты, спадающей с левого плеча. Епископы надевали епитрахиль, которую можно тоже описать как ленту, прижатую на талии поясом, а также вышитые нарукавники - поручи - и ризу. Поначалу только патриархам позволялось заменить саккос - короткую тунику с разрезами по бокам, отличающуюся богато украшенными рукавами, - на ризу, однако со временем и митрополиты, а потом и священники получили разрешение сделать это.

Роскошь церковных облачений достигла апогея в X веке. Тогда к парчовым или бархатным ризам, которые носили священнослужители, добавилась кайма, зачастую украшенная драгоценными камнями, перегородчатой эмалью и вышивкой из золотых и серебряных нитей, а также переливающиеся разноцветные шелка. Не менее великолепные алтарные

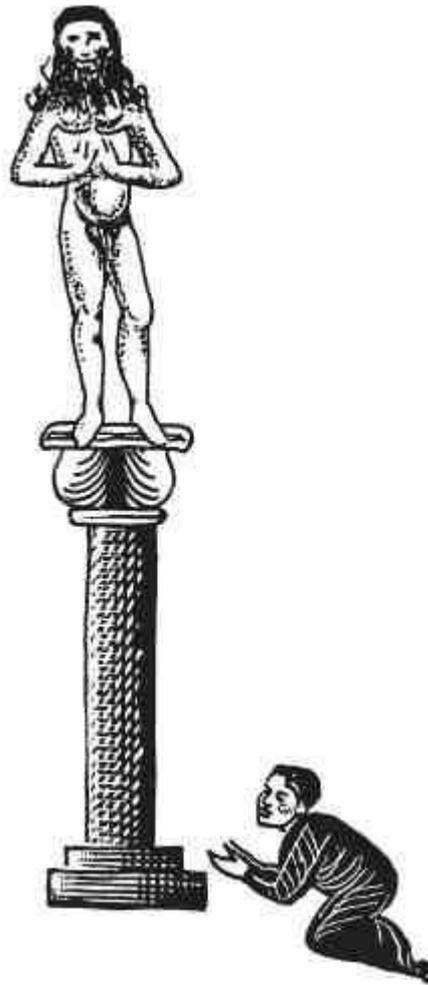
покрывала, оклады икон и Евангелия сияли в свете бесчисленных свечей в золотых, серебряных, медных и бронзовых подсвечниках. Некоторые из них стояли в алтаре, другие, покрупнее, с основанием в виде больших шаров или львиных лап, - в помещении церкви, а бронзовые кольца различных размеров подвешивались к потолку на цепях и служили канделябрами. Тем не менее центром всеобщего внимания оставался алтарь, сверкающий множеством крестов, потиров, дискосов и ложек искусной работы. Металлические опахла использовали, чтобы сгонять мух с реликвий и развеять фимиам. Кадила всевозможных форм и размеров также добавляли красоты внутреннему убранству.

Но, несмотря на все это великолепие и многочисленные обязанности и задачи, возложенные на духовенство, самые преданные из них не могли найти полного удовлетворения в служении церкви в качестве священников. В обществе, где и миряне, и священники полностью строили свою жизнь на христианских постулатах, любое действие рассматривалось с религиозной точки зрения. Каждый человек старался не впасть в ересь, чтобы получить право оказаться в раю; в то же время многие начали больше думать о судьбе, которая уготована их душам на том свете. По их мнению, стало важнее обеспечить спасение своей души и - собственным примером - душ других людей, чем улучшать земное существование живущих. Те, кто рассуждал таким образом, часто приходили к выводу, что их основной долг заключается не столько в том, чтобы проявить себя во имя других, а в том, чтобы избавиться себя от зла через умерщвление плоти.

Это веяние не было новым. Оно стало логическим результатом последовавшей за легализацией христианства невозможности обеспечить спасение, приняв смерть христианского мученика. Аскетизм стал единственной реальной альтернативой мученичеству. Боли от самоистязания закаляли дух не меньше, чем пытки. Понятия монастырской жизни были уже широко распространены среди буддистов в Центральной Азии, когда христианскую доктрину начали проповедовать в Святой земле. В многочисленных буддийских монастырях к тому времени насчитывались тысячи обитателей. Слава о них доносилась на Запад купцами, которые перевозили драгоценные туки дефицитного шелка по караванным путям, связывающим Китай и Европу, но ранние христиане добавили к порядку, изобретенному буддийскими монахами, новый элемент - полнейший аскетизм.

Понятие образа жизни христианского аскета - абсолютно восточное, происходит из Египта и возникло, вероятно, в III веке. Вскоре этот способ существования распространился в Сирию. Все больше и больше ревностных христиан отправлялось в египетскую пустыню, чтобы жить там в уединении, умерщвляя свои тела и усмиряя инстинкты в попытке подражать святым, чтобы подобно им спасти свои души от вечных мук. Они находили поддержку в изречениях, например в словах святого Симеона: «Святые просияют на земле и станут святыми на небесах» или Иоанна из Энхайты: «Святые обладают возможностью восполнять то, чего не хватает в жизни».

Анахореты уходили из мира людей, чтобы жить в пещерах (дендриты - на деревьях), питаться ягодами и проводить время в молитве. Многие истязали свое тело, нанося себе раны до тех пор, пока вызванные болью галлюцинации не подвергали их души проверке не менее суровой, чем та, что они устраивали своей плоти. Приблизительно в 384 году один истовый христианин, уже испытавший свой дух тремя годами пустынножительства, придумал еще более суровое наказание для себя. Он решил простоять до конца жизни на колонне, установленной на границе Сирии и Киликии. Так Симеон стал первым столпником, как называли живущих на колоннах. Многие люди непоколебимой веры последовали его примеру, но самым известным стал столпник Даниил, избравший колонну в Константинополе. Он взобрался на нее в возрасте 33 лет и оставался там до самой смерти в 493 году, когда ему исполнилось 83 года. Даниил был последователем Симеона, имел собственных учеников и прерывал свое стояние дважды в день, чтобы наставлять и поддерживать их.

Столпники проводили жизнь, стоя на колоннах высотой около 40 локтей и обнесенной поверху перилами, которые не давали им упасть во сне. Они никогда не садились и не опускались на колени, не заботились о своем организме, вкушали еду, только если пролетающая мимо птица, путник или ученик приносили им несколько ягод или орехов, но не приготовленную пищу. Они выдерживали испытание жарой и холодом, временами теряли зрение от палящего солнца или покрывались ледяной коркой. В эпоху, когда чистота не являлась неотъемлемым атрибутом благочестия, эти люди жили в зловонной грязи. На момент смерти ступни Даниила были покрыты воспаленными ранами из-за постоянного стояния и микробов, поселившихся в них. В его выжженных солнцем волосах кишели вши, которых он не убивал, поскольку они могли стать пищей для пролетающих мимо птиц. В отличие от отшельников, которые не носили одежды (святой Онофрий достиг святости, отрастив бороду до лодыжек, чтобы прикрыть наготу), некоторые столпники надевали кожаную куртку, чтобы закрыть верхнюю часть тела. Колонна Даниила стояла на постаменте, на который вели три ступени. По преданию, к ней была приставлена лестница, по которой его старший ученик каждый вечер поднимал ему еду.

В раннехристианские времена насчитывалось немало людей, проводящих жизнь в уединении, молитве и смирении. Благочестивые деяния, совершаемые аскетами, стали в Византии притчей во языцех. Тогда император Юстиниан, дабы отличить истину от легенд, послал наблюдателя по имени Палладий в Египет, Палестину и Сирию, чтобы тот проверил достоверность этих рассказов. Палладий провел свои изыскания с дотошностью современного следователя, подробно доложив обо всем, что узнал об отшельниках, описав галлюцинации, искушения и страдания, которые выпадали на долю этих полуголодных, измученных людей, указав, попала ли эта информация к нему через вторые руки или он услышал ее из уст самого отшельника, с которым говорил.

Отшельники и пустынники, пережившие самоистязания, привлекали внимание людей, которые, желая получить право войти в рай, постепенно становились их учениками, мало-помалу формируя монашеские общины. Святой Антоний был если не первым, то, во всяком случае, самым влиятельным из первых монахов. Однако основание первого христианского монастыря приписывается солдату по имени Пахомий, который обратился в христианство и создал монастырь в Дендере на Ниле в самом начале IV столетия. К концу его жизни, когда монахов называли «друзьями Божьими, чьи жизни и молитвы отличаются особой праведностью», его детище состояло из 11 зданий, в двух из которых жили женщины. Позднее он был причислен к лику святых. Однако моделью для таких знаменитых монастырей, как Студийский в Константинополе, Святой Катерины на горе Синай, монастырей в Каппадокии и на горе Афон, как и во всем православном мире, стал монастырь, основанный в IV веке Василием из Кесарии. (В Саккудионе на горе Олимп было введено строжайшее правило, по которому, как и на Афоне, женщинам запрещалось входить в монастырь.)

С появлением монастырей число отшельников пошло на убыль, поскольку настоятели позволяли только самым благочестивым из монахов вести отшельнический образ жизни. С другой стороны, с IV века в Палестине, а впоследствии и во всем православном мире появилась система лавр, то есть небольших скоплений скитов, относящихся к большому монастырю. Первые монастыри были киновитскими (общежительными) организациями. В них настоятель руководил монахами, которым не разрешалось иметь какое-либо имущество. Все в обители находилось в общественной собственности. Чистую одежду выдавали всем раз в неделю с монастырского склада. Пищу готовили тоже сообща. Поглощали ее все вместе в молчании, пока один из братьев читал вслух Евангелие. Перед едой и после нее возносили молитву. Старшие монахи сидели у дальней стены зала, трапезной, которая часто имела круглую форму в подражание церковной апсиде. Прочие размещались за длинными каменными или мраморными столами, часто вмонтированными в пол. Монахи делились на группы в соответствии с их праведностью. Самые благочестивые принимали более строгий пост, чем другие, и ели всего один раз в день по вечерам. Им позволялось есть только сырые продукты. Их ужин зачастую состоял из хлеба, вымоченного в течение недели в воде (даже не в масле), хотя по большим праздникам им подавали бобы. Монахам-киновитам разрешалось принимать ванну три раза в году, исключение делалось лишь для тех, кому нужно было мыться чаще по состоянию здоровья. Настоятель назначался, в соответствии с основополагающим уставом монастыря, либо основателем обители, ее епископом или патриархом, либо избирался братией, в обоих случаях пожизненно. Однако со временем появились монастыри другого склада, частично, по всей видимости, по причине бедности монастырей, частично потому, что монахи сочли общественные работы в киновитских обителях отвлекающими от моления. Эти дома стали известны как «идиоритмичные», то есть самоуправляемые. Его насельники не вели общинный образ жизни.

Ими управлял избранный комитет, а не настоятель. Этим монахам разрешалось владеть некоторым имуществом. Они жили небольшими группами и подчинялись главе братства. Как и в киновитских монастырях, каждый младший монах прикреплялся к старшему до самой смерти. Каждому выделялось по две кельи: спальня и жилая комната. Слуга старшего монаха, послушник или младший монах, готовил ему пищу в отдельной келье. В еду употребляли овощи и растительное масло, выдаваемые из запасов монастыря дважды или трижды в неделю. Каждый монах ел в одиночестве. Только в Рождество, на Пасху и в день святого покровителя монастыря все монахи собирались в трапезной. В эти праздничные дни они также служили мессу вместе, но в остальное время каждый молился отдельно.

Всякий, кто желал уйти в монастырь, и женщина и мужчина, должен был пройти суровые испытания. Особые правила оговаривали вступление рабов, которые не могли покидать своих хозяев. Более того, сбежавших рабов следовало возвращать владельцам, если их нашли в течение трех лет после побега. Человек, официально связанный помолвкой, не мог расторгнуть ее, чтобы вступить в братство. Девочки могли уйти в монастырь в возрасте 10 лет, но отречься от мира им разрешалось только в 16 лет. Монахам полагалось выдержать всего шесть месяцев послушничества, перед тем как принести обет, однако перейти из одного монастыря в другой было почти невозможно. До VI века они могли быть наняты на гражданскую службу при условии, что будут возвращаться в свою обитель каждый вечер. В монастырях устраивались всего одни ворота; ключи от них передавались самому старшему из братьев, который служил привратником.

Насельникам монастыря полагалось выполнять некоторые обязанности либо в его зданиях, либо на его землях. Тем не менее большую часть времени они посвящали молитве и размышлению, ненадолго прерываясь, чтобы поесть или поспать. Их жизнь подчинялась распорядку долгих служб, которые обязаны были посещать все. Службы проводились в кафедральном соборе обители. Первая начиналась в полночь, приветствуя новый день, и заканчивалась на рассвете, когда дальнейшая служба совпадала с открытием ворот, чтобы местное население могло присутствовать на ней. Далее следовала трапеза, нередко единственная за весь день. Иногда проводились также заутреня, служба в третий час (около девяти утра) и в девятый час (около трех часов дня), но чаще их пропускали и проводили сразу вечерню, начинавшуюся в четыре часа дня и длившуюся до семи. Накануне праздника моления начинались с наступлением сумерек и продолжались до полудня. Дисциплина, или уклад, который стал основой монастырской жизни, была озвучена в IV веке святым Василием Великим, епископом Кесарии. Хотя он предписал монастырям жить в нищете и раздавать милостыню, быстрое распространение монашества и приобретение монастырями обширных наделов принесли многим обителям немалый достаток. Начиная с

VII столетия императорские и частные дары нередко бывали очень ценными. К VIII веку, очевидно, половина населения Византии приняла постриг, что, в свою очередь, послужило увеличению земельных угодий и денежных запасов церкви.

Хотя иногда монастыри основывались императорами или (чаще) постановлением патриархов, частные лица также могли организовать обитель с разрешения местного епископа. Многие так и поступали, удаляясь в старости в монастырь, который основали, чтобы провести там последние годы жизни в монашестве. После смерти монахов хоронили, но через три года извлекали из могилы. К тому времени кости монаха, если он не был святым, очищались от плоти. На кости лили вино и проводили отпевание, после чего кости, кроме черепа, перезахоранивали в общей монастырской могиле. Имя усопшего и даты его рождения и смерти наносились на его череп, который ставили на полку в монастырском мортуарии, где он хранился вечно рядом с черепами других братьев.

Резкий рост монашества неизбежно сопровождался многочисленными злоупотреблениями. Они не носили глобального характера, но в IX веке стали настолько серьезными, что вызвали беспокойство святого Феодора Студита. Этот энергичный священнослужитель и истовый реформатор попытался положить конец распущенности, которая царила в некоторых монастырях, с помощью устава святого Василия и добавленных к нему собственных предписаний. Под его началом Студийский монастырь в Константинополе стал центром познания и реформирования. Молодые монахи проходили там обучение в школе высшего академического стандарта, устроенной по строгому религиозному канону. Тем не менее монастыри продолжали приобретать земельные угодья и увеличивать число монашествующих, чем начали угрожать самому существованию государства. В попытке отрегулировать их рост император Никифор Фока в 963 году издал закон, ограничивающий размер монастырских владений и запрещающий впредь принимать денежные дары и создавать новые монастыри. Но этот закон не мог быть воплощен в жизнь в значительной степени потому, что само правительство побуждало монахов обосновываться вдоль границ империи, где монастыри служили и вере, и делу защиты государства. В итоге злоупотребления остались неискорененными. Впрочем, при этом монастыри были, как минимум, важными центрами просвещения, как максимум - оплотом христианской добродетели, образования и искусства.

Подавление иконоборчества способствовало росту интереса монахов к литературе и искусству. Вновь начали читать Платона, несмотря на неодобрение высшего духовенства, что привело к развитию мистической философии, которая, вероятно, могла подействовать на мысль западных мистиков и реформаторов XII века, например на Бернара Клервоского. Однако самое далеко идущее влияние на православную мысль, познание и монашество

оказал священнослужитель Алексей, основавший в 963 году лавру, первый монастырь на горе Афон. Алексей дружил с императором Никифором Фокой и сделал этот шаг с его полного одобрения. Основание лавры должно было принести процветание и неувядаящую славу полуострову. Более того, благодаря дружбе Алексея с императором весь полуостров попал под покровительство последнего, и право назначить «прота», то есть главу горы Афон, принадлежало императору до 1312 года, когда Андроник II с помощью золотой буллы перевел полуостров из подчинения короне в ведение патриархата. Хотя изначальная связь с короной дала Афону независимость от религиозного сообщества, его переход под управление церковью, вероятно, помог ему остаться независимым при турках, позволил монахам жить так, как они живут и поныне, в соответствии с уставом, дарованным им основателем лавры тысячу лет назад. Тесные отношения, существовавшие между монахами горы Афон и константинопольским двором в течение первых четырехсот лет существования обители, в то время не были чем-то необычным. Другим примечательным примером может служить монастырь Святого Иоанна на острове Патмос. Он также был создан под покровительством императора в XII веке монахом Христулом, его первым настоятелем и близким другом императора Алексея Комнина. Грамоты, подтверждающие привилегии, на которые имела право императорская организация, составлялись в виде золотых булл. Они были написаны на больших листах пергамента с изысканно украшенными заголовками и заглавными буквами, имели печать и подпись императора-основателя.

Гора Афон пережила пик своего расцвета с IX по XIII столетие. Вдохновленные примером лавры, красотой полуострова и своей верой в монашеский образ жизни, монахи к тому времени построили несколько комплексов потрясающего великолепия. Они стояли на 123 опасных уступах горы. Помимо этих монашеских обителей здесь, под покровительством лавр, в хижинах на лесистых склонах, жили и группы отшельников. Общее население составляло приблизительно 8 тысяч человек. Под началом настоятеля каждый монастырь жил как независимое, чрезвычайно сложное сообщество со своей экономикой. Так, каждая обитель сама ведала своими финансовыми делами, возделывала свою землю, обеспечивала едой и питьем своих насельников, а также странников, паломников и тех, кто искал уединения на Святой горе; все они могли рассчитывать по крайней мере на три дня бесплатного гостеприимства. К тому же в каждом монастыре были своя библиотека и библиотекарки, сокровищница и скрипторий, где писались, иллюстрировались и переплетались литургические книги для монастырских нужд, свои художественные мастерские и студии, ремесленники, строители, пастухи, садовники и крестьяне. В каждом монастыре работал бесплатный медпункт, сиротский приют и школа. Кроме того, имелся и свой хор. Одежда находилась в общественной собственности; каждому насельнику выдавалась недельная смена белья. Но с XII века религиозным сообществом в целом стал руководить Священный синод. Позднее появилась община, «кинотис», в котором «эпистасия» играла роль низшего внутреннего административного совета.

Святая гора была посвящена ее монашествующими обитателями Пречистой Деве. В ее честь основатель лавры решил запретить любому существу женского пола, человеческому и животному, ступать на землю полуострова. С того дня время на Афоне замерло. Жизнь текла по руслу, выбранному основателем лавры. Несмотря на то что сегодня монахов, живущих там, можно пересчитать по пальцам, они продолжают скрупулезно следовать порядку, предписанному Алексием: поклоняются Святой Троице и почитают Божью Матерь точно так же, как более тысячи лет назад.

До Четвертого крестового похода, который нанес непоправимый удар по империи, Византийская церковь оставалась терпимой к людям другой веры. Иудеи могли исповедовать свою религию, и, хотя им разрешалось жить только в особом районе Константинополя, они имели все гражданские права. Мусульмане пользовались той же свободой. Первую мечеть построили в Константинополе в 717 году. Вторую воздвиг Иоанн II Комнин (1118-1143), чтобы отметить союз с Мезудом, султаном сельджукской Анатолии. По просьбе Саладина в 1189 году император Исаак II Ангел возвел еще одну мечеть для мусульмансун-

нитов. В это время византийские миссионеры пытались на исламских территориях обратить мусульман в христианство.

Глава 4 Администрация и власти

Император был, как мы уже видели, верховной властью, источником и сутью всех законов, сердцем администрации, вождем и защитником народа. Это объясняет, почему так много императоров, особенно Феодосий, Ираклий и Маврикий - в ранний период, а позднее - Алексей I Комнин, пренебрегали желаниями своих министров и сами вели войска на бой. Никто из них не был номинальным главой государства, каждый играл значительную роль в повседневном управлении империей. Именно по этой причине византийская администрация оставалась весьма централизованной вплоть до латинского завоевания Константинополя. Даже в заключительный период существования империи большинство правительственных ведомств и их старших сотрудников получали указы напрямую от императора.

В первые три столетия истории страны, пока административная система находилась в процессе формирования, императору приходилось уделять много внимания управлению. Он брал себе помощниками людей, которые были скорее придворными, чем руководителями. Титулы в Византии не передавались по наследству; каждый придворный или чиновник получал титул, который соответствовал его классу или посту. В каждом случае он заключал в себе его чин и положение в порядке старшинства. Придворные, «комины», не выполнявшие административных обязанностей, составляли класс патрициев, который делился на три части. Принадлежащие к первой из них считались почти равными консулу по значимости. Высокопоставленные чиновники назывались магистрами. К IX веку насчитывалось 18 чинов, но три высших из них, с титулами «кесарь», «нобилиссимус» (то есть благороднейший) и «куропалат», предназначались только для императорской семьи, а еще один - «опоясанная патрикия» - для придворных дам, которым давалось право носить пояс в качестве отличительного знака.

Прежде всего придворные чиновники выступали в роли старших управляющих. Так, лорд-канцлер, «постельничий», как его сначала называли, хотя в дальнейшем, когда его

пост потерял значимость, он стал именоваться «паракимомен» («тот, кто спит рядом с господином своим»), не только отвечал за бесперебойную работу двора, но также имел серьезное влияние в административной сфере. Позднее его должность, так же как и «протовестиария», то есть начальника гардероба, занимал евнух. С другой стороны, «папий», то есть старший управляющий каждого дворца, редко обладал политическим влиянием.

«Магистр официорий», или начальник личной канцелярии, как назывался глава императорского суда, был, по крайней мере до завоевания арабами большей части византийских территорий, самым могущественным человеком и при дворе, и в администрации. В его обязанности входило подбирать людей, которые будут заниматься делами империи, служа в ведомствах столицы. Как руководитель государственного учреждения, магистр официорий отвечал за эффективность работы административной системы. Поскольку он еще и исполнял обязанности церемониймейстера и отвечал за безопасность монарха, ему также подчинялись и императорские телохранители. В своих действиях он отчитывался лишь перед императором и получал указания только от него. Такая независимость не помогала ему противостоять искушениям. Многие занимавшие этот высокий пост время от времени опускались до взяток. Более серьезным шагом стало создание для его нужд сети осведомителей и шпионов. Ее необходимость была некоторым образом оправдана и сделалась очевидной постепенно, проистекая из обязанностей церемониймейстера как министра иностранных дел. В этом статусе он должен был вести переговоры с иноземными посланниками от имени императора и выполнять некоторые задания в удаленных регионах - например, организовывать встречу послов на границах империи, для чего он использовал гонцов. Вследствие этого в V веке ему поручили почтовую службу. Для того чтобы управлять ею, ему потребовался штат посыльных. С расширением круга обязанностей он стал использовать самых надежных из них в качестве доносчиков, докладывавших ему о чиновниках, которые, независимо от чина, служили в администрации на удаленных территориях империи. Эти доносчики со временем составили ядро сети осведомителей, которая к концу V века насчитывала около 1200 опытных работников, а число чиновников, служащих в регионах империи, составляло примерно 10 тысяч человек. Информаторы также оказались весьма полезными начальнику ведомств в деле обеспечения безопасности императора. Если правитель пользовался любовью и уважением народа, это не составляло особой сложности. Но во времена волнений, как в VIII веке, когда за 21 год было низвергнуто целых восемь императоров, обеспечение защиты монарха требовало особой бдительности. В IX веке новый высокопоставленный придворный, носивший титул «ректора», участвовал в исполнении многих придворных обязанностей. Практически равной значимостью с обоими этими придворными обладал императорский конюший.

Императора обычно сопровождала рота телохранителей. Они подчинялись офицеру, который получал приказы от лорда-камергера. Хотя последний подчинялся начальнику личной канцелярии императора, его пост с течением времени становился все более значимым, и, наконец, на него, как и на многие другие ключевые должности, стали назначать евнухов. К X веку численность императорских телохранителей существенно возросла не только из соображений безопасности, но и из-за внешнего престижа. Проблема подбора подходящих новобранцев решили тем, что разделили отряд на два. В один, варяжский, набирали наемников-скандинавов из Киевской Руси; их часто называли варварами; второй был укомплектован норманнами из разных областей Британии. Харальд Хардрад, правитель Англии и Норвегии, был одним из выдающихся людей на службе византийского императора. Когда император собирал двор, вооруженные телохранители (варяги держали боевые топоры) выстраивались в соответствии с национальностью позади трона в апсиде тронного зала. На тот момент отряд варваров был уже частью разведывательной службы и снабжал министра иностранных дел информацией о возникновении новых царств на территориях, которые византийцы считали варварским миром.

Как следует из названия «лорд-камергер», он как церемониймейстер должен был организовывать частные и официальные церемонии при дворе, а также народные празднова-

ния и государственные торжества, следил за тем, чтобы дороги на пути монарха были свободны и посыпаны опилками, чтобы дома вдоль улиц были украшены плющом, лавром, миртом и розмарином. Он сам следовал в процессии за императором и нес золотую палочку, которая была отличительным знаком его должности. Его сопровождали телохранители с оливковыми ветвями в руках, вооруженные мечами и топорами. Такие церемонии проводились не только по случаю крестин императорских детей, императорских коронаций и похорон, но также в честь военных побед, приемов посланников и религиозных праздников, например в честь Пасхи или Рождества Богородицы. Во время последнего император играл особую роль на службе в соборе Святой Софии. Среди прочих важных действий был обряд раздачи бесплатного хлеба.

Пшеница считалась монополией короны. С основанием Константинополя питание быстро растущего населения столицы было сопряжено с многочисленными трудностями. В конце концов было решено пересылать зерно, выращенное в Египте, жителям Константинополя. Специально выделенная группа чиновников отвечала за обеспечение зерновых запасов города и распределение муки между пекарями. Некоторые пекари должны были изготавливать хлеб для тех горожан, которые имели право получать его бесплатно, прочим разрешалось продавать его на открытом рынке по цене, определенной правительством. Иногда установленная на хлеб цена была ниже стоимости зерна; в этом случае правительство выделяло субсидию для покрытия разницы. Поддержание зерновых ресурсов требовало четкой организации. Чтобы своевременно пополнить запас на зиму, зерно должно было оказаться в Антино не позднее 9 августа, тогда его успевали доставить в Александрию к 10 декабря. Там его грузили на суда, которые отплывали к Тенедосу большими группами; по прибытии зерно разгружали, ссыпали в огромные зернохранилища, выстроенные Юстинианом для нужд Константинополя, затем партиями грузили на суда торгового флота Босфора и перевозили в столицу. В случае неурожая в Египте запасы восполнялись принудительно за счет Фракии и Македонии. Позднее Македония стала единственным поставщиком зерна в Константинополь.

Каждый год 11 мая, в день годовщины основания Константинополя, нуждающимся города бесплатно раздавали хлеб, пироги, овощи и рыбу во время пышной церемонии на ипподроме в присутствии императора и придворных. Даже когда в 642 году с переходом Египта к арабам поставки зерна прекратились, когда экономические проблемы, как, например, в X веке при Константине VII Багрянородном, заставляли резко сократить число тех, кто имел право получать бесплатный хлеб, раздача и торжества в мае, связанные с годовщиной, проводились все равно. Особые дары бесплатного хлеба преподносились до конца существования империи. Монахи монастыря Неа Мони на Хиосе продолжали получать их всякий раз, когда прибывали в Константинополь, хотя и предполагалось (по крайней мере, до 1119 года), что они в ответ в некоторых случаях будут снабжать монахов монастыря Святого Иоанна на Патмосе бесплатной провизией.

Константин Великий заложил основы византийской государственности. В соответствии с традициями Рима он учредил в Константинополе сенат. Хотя сенату не давалось право управлять империей, Константин наделил его многими привилегиями, которыми обладали римские сенаторы. Однако к IV веку они не принесли пользы ни в том ни в другом случае, поскольку сенаты обеих столиц к тому времени выполняли функцию консультативного органа, чья основная задача состояла в разработке проектов законов, передаваемых на рассмотрение императору. Со стороны Константина было разумно дать константинопольскому сенату столько же власти, сколько имел римский, потому что в начале новой эры византийский сенат комплектовался из людей, призванных из той же старой римской аристократии, что и римский. Однако через поколение или около того сенаторов Константинополя выбирали из трех высших чинов придворных, среди которых были и местные греки. К этому моменту сенат мог играть роль судебного органа, если того требовал император.

С течением времени власть сената то усиливалась, то ослабевала. Видимо, наименьшим влиянием он обладал при Льве V (813-820), однако в XI веке завоевал авторитет, когда его

возглавил Михаил Пселл, выдающийся ученый, государственный деятель и друг императора. Впрочем, в любом случае сенат становился наиважнейшим органом после смерти императора, когда вместе со старшими военачальниками санкционировал восхождение на престол следующего правителя. Если император умирал, не назвав преемника, или в результате смерти или революции у него не оставалось родственников, которые могли бы действовать от его имени, сенат избирал следующего правителя. Однако в VIII веке армия приобрела такое влияние на сенат, что в 776 году, когда Лев IV пожелал короновать своего малолетнего сына Константина в качестве соправителя, в то время как в императорской семье уже было пять кесарей, он счел разумным получить сначала не только письменное согласие сената, но и всей армии, включая полки, стоящие в провинциях. Более того, Лев IV искал поддержки церкви и народа и обратился к людям с призывом хранить верность мальчику и считать его наследником престола.

Кабинет министров, Священная консистория, как его называли, с самого начала располагал значительно меньшим влиянием, чем сенат. Его название происходит от глагола «consistere», означающего «стоять». Поскольку на его собраниях председательствовал император, всем присутствовавшим надлежало стоять от начала до конца. То, что им не было предписано простираться ниц перед монархом, считалось великой милостью. Священная консистория состояла из председателя, квестора Священной палаты, и небольшого числа постоянных членов. Император выбирал каждого лично из высокопоставленных чиновников и преторианских префектов, однако по желанию мог вызвать на особое заседание любого сенатора, чтобы тот дал информацию или совет по определенному вопросу. Судя по отрывку из записок Анны Комниной о жизни ее отца, в византийском кабинете министров, как и в древних Афинах, выступления были ограничены по времени. Она утверждает, что предводители крестоносцев, которых ее отец принимал стоя, когда они прибыли с официальным визитом, были так многоречивы, что императору не хватало времени поест. Более того, у него начали отекают ноги из-за долгого стояния, и несколько раз ему пришлось ехать на бой в колеснице, а не верхом.

Кабинет министров уже не играл такой значительной роли к середине X века, когда страной управляли около 60 человек, выбранных из старших придворных, крупных руководителей и военачальников. Эти «министры», как их можно назвать, продолжили работать, напрямую получая приказы от императора. Поста премьер-министра не было, но император по своему выбору возлагал на какого-нибудь чиновника обязанность исполнять все, чего он ни потребует. К XII веку количество этих управляющих, особенно военных, возросло. В то время армия стала незаменимой для государства.

Константин разбил империю на провинции, которые разделили на 13 епархий. Их разделили на 116 районов. К концу IV века их соединили в четыре префектуры, из которых две восточные на тот момент были наибольшими, поскольку включали Египет, весь Восток, Черное море и Фракию. Каждой префектурой управлял преторианский префект, наделенный почти вице-королевской властью, но не имеющий права контролировать войска в своем районе. Тем не менее именно преторианский префект, а не император платил военным, стоящим на его территории, и снабжал их провизией, а также назначал и смещал губернаторов провинций. Преторианский префект восточного региона жил в Константинополе и считался наряду с префектом Италии самым высокопоставленным из многочисленных высших чиновников империи. Во времена чрезвычайных ситуаций в масштабах государства каждый из этих постов занимали два человека равнозначного чина.

Преемники Константина пошли по его стопам и продолжили делить империю на области. Маврикий превратил Равенну и Карфаген в экзархаты, дав каждому из экзархов право полностью ведать и военными, и гражданскими вопросами. Немного позднее сельская местность Византии была разбита на милитаризованные районы, известные как фемы, заменившие провинции. К VII веку Малая Азия стала настолько густонаселенной, что ее одну разделили на несколько фем, чтобы облегчить ее оборону. К X веку такой метод применили к другим районам, и общее число фем составило 25; преторианские префекты потеряли свою значимость из-за замен гражданских префектур на милитаризованные фемы. Каждой фемой руководил чиновник с тремя помощниками, один из которых ведал гильдиями и коммерческими делами фемы, другой - юридическими вопросами, включая управление тюрьмами и трудовыми ресурсами, а также отвечал за безопасность странников, посещающих его район, третий занимался финансами, производством, таможней и акцизными сборами, водопроводом, внешними сношениями и почтовой службой фемы, а также петициями, адресованными императору. До латинского завоевания Константинополя эти чиновники отчитывались непосредственно перед императором, а затем центральное правительство стало таким слабым, что губернаторы, как и многие местные землевладельцы, начали вести себя как независимые власти. Однако в 1354 году, когда большая часть византийских территорий была в руках османов, система фем исчезла. Вместо нее появились деспотаты, то есть несколько основных районов, оставшихся в империи, в особенности Мистра, Янина, Эпир, Морья, Валахия и Румыния, были поделены между младшими ветвями императорской семьи, которые стали местными князьями, или деспотами. Эти мелкие правители, хотя и присягали на верность императору, на деле жили и действовали как автономные цари.

В начале истории Византии ежегодно назначалось два консула, выполнявшие обязанности, схожие с теми, которые в наши дни лежат на лорд-мэре. Один находился в Риме, другой - в Константинополе. Как британские лорд-мэры и лорды-провосты вынуждены выкладывать значительные средства из своего кармана на организацию торжеств и развлечений, связанных с их должностью, так и консулы должны были расходовать на празднества суммы, равные нескольким тысячам современных фунтов стерлингов. К VI веку их траты, предположительно, составляли около 30 тысяч фунтов стерлингов в год, и, очевидно, именно поэтому Юстиниан упразднил этот пост в 541 году. Во время его существования консулы, действующие скорее как цари, даря свои портреты тем, кого желали вознаградить, посылали своим друзьям диптихи из кости, чтобы сообщить им о своем избрании на должность консула. Диптихи состояли из прямоугольных костяных пластин, скрепленных петлей, и открывались, как открытка. С одной стороны их украшала изысканная резьба с изображением портретов самих консулов, символических или жанровых сцен и надписей. Самые древние дошедшие до нас диптихи оформлены в латинском стиле, а в более поздних ясно видны чисто византийские черты.

Когда институт консульства был отменен, и в Рим, и в Константинополь были назначены городские префекты. Будучи ниже по положению преторианского префекта, константинопольский префект, или эпарх, тем не менее стоял на восемнадцатом месте среди 60 судебных чиновников. В Константинополе его значимость была сравнима со значимостью императора, поскольку он считался первым из гражданских чиновников и отцом города. Это давало ему превосходство над всеми судебными чиновниками и право избираться в сенат. Кроме того, он был единственным должностным лицом, которому разрешалось носить тогу, а не военную форму. За это он должен был поддерживать порядок и спокойствие в Константинополе, следить за тем, чтобы фракции не враждовали, контролировать городские производственные гильдии, обеспечивать город достаточными запасами зерна и проверять мерки и весы торговцев. В помощь ему выделялось два помощника из старших чиновников: один, «логофет претория», отвечал за суды, а другой, «симпон», поддерживал закон и порядок. Помимо того, у эпарха было множество младших помощников.

Право эпарха контролировать судопроизводство давало ему большую власть, но также делало его одним из самых занятых чиновников страны. Он должен был ставить подпись на всех постановлениях, изданных императором, составлять проекты законов, передава-

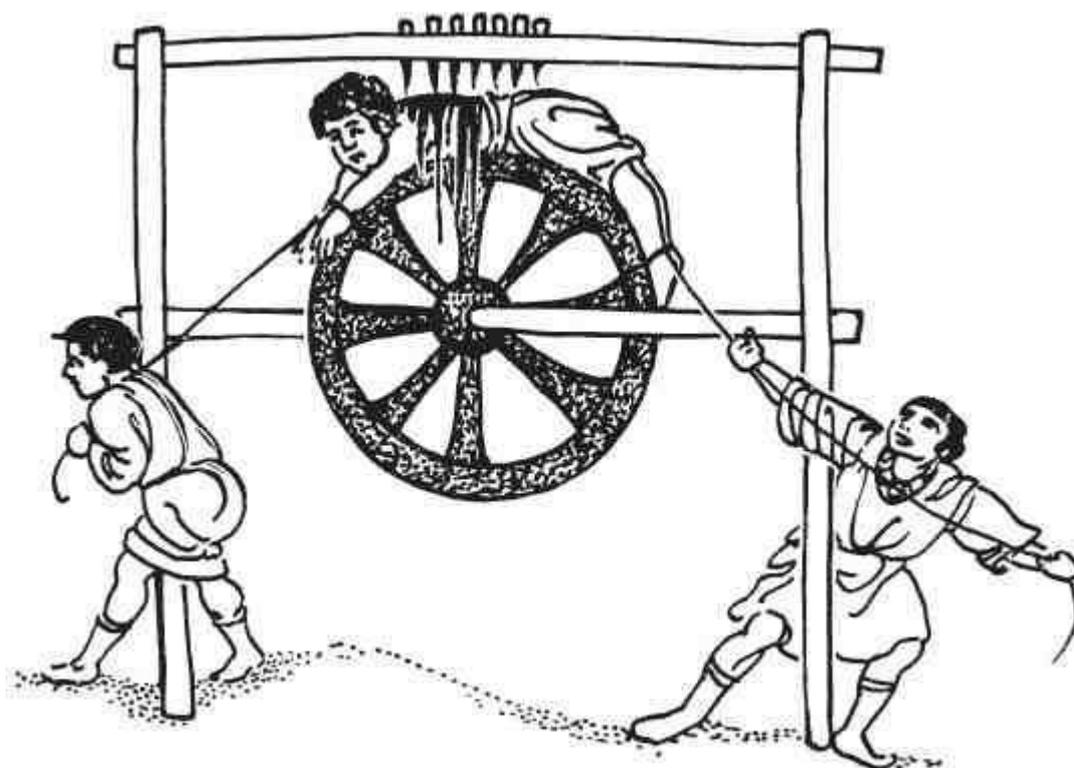
емых на рассмотрение императору, обеспечивать правильное составление всех указов. Во все времена новые законы создавались от имени Иисуса Христа, Господа нашего. Византия переняла законодательство у Рима, чтобы использовать его в качестве основы для своего, но почти сразу в Константинополе была организована комиссия, которая рассматривала старые законы и решала, дополнить их или вовсе упразднить. На ее заседаниях обязан был присутствовать эпарх, и объем его работы значительно увеличился. Отдельные императоры выступали с инициативой реформировать свод законов. Каждый по праву монарха возглавлял суд, однако некоторые были больше заинтересованы в изменениях, чем другие. Феодосий стал первым императором, попытавшимся модернизировать Кодекс. В 438 году он издал собрание всех эдиктов, выпущенных Константином I и его преемниками, занимавшими византийский трон, в виде Кодекса, включив в название свое имя. Скомпоновав эти законы в одну книгу, Феодосий облегчил их использование и проверку. Это упрощение, в свою очередь, помогло юристам избежать ошибок из-за путаного или неверного истолкования постановлений. Кроме того, Кодекс вскоре стал в Византии основой законодательства страны, хотя Рим его и не признал. В итоге появление этой книги, хотя она была написана на латыни, ознаменовало разделение конституций, используемых в западной и восточной частях империи, и само по себе способствовало тому, что византийцы стали больше говорить на греческом, а не на латыни. Естественно, латынь начала постепенно выходить из обращения, даже среди представителей правящего класса. К VI веку греческий распространился так широко, что император Ираклий (610-641) объявил его официальным государственным языком, и уже через одно поколение латынь знали только ученые.

Самые далеко идущие и серьезные шаги по систематизации, гармонизации и рационализации государственного закона были предприняты по велению императора Юстиниана. Первым делом все римские законы, существовавшие со времен Адриана (117-138), были собраны и опубликованы в 529 году под единым названием Кодекс Юстиниана. Эти законы оставались в силе на протяжении всей истории Византии и вошли в употребление в Западной Европе в XII веке. Даже в наше время студенты юридических факультетов обязательно изучают Кодекс Юстиниана, поскольку некоторые принципы, заложенные в нем, используются по сей день в ряде европейских стран. Через четыре года после его выхода, снова по распоряжению Юстиниана, был издан сборник постановлений римских юристов классического периода. Вместе с Кодексом эта книга стала ядром всего византийского права. Оба труда распространили между всеми юристами, чтобы обеспечить единообразное применение законов по всей территории империи. Более того, опять же по приказу Юстиниана был выпущен учебник по законодательству для юридических школ. Глава юридического факультета Константинопольского университета получил звание номофилах (страж закона). Поскольку в Византии не знали никаких способов книгопечатания или механического воспроизведения письменных текстов, как, например, ксилография, все книги имели вид рукописей, то есть переписывались от руки. Многие люди служили писцами и этим зарабатывали на жизнь. Первые книги Кодекса Юстиниана были написаны на латыни, но вскоре их перевели на греческий, который к тому времени стал языком народа. Каждый экземпляр независимо от языка подчеркивал высшую власть и могущество императора во всех юридических вопросах.

Византийский закон подвергался изменениям и после смерти Юстиниана. В последующие столетия его часто исправляли, чтобы он соответствовал времени. Лев III Исавр (717-741) был одним из первых преемников Юстиниана, который счел нужным внести незначительные коррективы. Его поправки увидели свет в 739 году в книге «Эклога» и стали необходимы благодаря более просвещенному и гуманистическому мировоззрению, проповедуемому христианством. Многие из нововведений Льва сегодня кажутся нам варварскими, но в VIII веке они считались гораздо более милосердными, чем те, которых они заменили. Во многих случаях Кодекс Юстиниана предписывал смертную казнь или разорительный штраф как единственно возможную кару, а Лев заменил их усекновением носа,

рук или вырыванием языка - мерами, которые сейчас вызывают у нас отвращение. А тысячу лет назад даже добрейшие и образованнейшие христиане жили в обществе, в котором истязания не только считались нормальным делом, но и красочно изображались на рисунках, иллюстрирующих пытки святых и мучеников веры. Некоторое очерствление, возникшее в результате этого, может объяснить, почему подобные наказания рассматривались как более гуманные и предпочитались смерти или лишениям.

Василий I (867-886) также усмотрел необходимость в пересмотре некоторых старых законов, действовавших на момент его восхождения на трон. В 870 году он выпустил свои поправки к кодексу законов в книге под названием «Эпанагога». В ней впервые в истории Византии была сделана попытка определить роли, которые в государственном законодательстве должны играть император, патриарх и само государство, а также разграничить их обязанности. Преемники Василия Лев VI Мудрый и Александр I (886-913) постарались продолжить пересмотр Кодекса Юстиниана, начатый Василием, но с их смертью его начинание так и осталось незаконченным, и больше никто уже толком за него не брался.

На протяжении всей истории Византии постановления верховного, то есть императорского, суда и сената, когда он выступал как верховный суд по приказу императора, считались окончательными. Но решения местных судов, гражданских и церковных, могли быть обжалованы и рассмотрены снова в другом местном суде. После возвращения императора в Константинополь в 1261 году разделение между гражданским и религиозным судами стало нечетким, и в конце концов их заменили районными судами, в которые входили и священнослужители, и миряне. К сожалению, к 1296 году все юристы погрязли в коррупции, и Андронику II пришлось создать новый верховный суд. Он назначил в него 12 судей и восемь видных государственных деятелей.

Однако эти меры не принесли результата. Коррупция продолжала существовать, и в 1329 году Андроник III утвердил четырех человек на должность «верховный судья ромеев» и наделил их еще более широкой властью, чем представителей верховного суда. Таким образом он надеялся добиться справедливых решений. Однако через восемь лет и этим людям были предъявлены обвинения в коррупции. К тому времени Византия уже начала приходить в упадок, который никто не мог остановить, и верховные судьи остались

на своих постах, исполняя свои обязанности в соответствии со своими убеждениями в последние годы, оставшиеся до нападения турокосманов.

С самого начала жители Константинополя, как и других городов любых размеров и амбиций, группировались во фракции, похожие на современные политические партии. В каждом городе их насчитывалось не более четырех, и изначально было предложено, чтобы каждая формировалась по географическому, а не политическому принципу, то есть по проживанию в одной из четырех частей города, соответствующих основным направлениям компаса. Каждая фракция в свое время получала определенный цвет, который ее представители носили на плечах. Четыре константинопольские фракции назывались синие, зеленые, белые и красные, но к моменту воцарения Юстиниана белые и красные слились соответственно с синими и зелеными. Каждая фракция должна была жить в отдельном районе города, что еще раз доказывает предположение о том, что изначально разделение происходило по географическому принципу. Представляется очевидным, что, подобно партиям наших дней, фракции быстро приобретали социальные и идеологические черты, помимо региональных отличий. По словам Прокопия, к синим (по крайней мере, в Константинополе) присоединилось много молодых необузданных аристократов, которые подстригали бороду на персидский манер и частично обривали голову, подражая гуннам. Они носили узкие туники с большими плечами и рукавами, кончающимися длинными узкими манжетами на запястье, плотно прилегающие рейтузы и туфли, похожие на те, в которых ходили люди, называемые византийцами «варварами». На битву они надевали панцирь. Зеленые не придавали одежде такого значения, как синие.

На протяжении всего существования фракций синие и белые объединялись. В 602 году в Константинополе они вместе составляли около 900 человек, а зеленые и красные - 1500. Соперничество между синими и зелеными происходило постоянно, вероятно, потому, что, хотя вступить во фракцию мог любой свободный человек, у синей преобладали землевладельцы и сенаторы греко-римского происхождения, а у зеленых - преимущественно купцы, торговцы и ремесленники. Каждая фракция молилась в своей церкви: синие, принадлежавшие к православию, - в Дагистии, а зеленые, склонявшиеся к восточным еретическим сектам, - в Диаконисе. В каждой был свой хор, орган и другие необходимые музыкальные инструменты, однако все фракции выполняли одинаковые обязанности. Им отводилась важная роль в играх на ипподроме, оказывалась честь стоять по сторонам дороги на пути следования императорского шествия; также на них возлагались некоторые функции на императорских церемониях. Кроме того, они должны были поддерживать городские защитные стены в хорошем состоянии и следить за порядком в качестве милиции. Во времена государственных чрезвычайных ситуаций фракции имели право набирать и вооружать сторонников. Именно эта привилегия делала их опасными в периоды политических волнений в Константинополе.

Изначально организованные как полицейские подразделения, со временем фракции стали ассоциироваться с цирком и соревновались в качестве спортсменов на играх на ипподроме. Как агора в Афинах и форум в Риме, византийские ипподромы использовались для проведения политических митингов. В таких случаях команды спортсменов, набранных из каждой фракции и поддерживаемых ими, представляли основные политические партии государства, так же как в наши дни сборные на международных чемпионатах по футболу символизируют свои страны. Ко времени восхождения на трон Юстиниана остались только синие и зеленые, причем обе эти фракции обладали серьезным влиянием. У них было много последователей из тех, кто разделял их политические взгляды. Трудно переоценить значение этих фракций, учитывая, что подавляющее большинство их приверженцев не скрывали своих воззрений и были готовы сражаться на их стороне. Когда народ решал, что его слишком притесняют, фракции объединялись с ним в попытке свергнуть императора, или правительство, или всех разом.

Юстиниан неразумно попустительствовал усилению фракций во время правления своего дяди, используя их для решения своих задач, и они, вместо того чтобы поддерживать

дисциплину, вышли из-под контроля. Но Юстиниан не сделал ничего, чтобы усмирить их, пока не вззошел на трон. В январе 532 года он решил наказать их за незаконные действия. Изданные им указы привели к массовым беспорядкам, не слишком отличавшимся от мятежей подобного характера, к которым константинопольцы уже успели привыкнуть. Некоторых бунтовщиков арестовали и судили. Семеро были признаны епархом виновными в убийствах и приговорены к смерти: четверо через истязания, трое через повешение. Двое из последних (один из фракции синих, другой - зеленых) дважды срывались с виселицы и оставались в живых. Монахи из близлежащего монастыря не могли смотреть на это ужасающее зрелище и не допустили третьей попытки. Они забрали их и перевезли на лодках через Золотой Рог в святилище церкви монастыря Святого Лаврентия. Епарх послал солдат, чтобы те окружили церковь. Фракция подала императору прошение о милости, но не получила ответа. Через три дня на ипподроме были проведены скачки. На третий день после двадцать второго забега раздался крик «Да здравствуют гуманные зеленые и синие!», который показал людям, что фракции объединились. После последнего забега прозвучало слово «Ника», то есть «победа», которое было паролем фракций и сигналом к началу самого страшного бунта в византийской истории. Толпа, поддержавшая их, вламывалась в тюрьмы, выпускала заключенных, убивала охрану и поджигала здания. Потом она пошла жечь большие ворота Халки, сам Большой дворец, сенат и даже собор Святой Софии. На следующий день, когда скачки были отменены, толпа отправилась на север от ипподрома к большим баням Зевкиппа, требуя освобождения трех чиновников. Напуганный размахом бунта, Юстиниан согласился. Теперь фракции были готовы заключить мир, но этого не случилось. Многочисленные крестьяне, прибывшие в Константинополь на рождественские празднества, возмущались большими налогами, которыми их обложили, и, воспользовавшись беспорядками, попытались свергнуть Юстиниана. Восстание бушевало целую неделю и могло бы добиться своего, если бы не вмешательство Феодоры.

В начале византийской истории, когда у императора еще не было отдельного финансового ведомства, денежными вопросами занимались финансовые чиновники преторианского префекта. Они должны были, действуя от его имени, собирать самый важный государственный налог, «аннону». Взимаемый в сельской местности, он представлял собой комбинацию подушной подати и земельного налога, рассчитывался исходя из надела земли определенной стоимости и размера участка, обрабатываемого одним человеком. В VIII веке преторианский префект перестал отвечать за сельские районы и автоматически прекратил собирать аннону. Эту обязанность возложили на местных казначеев, а также был создан пост сакеллария, который выступал в качестве самого старшего должностного лица, ведающего финансами. Однако к VII веку денежные дела империи настолько запутались, что финансовое ведомство, разросшееся за предшествующие столетия, было разделено на два. «Логофеты», то есть счетоводы, работали в одной части, а «хартуларии», то есть писмоводители, - в другой. Пост старшего логофета с VIII века стал очень важным, а в XII веке, когда пост сакеллария отменили и передали его дела «великому» логофету, последний приобрел значимость лорд-канцлера. Тем не менее глава императорского хранилища документов, чиновник, работавший с петициями, и секретарь императора оставались самыми влиятельными людьми, поскольку по роду своих обязанностей они ежедневно общались с императором.

Представляется вероятным, что пост сакеллария был упразднен из-за того, что фемы и их губернаторы стали столь многочисленными и могучими, что к XII веку они зачастую оказывались сильнее чиновников финансового ведомства центрального правительства. Последние нередко первыми собирали налоги, взимаемые с крестьян, и оставляли их себе. Эти налоги, по крайней мере до XIII века, составляли немалые суммы. Хотя у нас нет возможности даже предположительно оценить их размеры и покупательскую способность денег того времени, считается, что в IX веке, когда империя достигла апогея своего процветания, годовой бюджет государства, совместно в денежном и товарном пересчете, вероятно, превосходил 100 миллионов довоенных французских золотых франков. Василий I

(867-886) оставил своему наследнику личное состояние, равное, по всей видимости, 24 миллионам довоенных французских золотых франков, хотя их покупательская способность наверняка была гораздо выше. Тем не менее в XI веке страна переживала экономические трудности, несмотря на то что по-прежнему получала значительный доход и с городских, и с сельских земель, с налогов на импорт, экспорт и потребительские товары, с пошлин на виноградники и каменоломни, с обрабатываемой земли и пастбищ, с городских жилищ, с выдачи лицензий на частное производство. Экономический кризис был вызван частично, и, скорее всего, в большей степени, вопиющей расточительностью Константина VIII, императрицы Зои и Константина IX. Все они были настолько поглощены личными делами, что позволили гражданской аристократии заполучить власть над правительственной машиной. Добившись своего, аристократия наплодила множество государственных постов. Некоторые из них были действительно необходимы, потому что на протяжении своей истории византийская жизнь со всеми ее замысловатыми ответвлениями оставалась тщательно контролируемой, как это происходит в наше время в странах, где государство является исключительной властью. Любая мелочь повседневной жизни регулировалась государством; правительство устанавливало цены и размер зарплат, выдавало лицензии на торговлю, проездные документы и так далее. С годами для решения всех этих задач требовалось все большее число правительственных ведомств и чиновников. Их рост с момента основания Византии в IV веке до X века, когда формирование административной машины окончательно завершилось, поражает. Правительственное ведомство, которое отвечало за оснащение армии, к тому времени настолько увеличилось, что получило право курировать фабрики, производящие это оснащение. Ведомство, поставлявшее армии лошадей, контролировало фермы Анатолии, где разводилось большинство животных. Ведомство, работавшее с иностранцами, выросло до размеров своего рода «министерства размещения» и было уполномочено обеспечивать приезжих жильем. Подобных примеров можно привести в несколько раз больше. Рост государственных служб увеличил затраты на административную машину. Дело усугублялось тем, что умножение трат совпало с уменьшением доходов государства, вызванного главным образом отказом сельских жителей платить налоги и частично тем, что правительство стало нанимать частных подрядчиков на должности сборщиков налогов, многие из которых оказались мошенниками. Удивительно, что правительство продолжало существовать и работать так долго. Это преимущественно можно отнести на счет работоспособности и преданности большинства чиновников: хотя многие ключевые посты занимали коррумпированные и эгоистичные люди, которых процветание государства заботило меньше, чем собственное благополучие, которые умножили свои состояния, торгуя государственными должностями и уклоняясь от уплаты налогов, все же большинство оставалось безупречным. Это вызывает еще большее уважение, если учесть, что младшим чиновникам всегда платили мало. Уже в VIII веке средний заработок нотариуса редко превышал две номисмы, хотя к нему добавляли еще и плату натурой.

Высокопоставленные чиновники не назначались пожизненно. Во время пребывания в должности им надлежало проживать в Константинополе. Все они были землевладельцами, но это правило не позволяло им жить в своих имениях; в результате ссылка в поместье стала считаться наказанием для тех придворных, которые вызвали недовольство монарха. Будучи на посту, старшие госслужащие получали распоряжения напрямую от императора, который лично платил им зарплату ежегодно в Страстное воскресенье. Они получали неплохой доход, но, как и учителя и офицеры армии и флота, получали большую часть заработка натурой, по крайней мере до VII века; позднее денежная часть постепенно увеличивалась. На Пасху в Большом дворце проводилась особая церемония, во время которой, помимо знаков отличия их должности, вручаемых при назначении и переназначении, они получали мантию, в которой им подобало ходить в соответствии с чином. Так, магистру, чиновнику верховного суда, вручали мантию, расшитую золотом, белую тунику, украшенную золотом, плащ с золотой каймой и пояс с драгоценными камнями. Ему надлежало надевать все это на официальные мероприятия. В своей «Книге церемоний» Константин Багрянородный описывает в подробностях обязанности и протокольное платье 13 рангов высших чиновников и четкое местоположение у императорского трона, которое каждый мог занимать во время государственных церемоний. Спатариям разрешалось носить меч с золотой рукоятью, другим чиновникам - воротники различных фасонов.

Все чиновники, принадлежали они к старой римской аристократии или к новому византийскому дворянству, владели землей. К концу IV столетия их насчитывалось уже более 2 тысяч человек. Довольно быстро большинство из них приобрели такие большие земельные угодья и, соответственно, так разбогатели, что могли себе позволить вести неопишимо роскошную жизнь. К приходу к власти Юстиниана многие погрязли в потакании собственным прихотям и коррупции. Юстиниан счел своим долгом урезонить их. Он попытался разбить большие поместья на части, запретить старшему сыну наследовать все имущество отца, обделяя своих младших братьев, и помешать отцам завещать всю собственность любимому сыну. Однако ничего из этого ему не удалось, так же как и прекратить такие злоупотребления, как уклонение от уплаты налогов или продажа государственных должностей. В итоге аристократия и мелкопоместное дворянство продолжало приумножать свои капиталы за счет государства и крестьянства. К VIII веку их могущество было срав-

нимо с их богатством. В следующем столетии Лев VI решил придержать многие из ключевых постов, чтобы аристократы могли их занять, и, чтобы еще больше к ним подольститься, снял запрет, не позволявший чиновникам приобретать товары и принимать подарки деньгами или землей без разрешения императора. Также Лев облегчил получение земли дворянством. С ростом финансового неравенства увеличивалась пропасть между богатыми и бедными, усиливалось расслоение по классам и титулам в обществе, которое почти не придавало значения происхождению и родословной. Даже в XI веке аристократия оставалась самой могущественной силой и в суде, и в администрации. Однако она сдала позиции после XII века, когда возрастающая угроза безопасности империи спровоцировала увеличение влияния и важности вооруженных сил. Латинское завоевание Константинополя ударило по аристократии и ослабило бюрократию. Хотя многие дворяне сумели сохранить свои состояния в неприкосновенности и не поменяли образа жизни, административная машина безвозвратно потеряла свою мощь. Даже усилия многочисленных добросовестных и честных людей, которые продолжали самоотверженно служить ей, не помогли восстановить веру в администрацию и будущее страны. И действительно, на политическом поле Византия к тому времени перестала быть той силой, с которой считался Запад.

Глава 5 Армия и флот

С самого начала византийские императоры пребывали в полном согласии с римскими правителями в том, что касалось обеспечения безопасности империи и сохранения ее границ в неприкосновенности. Но в отличие от римлян, которые придерживались крайне милитаристских взглядов, византийцы уделяли особое внимание способам защиты, предпочитая ее более агрессивным действиям. Поэтому они строили замки, бастионы и укрепления, которые, хотя и не отличались оригинальностью, выдержали многочисленные нападения, прежде чем пасть под грозным натиском турок-османов. Даже будучи захваченными, эти строения продолжали существовать, выступая в роли оснований для турецких надстроек. Многие дожили до наших дней в виде сказочных руин на территориях, которые когда-то являлись границами Византии. Очень часто их обнаруживают на вершинах холмов, откуда они когда-то наблюдали за уязвимыми ущельями или конным караулом над какой-нибудь старой гаванью, а фундаменты их крепостей до сих пор можно найти в центре турецких городов. Самая впечатляющая и надежная защита была построена для Константинополя, поскольку его местоположение на берегу, на стыке двух континентов, открывало его для нападения и с моря, и с суши.

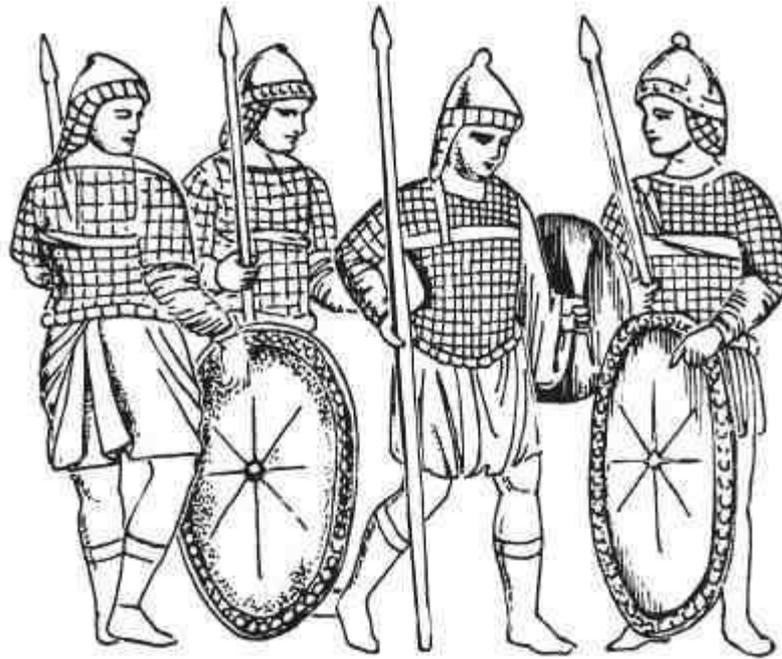
Константин I осознавал опасность для города и еще в мае 324 года принял меры, чтобы обезопасить Константинополь от врагов с континента, построив земляной вал с севера, запада и юга. Уже через столетие ограниченная таким образом территория стала мала для растущего населения столицы, а кроме того, Феодосий II (408-450) считал, что такой защиты недостаточно. Он решил окружить город новой линией укреплений и доверил работу Антемию, префекту Востока, вероятно, потому, что самыми надежными укреплениями того времени были возведенные в предыдущем веке в Антиохии. Стены Феодосия стоят и поныне и вместе с собором Святой Софии Юстиниана являются одной из крупнейших достопримечательностей Стамбула. Изначально они достигали 8 метров в высоту и были укреплены 96 башнями, стоящими на расстоянии 60 метров друг от друга. Круглые и квадратные по форме, башни выступали из стен на 5 метров и возвышались над ними на 2,5 метра. С внутренней стороны наверху вдоль стены шла галерея, поддерживаемая арками. Для усиления защиты у стены был выкопан ров с водой шириной 18 метров, укрепленный каменным эскарпом и контрэскарпом. В то время считалось, что для города, даже большого, достаточно четырех ворот, по одному на каждое основное направление компаса, но Феодосий распорядился сделать в Константинополе десять. Его стены были нас-

только крепкими, что тысячу лет спустя, попав во время сражения под обстрел первых пушек, они устояли, хотя и были пробиты в некоторых местах.

Размахом и добротностью системы укреплений Византия, видимо, обязана не только мастерству инженеров, но и миролюбивым взглядам ее народа. Их пацифизм, возможно, был врожденным, но также поддерживался христианской верой. Святой Василий советовал всем солдатам, убившим в бою врага, искать прощения за содеянное, наложив на себя трехлетнюю епитимью. Людская неприязнь к войнам подвигла Юстиниана к созданию армии, собранной из своего рода территориальных отрядов, которые могли прийти на подмогу регулярной, маневренной армии, состоящей преимущественно из наемников различных национальностей. Даже в течение четырех веков наибольшего политического расцвета - а именно с периода правления Ираклия (610-641) до Василия II (976-1025) - Византия была в основном обязана своей военной мощью иностранным наемникам. Даже на этом этапе императоры предпочитали использовать дипломатические методы, а не силу, чтобы поддерживать мир. Они старались всеми способами не допустить войны, задабривая соседей дорогими подарками или громкими титулами, входя в военные альянсы в обмен на денежные субсидии или ежегодные поставки, даже выдавая императорских дочерей замуж за вождей варваров. По тем же причинам империя всегда принимала политических беженцев, но при этом на протяжении всей истории страны не упускала возможности продемонстрировать свою военную силу. Служба в армии во все времена считалась престижной.

В римскую армию входили большие пограничные войска, которые защищали границы империи, и полки преторианской гвардии, стоящие в Риме. Но к IV веку армия устарела и перестала быть эффективной, а преторианская гвардия не раз показывала свою неверность правительству. Поэтому Константин решил организовать новую армию, которую, однако, построил по старым римским принципам. Но даже несмотря на то, что ему и его преемникам удалось построить новые вооруженные силы с сильной маневренной кавалерией, поддерживаемой многочисленной пехотой, они продолжали считать императорских телохранителей, схолов, подобно римской преторианской гвардии более раннего периода, ядром армии.

Научили императора маневренному ведению войны заклятые враги византийцев - персы. До того как арабы набрали силу в VII веке, Сасанидская Персия была самым мощным военным государством своего времени, однако в прошедшем тысячелетии персам неоднократно приходилось вступать в серьезные схватки с беспокойными кочевниками Центральной Азии. Эти необузданные и бесстрашные наездники открыли персам много новых способов ведения войны, подвергая их стремительным атакам маневренной кавалерии. Персы взяли их опыт на вооружение и поспешили ввести в свою армию конные отряды, которые с большим успехом использовали в борьбе против римлян. Византийцы также усвоили урок, и, хотя пехота оставалась их главной силой в Европе, они довольно быстро поняли, что кавалерия незаменима в войнах на Востоке, где конные лучники лучше всех справляются с персами. Сначала кавалеристы получали ту же плату, что и пехотинцы. Но через несколько десятков лет «катафракты», то есть тяжелая кавалерия, стали получать более щедрое вознаграждение, чем любой другой род войск, включая легкую кавалерию, «траpezитов». С VI столетия безопасность Малой Азии в большей степени обеспечивали конные лучники. Общая численность кавалерии, «кабаллария фемата», составляла приблизительно 120 тысяч человек.

Императоры Тибериус II (578-582) и Маврикий (582-602) сочли необходимым реорганизовать армию. Оба не изменили ее полной зависимости от монарха. Она должна была состоять из первоклассных полков, похожих на гвардейские, их называли «палатины», и полков похуже, их называли «комитатенсы». Тибериус решил разделить армию на три части в соответствии с тремя основными регионами страны: Восток, Иллирия и Фракия. В каждую входило от шести до восьми полков по 3-4 тысячи человек. Каждой армией командовал дукс, или магистр милитум, а полком - стратег (генерал или трибун), хотя этот титул также давали губернаторам провинций.

Стратег кавалерии стоял выше стратега пехоты. В отличие от гражданского правителя района дукс получал контроль над территорией, включающей в себя несколько районов или провинций. Он отвечал за все войска в своем регионе, но военными операциями на деле руководили стратеги. Каждый генерал должен был собирать и содержать собственный полк, обеспечивая людей луками и мечами. За это полку присваивалось его имя. Ни один из них не превышал по численности 7 тысяч человек; число военнослужащих постоянно менялось, и эффективность их была низка. Дуксы, командиры и генералы подчинялись нап-

рямую императору. Как и других офицеров, императоры назначали их и платили им, но им давалось право самостоятельно набирать неофицерский состав.

Несмотря на то что Маврикия убили его же солдаты во время похода на балканских славян, он тем не менее много сделал для повышения эффективности и благополучия армии. Благодаря его стараниям в 590 году появился первый в Византии военный устав. В соответствии с мыслями, изложенными в этой работе, Маврикий провел несколько реформ. Самой важной из них было введение обязательной военной службы для мужчин, не достигших сорока лет. Также он отдал три полка, во главе каждого из которых стоял генерал, под начало общего главнокомандующего. Каждый из полков должен был состоять из трех бригад, которые, в свою очередь, делились на семь отрядов по 400 человек. Помимо того, Маврикий попытался создать соединения запаса из лучников, в которых призывники служили по тем же принципам, что в британской территориальной армии. В мирное время им надлежало упражняться в стрельбе из лука всего раз в неделю.

Практически с самого начала нехватка людей затрудняла воплощение идей императора. Полки невозможно было укомплектовать из-за недостаточного количества регулярных солдат, и властям приходилось полагаться преимущественно на наемников. Никому не отказывали в зачислении в армию по национальному признаку, принимали даже гуннов и лангобардов, однако большинство наемников происходили из Германии и Иллирии. Всем им хорошо платили, и многие из них, начиная еще с IV века, сумели дорасти до высших чинов.

В VII веке нехватка людей в армии ощущалась настолько сильно, что император Ираклий разработал оригинальную схему привлечения новобранцев. Этот процесс известен как фемная реформа. Он начался в восточных пограничных районах. Эти территории при всей своей уязвимости были крайне плохо защищены, поскольку не пользовались любовью армии. Чтобы сделать назначение в эти области более желанным, Ираклий пообещал каждому солдату, служащему в соединениях «Анатоликон» (то есть анатолийском), «Армениакон» (армянском) и «Опсикон», земельный надел, который перейдет в его собственность и который он сможет возделывать и получать с него доход. Солдат мог жениться и жить на этом участке в качестве своего рода военного землевладельца, но взамен должен был являться по приказу на защиту границ от захватчиков вооруженным и на коне. Специально отобранным людям поручалось выполнять обязанности паспортиста и часового, который проверяет документы у странников и конного караула, заступая в наряд на башни, стоящие на расстоянии 900-1200 метров, но в пределах видимости друг для друга, чтобы они могли подать сигнал соседнему посту наблюдения. Хозяин фемы имел право завещать свой надел старшему сыну при условии, что тот пойдет по стопам отца и станет военным. Младшим сыновьям была уготована судьба свободных крестьян, но им надлежало самостоятельно заботиться о себе и приобретать невозделанную землю в малонаселенных приграничных районах. Предполагалось, что таким образом они увеличат крестьянское население отдаленных территорий и количество сельхозпродукции, получаемой на землях империи. Потомственные хозяева фем могли нанимать слуг и иметь рабов, которые помогали им с тяжелой работой.

Изобретение системы фем привело к четкому разделению армии. Пограничные войска отделились от войск, стоящих в столице. Последние состояли из полков пехоты и наступательных соединений, которыми командовали доместики, вместе с четырьмя самыми важными полками формируя схолы. Каждым из полков командовал друнгарий, а не доместик. Схолой в целом руководил офицер, который часто являлся и главнокомандующим всей армии. Но с конца X века один доместик ставился во главе восточной армии или схолы, а другой - во главе западной. С другой стороны, Ираклий возложил каждую фему на стратига, который выступал в роли и военного командира местных соединений, и губернатора района. Таким образом, Ираклий вывел фемы из управления преторианских префектов, но не позволил стратигам собирать налоги с сельских жителей. Вместо этого он возложил эту

обязанность на офицеров-сборщиков, которые были назначены в фемах. Стратиги получали более высокую зарплату, чем гражданские чиновники, управлявшие районами раньше.

Последующие императоры быстро понимали преимущества идеи Ираклия и всеми силами содействовали созданию фем, но потребовалось почти 200 лет, чтобы эта схема заработала. Вначале милитаризованные районы, в которых стояли полки, были названы в их честь, однако с VIII века, когда число фем увеличилось в результате их разбиения на части, которые, в свою очередь, были еще раз разделены, фемы стали носить имя той географической области, в которой находились. Фемы быстро добились значительной автономии и такой популярности, что люди шли в них служить по собственному желанию. Дигенис Акрит, полусказочный герой народного эпоса, был типичным представителем людей, обладавших духом независимости, присущим хозяевам фем. Как и во многих из них, в Дигенисе смешались крови разных народов: его мать была христианкой, а отец - мусульманином и вождем.

Хотя множество людей поступало на службу в фемы, в VIII веке с ростом могущества арабов потребовалось привлечение еще большего числа военнослужащих на восточные территории. Но этому снова помешала нехватка людей. Чтобы пополнить ряды армии, на должность главы фемы стали брать славян. Кроме того, к зарплате в 12 солидов пообещали еще один за каждый год службы в феме. В 930 году Константин VII издал указ, постановивший, что каждый надел, выданный члену фемы, равноценен 1,638 килограмма золота, а к концу века его стоимость увеличилась до 12 килограммов.

Нехватка людей ощущалась даже в отряде императорских телохранителей, особенно в IX веке, когда было решено расширить его, усилив полком кавалерии и двумя полками пехоты. В итоге в это соединение пришлось принять больше наемников, чем раньше. Подавляющее большинство были русско-варяжского или англосаксонского происхождения. Служащие в этих отборных отрядах назывались хетайрии. Вместе с другими сколариями они обычно сопровождали императора в походах во Фракию и Вифинию. Их вооружение состояло из копий, мечей и щитов. Многие надевали на битву кольчугу. Однако в X веке немало византийцев старалось уклониться от воинской службы, которая стала обязательной, уплатив налог, освобождающий их от призыва. Численность армии упала до 140 тысяч человек. Как только на трон всходил император, которого больше интересовали интеллектуальные вопросы, как, например, ученик и друг Пселла Михаил VII (1071-1078), набор в армию сокращался и ей уделялось мало внимания.

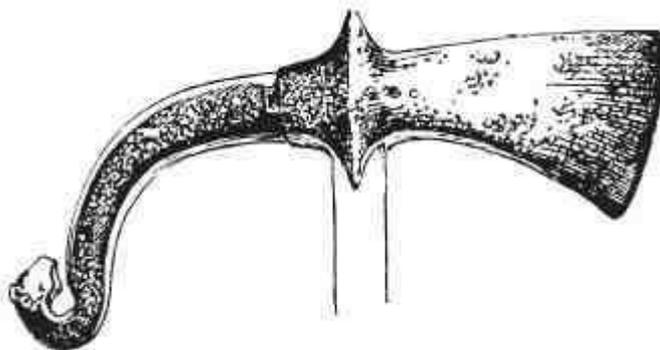

Большие достижения в военном деле создавали иллюзорное ощущение безопасности, которое способствовало распространению пацифизма и презрения к армии среди гражданского населения. В подобных случаях страна всегда платила высокую цену за свою безопасность, поскольку существование Византии напрямую зависело от состояния армии. Четыре века, пока империя переживала расцвет, армию всячески опекали. В XI столетии Константин VIII выделил сумму, равную 1,5 миллиона современных фунтов стерлингов, чтобы заплатить 14 459 военным на Крите. В те времена капрал получал 360 фунтов стерлингов в год, лейтенант - 720, капитан - 1080, а генерал до 14 500. На тот момент армия находилась в своей лучшей форме, была преисполнена чувства долга и преданности стране и народу.

Люди, боровшиеся с персами, франками, сарацинами и турками, были, как и римляне до них, хорошо оснащены. Это помогает понять, почему их обмундирование и оружие не претерпели особых изменений на протяжении тысячелетней истории Византии. В книге о тактике Лев VI заметил с понятной гордостью, что каждый его кавалерист обеспечен островерхим стальным шлемом, что он и его конь защищены чешуйчатыми доспехами, кольчужой, или кожаной накидкой, обшитой металлическими дисками. Эти доспехи отличались от тех, которые использовались в Западной Европе в завершающий период Средневековья. Если последние изготавливались из листового металла и закрывали все тело рыцаря, то византийская защитная амуниция была собрана из металлических частей, скрепленных между собой или пришитых к одежде из ткани или кожи. Впрочем, листовые панцири были известны в Византии, поскольку солдаты носили обшитые пластинами латы на теле и ногах до колен.

По описанию на людях, пытавшихся в XI веке свергнуть Константина IX Мономаха, были цельные металлические нагрудники. Кроме того, воины-византийцы носили кольчужные рукавицы, стальную обувь и металлические шпоры. Однако на битву императоры раннего периода надевали римские доспехи и одежду, чулки и высокие сапоги, украшенные жемчугом на восточный манер.

Офицеры шли в бой в шерстяных туниках под кольчугой и стальным нагрудником. Эти сорочки красились в цвет их полка, поскольку каждому полку присваивался определенный цвет и униформа. Западная Европа не знала таких нововведений до XVI века. Летняя форма шилась из более легких тканей, чем зимняя. В сырую погоду шерстяную тунику заменяли на парусиновый плащ. Низшие чины были вооружены луками и стрелами, кинжалами, копьями, пиками и дротиками. Колчан со стрелами носили висящим на поясе справа, а меч, обычно обоюдоострый, - слева. Так как у шлемов не было забрал, воины также носили небольшие металлические щиты для защиты лица. Полки копьеносцев, соединения тяжелой кавалерии, использовавшиеся в основном на Востоке, как и конные лучники, носили кольчугу и были вооружены копьями, боевыми топориками, мечами и щитами. Коней также закрывали кольчужными попонами.

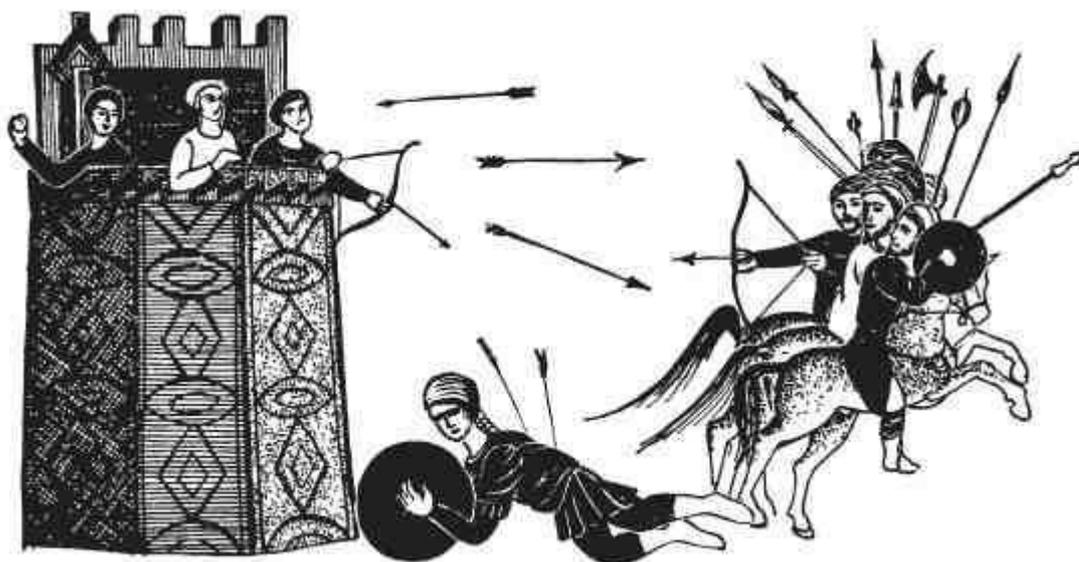

Лучники - и конные, и пешие - использовали воздушных змеев, чтобы определить силу и направление ветра, что помогало выбрать скорость и угол выстрела в соответствии с погодными условиями. Змей часто имел форму злого дракона или был украшен его фигурой и шился из шелка, то есть имел восточные черты, что подтверждает гипотезу, что римляне переняли это устройство у кочевников-сарматов, которые в свою очередь позаимствовали его у парфян.

Византийцы шли в атаку щитом к щиту с громкими криками. Они выкрикивали девиз, данный им в качестве боевого клича армейскими священниками. Он состоял из слов «Крест побеждает!». Воинов в наступлении сопровождали и священники, и особый отряд поддержки. И те и другие подбадривали солдат словами, песнями, декламацией и призывами. Вели их в атаке полковые знаменосцы, поднимавшие вверх римские «вексиллумы», то есть штандарты, или знамена, приносящие удачу. Следом шли солдаты с боевыми топориками, железными палашами, луками, пиками, копьями, дротиками, кинжалами и пращами, которые представляли собой сложный механизм из веревок. При нападении на крепость использовались небольшие передвижные башни. Их ставили на колеса или валы. Считается, что впервые такие башни применили при осаде Иерусалима. Еще использовали мостки и таранные устройства. Таран находился на деревянном остоле, и требовалось 60 человек в защитной кожаной одежде, чтобы его раскатать. При необходимости вызывали инженеров, чтобы те сделали подкоп под стены осажденной цитадели. В VII веке византийцы изобрели свое самое мощное оружие, преимущественно чтобы остановить частые и все более опасные нападения арабов. Называемое в наши дни «греческим огнем», оно может считаться предтечей гранаты. «Греческий огонь» делался из нескольких ингредиентов, включая серу и селитру, и был придуман в 717 году Каллиником из Гелиополиса. Емкости с «огнем» бросались в неприятеля с помощью катапульты. «Греческий огонь» оказался очень эффективным оружием и помог морскому флоту положить конец атакам ара-

бов. В IX веке, когда русско-варяжские войска стали угрозой безопасности Византии, греческие ученые усовершенствовали это изобретение, и его снова использовали против захватчиков. К несчастью для византийцев, в XIV веке «греческий огонь» был вытеснен изобретением пороха и пушки. К сожалению, на закате Византии император и его последователи, даже находясь под угрозой вторжения турок-османов, не смогли оценить по достоинству важность нового оружия, которое, вероятно, было с успехом использовано еще в 1356 году в битве при Креси. Византийцам предлагали его купить, но они отказались, сочтя цену слишком высокой. Им следовало бы заплатить столько, сколько просили, потому что раздосадованный оружейник отдал патент оттоманскому султану, благодаря чему турки смогли обстрелять стены Константинополя ядрами во время роковой осады весной 1453 года, когда окруженный город пал перед султаном Мехметом.

Большинство оружейных заводов страны были сосредоточены в Константинополе и Фессалониках, но некоторые находились и в провинциях. Самые важные из них основывались в районах, богатых полезными ископаемыми. Так, Никомедия, в которую удобно доставлять ископаемые с горы Олимп, славилась своими щитами и мечами. Кесария, получавшая необходимый металл с Анти-Тавра, стала, наряду с рудниками Сардиса, основным центром изготовления доспехов. Отличные пики и копья ковали в Иерополисе в Киликии, где размещалось большинство мастерских по производству амуниции; другие мастерские находились на северо-западном берегу Малой Азии.

В поход вместе с армией выступали обозы с провиантом, одеждой и оружием, а также отряды санитарной службы и инженеров. Полковой обоз состоял из 350 повозок и помимо поклажи вез еще топоры, мечи и кухонную утварь. Каждый шестнадцатый воин ехал на вьючной лошади, таким образом, в каждый обоз входило 175 всадников и 2800 пеших, которые либо ехали на повозках, либо шли рядом. На ночь вьючных лошадей собирали в круг, повозки ставили внешним кругом. Дальше в дело вступали инженеры, вырывавшие вокруг лагеря канаву для защиты. Отряды санитарной службы, сопровождавшие армию, делились на маленькие группы. В каждую входил хирург, восемь санитаров-носильщиков и множество простых санитаров. Для перевозки раненых использовались лошади со специальными седлами. Полевые бани были доступны всем желающим: и больным, и здоровым. К каждому полку прикреплялись священники, у которых находилось немало забот. Им поручалось отмечать начало и конец каждого дня службой, которую посещали все. Также в их обязанности входило давать психологическую разгрузку людям, которым они часто советовали обращаться с молитвами к святым, покровителям воинов, например к святому Михаилу или Феодору Стратилату.

Разведчики и шпионы собирали информацию о передвижениях неприятеля. Так, редкостная беспечность в 1071 году дорого обошлась императору Роману Диогену: выступив

с большой армией против турок-сельджуков, он не стал посылать разведчиков вперед, и все войско попало в ловушку и было разбито сельджуками у Манцикерта, а сам император попал в плен. Однако в общем византийская разведка хорошо управлялась и часто использовалась. До X века императоры сами вели свои армии в бой; их личные штандарты вселяли в солдат храбрость. В походе императора сопровождали герольды и большой кортеж прислуги. Они путешествовали с огромным багажом, возя с собой множество драгоценных вещей. Императорская палатка всегда выделялась размером и великолепием. Ее украшали дорогими коврами и сосудами. Она потрясала не только красотой, но и размерами. Однако армии и императорским телохранителям часто не удавалось защитить ее от захвата врагом, охочим до трофеев. Роман II (1028-1034), разбитый арабами, бежал, бросив, если верить Пселлу, «палатку, набитую ожерельями, браслетами, диадемами, жемчугом и драгоценными камнями». За два века до того болгарский хан Крум обнаружил эквивалент 4,5 миллиона фунтов стерлингов армейского жалования в захваченном им лагере, который бросил неприятель. Пленников убивали редко. Нижних военных чинов делали рабами, а высоких отпускали за выкуп. Во время переговоров принято было давать и брать заложников, чтобы избежать обмана.

Для передачи новостей с поля брани в столицу использовали гонцов, но их было немного, и солдатам, вернувшись с фронта, надлежало рассказывать всем о сложившейся ситуации. Если бы дух армии был выше в XIV и XV веках, туркам, возможно, не удалось бы дойти до азиатского берега Мраморного моря, откуда они смогли разгромить защиту Константинополя. Но начиная с XI века стойкость армии пошла на убыль. Частично в этом виновато уменьшение числа новобранцев из армян и исавров, а это было, в свою очередь, вызвано постепенным распадом фем и, следовательно, потерей очень важных земель, которые сначала захватили сельджуки, а потом турки-османы, а также продажей их крупным землевладельцам, которые жаждали расширить и без того огромные поместья. В 1096 году после прихода и ухода крестоносцев Первого крестового похода Алексей I Комнин попытался остановить разложение в армии и восстановить ее силу, обратившись к нации с призывом предоставить материалы и рабочие руки для строительства мостов и кораблей и, кроме того, потребовав снабжать войска на марше бесплатным хлебом, обеспечивать кровом и транспортом. Эти меры сделали армию крайне непопулярной среди гражданского населения, и именно в то время, когда набор новобранцев был и так затруднен. Снова, как раньше, пришлось приглашать наемников в больших количествах и за очень большие деньги. В XII веке правительство пошло на отчаянный шаг. Чтобы привлечь офицеров в армию, решили сделать службу прибыльной, давая им поместья на субсидиях с некоторыми условиями. Эта система, называвшаяся «прония», использовалась для поощрения гражданских лиц. Хозяин поместья-пронии получал его до конца жизни. Он не мог его завещать, но, пока служил, и земля, и крестьяне, которые на ней жили и работали, принадлежали ему. Его крестьяне платили ему все налоги и сборы, а он сам ничего государству не платил. Право собирать деньги со своих крестьян и получать доход со своих угодий помогало такому человеку разбогатеть. Взамен, однако, владелец пронии должен был служить в армии, прибывая туда полностью вооруженным и на коне в сопровождении требуемого числа солдат. Эта уступка не принесла желаемых плодов, и при Михаиле VIII (1259-1282) был добавлен еще один стимул. Военскую пронию сделали наследуемой. Это решение имело неожиданный, но, без сомнения, предсказуемый итог: землевладельцы осели в своих поместьях, поскольку такое послабление освобождало их от необходимости бороться за увеличение дохода. В результате к XIII веку практически вся аристократия была освобождена от уплаты земельного налога, и карьера на военном поприще стала считаться непривлекательной. Гражданское население настолько невзлюбило военных, что с того момента до 1354 года, несмотря на обязательный призыв и из частных, и из церковных поместий, армия в основном состояла из наемников, а владельцы проний покупали себе освобождение от службы. Жалование наемников опустошало государственную казну. В отчаянии Андроник II (1282-1328) повысил налоги, взимаемые с гражданского населения, и

уменьшил численность армии до чисто символической. Он сократил кавалерию до 3 тысяч человек, 2 тысячи из которых стояли в Европе, и всего лишь тысяча осталась, чтобы противостоять туркам в Азии. Неудивительно, что османы сочли возможным продолжить давление на византийцев, а те никоим образом не могли остановить их.

Византийский флот всегда был скромным, однако играл жизненно важную роль в защите страны, неоднократно спасая ее от вторжения врагов и помогая коммерческому флоту стать хозяином Средиземного моря, по крайней мере до того периода, когда венецианские и генуэзские торговые флоты не изменили баланс в свою пользу. Византийский флот приобрел особое значение с усилением арабов. К 698 году он стал не только мощным кулаком вооруженных сил, но завоевал такой политический авторитет, что сумел свергнуть императора Леонтия и заменить его с помощью фракции зеленых на адмирала флота. Но когда арабский флот пришел в упадок, византийский тоже утратил силу. Его слабость была использована как повод урезать жалованье моряков, которое стало самым низким во всех войсках. В IX веке «друнгарий», то есть адмирал флота, занимал низшую ступень в порядке старшинства из всех военных стратегов, но в X веке с нарастанием угрозы со стороны киевских варягов он поднялся по значимости до доместика военной схолы и, таким образом, стал выше всех армейских и флотских командиров. Главнокомандующий флота назывался «стратег карабизиани».

На сегодняшний день у нас очень мало информации о судах, на которых ходили византийцы, но подводная археология может в будущем расширить наши познания. Они называли свои боевые корабли дромондами. Самым используемым из них, вероятно, была дирема. Размеры ее могли меняться. Требовалось от 100 до 300 человек, чтобы управлять ею. Более быстрое судно, бирема, очень похожа на галеон. Более скоростные корабли меньшего размера выступали в качестве помощников для крупных судов, сигнализируя флажками и огнями, которые были обычными способами связи между судами, идущими по морю.

С самого начала набор новобранцев во флот был сопряжен с еще большими трудностями, чем в армию. В 690 году при Юстиниане II ощущалась такая нехватка моряков, что император решил переселить христианский народ маронитов с их исконной земли в Северной Сирии на берега Пелопоннеса, Кефалонии и Эпира, чтобы забрать его мужское население во флот. В обмен на это «призывник» получал такие же выгоды, какие предоставлялись солдатам, служащим в приграничных областях. Они становились владельцами фем, но, как и в пограничных и регулярных войсках армии, было проведено четкое различие между имперским флотом и флотскими фемами. Так, императорский флот базировался в Константинополе, но флотские фемы, которые со временем появились и в Малой Азии, и в юго-западных прибрежных районах, и на юге Малой Азии, и в большинстве областей Греции, часто привлекались для укрепления императорского флота дополнительными силами. В XI веке после заключения мира с Киевской Русью флоту было разрешено уменьшить свои ряды. Впоследствии он так и не восстановился после регресса и поэтому не смог соперничать с генуэзским и венецианским флотами. Снова взойдя на трон в 1261 году, Михаил VIII подарил генуэзцам район Галата в Константинополе для проживания, а также право пользоваться проливами Босфор и Дарданеллы. Эту уступку трудно переоценить, так как она передала торговлю на Черном море в руки генуэзцев.

Его преемник, Андроник II, считал, что может верить обещаниям генуэзцев. Поэтому он решил сократить флот до 20 трирем, которые в основном использовались для церемоний. Корабли военно-морского флота Византии разоружались, и сотни моряков вынуждены были выбирать: оставить службу ради иного заработка, записаться в турецкий флот или пойти работать на частное судно. Многие предпочли два последних варианта, чтобы не прощаться с морем, несмотря на то что им пришлось бы поднять оружие на своих сограждан и христиан. Пираты всегда мешали судоходству в Средиземном море. Если их удавалось поймать, византийцы отправляли их в специальную тюрьму на острове. Убежать оттуда было настолько сложно, что Михаил V (1041-1042) заключил туда своего дядю Иоанна, боясь, что этот интриган может выбраться из любого другого заточения, чтобы снова устроить заговор против племянника.

Глава 6 Торговцы и ремесленники

Отношение византийцев к торговле и ремеслам, пожалуй, легче понять сегодня, когда госконтроль снова признан неизбежным и даже необходимым более, чем во все предыдущие периоды человеческой истории. В Византии торговля и ремесла считались делом государства, как, например, международные отношения. Как и в Риме, государство в лице эпарха строго регулировало две эти основные ветви экономики страны. Оно отвечало за строительство мастерских и контроль над ними, устанавливало монополии, занималось импортом и экспортом, назначало жалованье, закупочные и отпускные цены всех товаров, таможенные пошлины и прочие сборы. Государство также выступало в роли надзирателя над частными мастерскими, варьируя качество товаров, которые они производили или перепродавали, как и их цены. Более того, оно взяло на себя обязанность снабжать Константинополь, следя за тем, чтобы импорт не слишком превосходил предполагаемые нужды населения и при этом не приходилось бы вводить нормирование. Эта система работала неплохо, пока империя оставалась могущественной и богатой, а правительство работало стабильно и результативно. Но как только правительственный контроль экономики осла-

бевал, частное предпринимательство оживлялось и с уменьшением территорий и ресурсов империи экономика страны приходила в упадок; иностранные - преимущественно итальянские - купцы составляли серьезную конкуренцию местным закупщикам, и вся система прекращала работать.

Никто в Византии не подвергал сомнению тот факт, что предназначение производства - обеспечивать императора, церковь и знать предметами роскоши, которые им нужны, а государство - излишками этих товаров для экспорта. К VIII веку, когда внешняя торговля Византии (преимущественно предметами роскоши) была в самом расцвете, отрасли производства в столице были строго разделены на ассоциации по роду деятельности, которые делились на гильдии. Эту систему переняли у римской коллегии, и она развивалась с годами по разным сценариям. В одной только столице насчитывалось не менее 23 гильдий. Частые ссылки на них в работах Константина VII и «Книге епарха» указывают на их высокую значимость. Их задача заключалась не столько в обеспечении благоденствия их членов или местных жителей, а в том, чтобы содействовать государству в контроле городской экономики. По этим причинам работа гильдий с продуктами питания первой необходимости, такими как хлеб, рыба и мясо, организовывалась с особой тщательностью. Мясники, продававшие свинину, и прочие мясники принадлежали к разным гильдиям. Также сапожники были разделены на две гильдии, одна из которых делала особый вид обуви. Одной из самых крупных гильдий из всех, охватывающих представителей одного ремесла, можно считать изготовителей благовоний. В каждом ремесле гильдия определяла условия работы, фиксировала жалованье, отпускные цены и доход. Человек мог войти только в одну гильдию, но, в отличие от Рима, не обязан был состоять в какой-то гильдии. Вступление в гильдию происходило по определенным параметрам, включая высокое мастерство и уплату вступительного взноса. Также не считалось непременно, чтобы сын следовал по стопам отца, хотя такое часто случалось. Но даже тогда его не брали в гильдию автоматически.

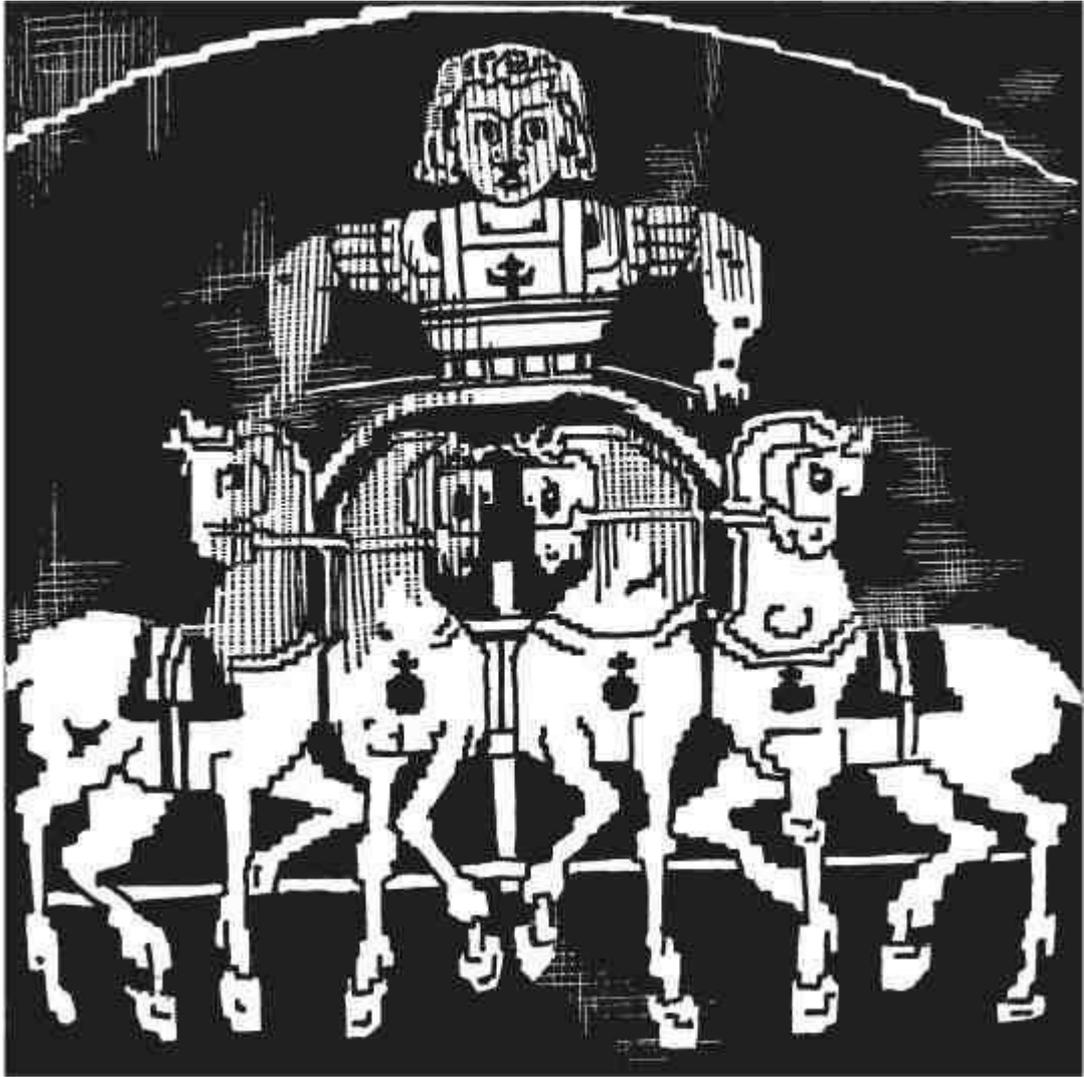
Каждая гильдия выбирала себе председателя, которого должен был утвердить местный префект. Каждая гильдия закупала все сырье, которое было нужно ее членам, и распределяла их. Произведенные товары выставлялись на продажу в четко разграниченных частях города или, на манер восточных базаров, в секции местного рынка, отведенной для товаров этого вида. Только бакалейщики могли открыть магазин на какой им угодно улице, поскольку продавали такие важные продукты питания, как сыр, растительное и сливочное масло, муку, мед, мясо, соленую рыбу и овощи. Крестьянам тоже иногда разрешалось продавать свою продукцию напрямую покупателям. Разносчики вели бойкую торговлю одеждой. Торговцы управляли продажей всех прочих товаров, включая скот и птицу, а также их мясо, продавая все это на рынках по ценам, назначенным префектом. Таким образом, в экономике страны не нашлось места посреднику. Префекты могли удерживать цены на продукты первой необходимости на одном уровне. Чтобы избежать демпинга, никому не разрешалось покупать свежешпойманную рыбу у рыбаков, хотя им дозволялось ставить прилавки на причалах и в других отведенных местах, чтобы торговать приготовленной рыбой. Мясникам Константинополя запрещалось покупать мясо у фермеров из предместий; им приходилось ездить за мясом за Никомедию. Местное мясо запасали на случай чрезвычайной ситуации. Пекарей могли оштрафовать за изменение установленной цены, даже если она настолько повышалась государством для увеличения его дохода, что в результате вызывала бунты. Цена на хлеб, как и на вино, менялась в зависимости от стоимости сырья, но всегда рассчитывалась так, чтобы обеспечить прибыль государству. В голодные времена пекарей обязывали покупать хлеб на специальных правительственных складах.

Жалованье регулировалось через гильдии и поддерживалось на невероятно низком уровне. По крайней мере, до VI века членам гильдий только частично платили деньгами, а остальное выдавали, как учителям, чиновникам и военным, натурой. Многие ремесленники, входившие в гильдии, трудились дома, где им помогали жены, наемные работники и

подмастерья. Последних отдавали в ученье в очень юном возрасте. Они работали по договору, хозяин гарантировал им обучение в течение двух лет в обмен на плату натурой. Нарушение договора любой из сторон наказывалось штрафом. Если подмастерью платили небольшое жалованье, он должен был еще прислуживать хозяину. Среднестатистическая ремесленная мастерская была, как правило, очень маленькой. Раскопки в Коринфе показали, что ремесленник редко мог позволить себе больше двух помощников. Без сомнения, именно так все и было.

Любое нарушение закона гильдии влекло за собой штраф, телесное наказание или исключение. Однако изгнание из гильдии не обязательно обрекало виновного на вечную безработицу. Ему разрешалось зарабатывать на жизнь, занимаясь своим ремеслом в частном порядке, трудясь на кого-то. Многие, очевидно, находили работу в монастырях, например в Студийском в Константинополе, который, по крайней мере в IX веке, нанимал мастеров по металлу, ткачей и сапожников и продавал ими произведенную продукцию. Другие, вероятно, поступали в мастерские, принадлежавшие дворянству, где, как и в императорских мастерских, большая часть работников была рабами. Рабский труд так широко использовался в Византии, что стал важным фактором в увеличении изготовления предметов роскоши и снижении цен на предметы первой необходимости.

На начальном этапе византийской истории раритетные предметы роскоши завозились в основном с Востока: драгоценные камни - из Индии и Персии, шелка - из Китая. Торговля с Востоком была столь развита, что около 522 года Косьма Индикоплов смог написать подробный отчет о поездке, которую совершил к побережью Малабар. Продажа предметов роскоши всегда считалась монополией государства. Важные мастерские, производившие дорогие товары, особенно шелк и предметы из металла, находились на территории Большого дворца в Константинополе. Их гильдии назывались императорскими и стояли выше всех остальных. Их членам, как членам фракций, надлежало в случае необходимости защищать определенную часть городских стен, а также разрешалось принимать участие в церемониальных шествиях.

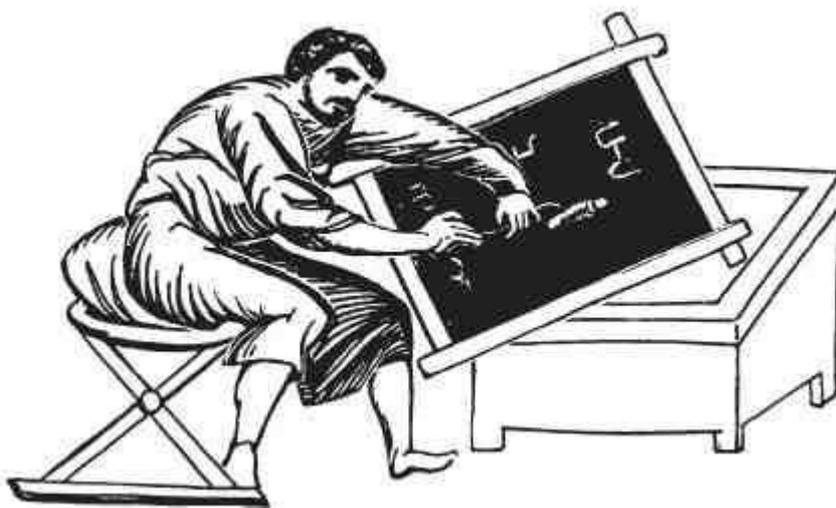

Им была дарована привилегия украшать трибуны, которые использовали императоры, когда приезжали в гильдию, пурпурными шелковыми полотнищами, золотом и серебром. Гильдия пурпурных красильщиков была старейшей из императорских гильдий. Ее основали во время правления Ираклия (610-641) и выделили ей мастерские рядом с ипподромом, в фешенебельном районе близ бань Зевксиппа, где ее члены трудились только на благо монарха и его семейства. Товары, которые им были не нужны, продавались императором для пополнения государственной казны.

До завоза в Византию тутового шелкопряда шелк был такой редкостью, что его ценили на Западе выше, чем специи или драгоценные камни. Именно по этой причине Клеопатра отказалась носить любые другие ткани, приказав, чтобы даже ее нижнее белье шилось из шелка. В Риме при Юлии Цезаре шелк был так дорог, что только самые богатые люди могли себе позволить купить его. Способ производства шелка и ткани из него бдительно оберегался Китаем многие века. Однако во II веке н. э. император У-ди династии Хань согласился на экспорт ограниченного количества материала в западный мир в обмен на такие западные диковинки, как стекло, эмаль, высококачественная одежда из шерсти и хлопка. Людям, привозившим долгожданные тюки в византийскую столицу, приходилось отваживаться на долгий, трудный и подчас опасный путь. В среднем требовалось 230 дней, исключая дни, проведенные в караван-сараях из-за плохой погоды или других напастей, чтобы доставить тюки с шелком из перевалочного пункта далекой Центральной Азии в Константинополь.

До того, как узнали секрет его производства, только членам императорской семьи разрешалось закупать и носить шелк. Если случалось так, что у них скапливалось больше шелка, чем нужно, они иногда продавали его, но только избранным купцам и преимущест-

венно на экспорт. Для принца или дворянина в Византии участие в коммерческих сделках было не более унижительным, чем для знати Англии или Флоренции в XVI и XVII веках. Даже став императрицей, Зоя (1042-1055) проводила большую часть дня, готовя благовония. По словам Пселла, она превратила свою спальню в фабрику, расставив в ней жаровни. У каждого из ее слуг были определенные обязанности: кто-то помещал благовония во флаконы, кто-то смешивал, кто-то дистиллировал. Зимой это было даже приятно, но летом ее покои походили на топку. Поскольку и она, и ее сестра и соправительница Феодора не выносили свежего воздуха, им такая жара не мешала. Многие императоры ухитрились увеличить свои доходы, занимаясь предпринимательством. В XIII веке Иоанн III Дука Ватац (1222-1254) сумел неплохо заработать на продаже домашней птицы и купил супруге новую корону. Византийская знать часто участвовала в торговле. Некоторые добивались серьезного успеха, особенно владельцы фабрик по производству ковров. В X веке самые важные из ковровых фабрик находились в Спарте и Пелопоннесе. Безумно жаль, что ни одного экземпляра их продукции не дожило до наших дней, и мы не можем даже вообразить, что представляли собой византийские ковры.

На начальном этапе производства шелка в Византии основная часть тутового шелкопряда выращивалась у южных берегов Каспийского и Черного морей. Далее коконы перевозили в Египет, Сирию и Константинополь, где из них пряли нити и ткали отрезы. Но в то же время китайский шелк не утратил своей значимости. Сначала Тир и Александрия считались главными центрами изготовления шелка в Византии, но после того как в мастерских Большого дворца установили ткацкие станки, и там стали производить прекрасный шелк. Мастерские были императорской собственностью, в них работали как мужчины, так и женщины. Вскоре в провинциях начали появляться маленькие мастерские, но усиливающаяся агрессивность воинственных арабов, а также желание императора сосредоточить производство в столице привели в VII веке к закрытию этих мастерских. Некоторые из них перевели в Константинополь, где эпарх имел больше возможностей регулировать и контролировать их деятельность. Впредь все отрезы ткани, произведенные в императорских мастерских, должны были отмечаться вытканым на краю именем императора, либо его монограммой, либо именем эпарха, отвечающего за два главных дорогостоящих товара страны (шелк и изделия из металла). Ни один из этих товаров не мог пойти на экспорт. Производимый шелк так жестко контролировали, что, как и во времена Юстиниана, придворные дамы, имевшие право носить шелк, могли надеть его, только если он был куплен в Палате ламп, как назывался императорский аукционный зал Большого дворца. Своим названием он обязан светильникам, которые горели на протяжении всей ночи так, что их свет был виден с улицы через окна.

Помимо того что шелком занимались только императорские мастерские, его производство контролировали целых пять гильдий. В одну входили купцы, которые работали с им-

портным сырцом, в другую - те, кто ткал его в отрезы или шил из него одежду. Третья объединяла прях и ткачей, четвертая - тех, кто красил шелк в цвета, отличные от пурпура. Эти красильщики были очень умелыми, и, хотя им приходилось закупать многие краски на Востоке, они умели добиваться невероятного разнообразия тонов, к X веку научившись получать множество оттенков одного цвета. В исключительных случаях некоторым ткачам, однако, разрешалось красить собственные ткани. Пятая гильдия занималась продажей шелка. Когда поставки увеличились, труд гильдий значительно облегчился, поскольку правительство пришло к выводу, что продажа шелка, за который надлежало платить золотом, помогала удерживать ценные золотые монеты страны в ее пределах, что стало побочным эффектом этой индустрии, которая обрела особую значимость после того, как Сирия и Египет были завоеваны арабами.

Первые шелка, сотканые в Византии, были, скорее всего, простыми, но через несколько лет в Константинополе уже начали производить ткань с узором. К IX веку, когда текстильная промышленность достигла своего пика, шелка, которые по сей день поражают великолепием и изысканностью рисунка, изготавливались в императорских мастерских. Среди них были парча, золотая и серебряная ткань непередаваемой красоты. Западные правители и знать мечтали заполучить шелка такого высокого качества, но даже на закате империи их не вывозили на экспорт. Несмотря на то что императоры не хотели, чтобы у иностранцев появился даже маленький кусочек этой материи, время от времени они посылали отрезы в подарок людям, которых хотели особенно отметить. Даже сравнительно простые шелка, которые выставлялись на продажу, пристально отслеживались. Лиутпранду, послу Оттона I в Византии, жившему в Константинополе, в конце своей миссии не позволили взять домой несколько отрезков, которые ранее разрешили приобрести у купца.

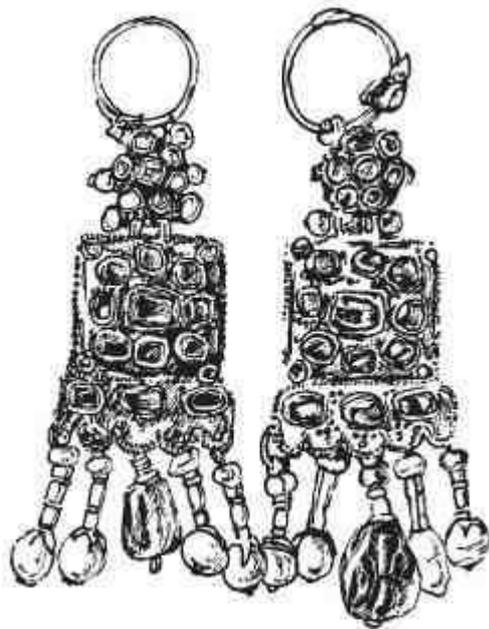
Глубоко укоренившаяся решимость византийцев не позволить предметам роскоши, произведенным в стране, покинуть ее пределы отражена в пошлинах, взимаемых с венецианских купцов в X веке. Они платили всего по 2 номисмы за каждое судно, входящее в Константинополь, но по 15 - за каждое отплывающее с грузом. Эти пошлины должны были подтолкнуть иностранных купцов продавать свои товары в Константинополе и затруднить экспорт. Все товары, ввозимые в страну и вывозимые из нее, облагались 10-процентным налогом, с крайне небольшого разрешенного экспорта шелка взимался еще более высокий сбор. Следующим шагом по удержанию дорогостоящих товаров в империи стал запрет экспорта роскоши греческим купцам, которым до VIII столетия позволялось выезжать в Италию. Однако в X веке колонии греческих торговцев удалось обосноваться в Каире, а мусульманская колония укоренилась в Афинах. В XI веке греческие купцы добились разрешения ездить в Персию. Чтобы из-за этого шелк не упал в цене, им запретили самостоятельно импортировать его с Востока; они могли покупать его у сирийских торговцев, которые прибывали в Константинополь из Багдада продавать шелк, произведенный в Сидоне для церковных полотнищ или дворянских плащей.

Даже в X веке многие сирийские импортеры задерживались в Константинополе на несколько лет, а то и на все десять, чтобы работать там посредниками. К тому времени Константинополь уже не был единственным центром производства шелка в Византии. И правительство, и частные мастерские вели выгодную торговлю во многих провинциальных городах. Фивы были одним из первых городов, получивших международную известность, но вскоре у них появился конкурент - Трапезунд, а к XII веку Андрос и Фессалоники превзошли их. На тот момент Фессалоники переживали апогей своего процветания, основывая богатство в основном на экспорте как своих, так и импортируемых из Константинополя товаров. Их отправляли на запад мимо римской Виа Игнация, через современные Нис и Белград в дальние страны. Купцы из Египта и Испании, греки из Монеивасии, торговцы с Сицилии, местные крестьяне - все считали обязательным посетить ее ежегодную ярмарку. На пике своего благосостояния город собирал налогов с магазинов, рынков и импорта предположительно на астрономическую сумму, равную 37 миллионам современных фунтов стерлингов.

Производство тонкой шерстяной ткани и полотна стало значительным ответвлением византийской текстильной промышленности. Ткани зачастую производили женщины, работавшие дома. Большая часть полотна отличалась высочайшим качеством. Портные шили бронзовыми иглами, нитки наматывались на керамические катушки. Вышивка также была востребованным экспортом. Происходя из Сирии, искусство вышивания быстро укоренилось в Константинополе. Во времена Юстиниана в столице изготавливали вещи такого тонкого мастерства и столь редкой красоты, что император предложил местным швеям сшить занавески для кивория собора Святой Софии. Они вышили на занавесках рисунки в виде серебряных колонн, соединенных тремя золотыми арками. В центральной был изображен Христос в золотых одеждах.

Ремесло мастера по металлу и ювелира могло соперничать по важности с текстильной отраслью. В самом начале византийской истории Антиохия считалась центром, где производились лучшие драгоценности и изысканные дорогостоящие предметы из металла, но Константинополь снова быстро забрал у старинного города пальму первенства. Первоначально серебра в столице было так мало, что оно облагалось 10-процентным налогом, от которого золото освобождалось полностью. Серебряные сосуды того времени изготавливались в императорских мастерских для монарха. Хотя небольшое их количество, возможно, продавалось на экспорт, большая часть оставалась во дворце. Иногда его использова-

ли, чтобы подкупить вождей варваров, иногда - чтобы обменять или послать за границу в качестве императорских подарков. Как и императорский шелк, эти сосуды помечались именем или монограммой правящего монарха либо эпарха, отвечающего за их производство. Мастерам, изготовлявшим эти великолепные предметы, доверяли ответственное задание: проверять и ставить печать на серебряных монетах и железных прутьях, которые с 375 года передавались в казну в качестве уплаты налогов.

Хотя ростовщичество строго порицалось, без него невозможно было обойтись, а поэтому и запретить его не могли. Золотых дел мастера работали еще и ростовщиками, но правительство пыталось контролировать процентные ставки ссуд. Хотя средняя ставка колебалась между 4 и 8 процентами, Юстиниан запретил поднимать ее выше 12. Со временем ставка стала зависеть от положения и занятия заемщика. С дворян брали 4,5 процента, с купцов - 8,5, с прочих - 6,5 процента. Обосновавшись в Византии, итальянцы вытеснили греков с этого поприща. Высокоэффективная система взаиморасчетов между городами существовала в Византии за несколько веков до того, как ее узнали в Европе. Вероятно, ее ввели ювелиры, хотя эта заслуга может принадлежать и государственному банку Византии. Он был создан, скорее всего, одновременно с появлением византийских монет. Банк стал единственной организацией, где люди могли покупать и продавать деньги. Если их ловили за этим занятием в другом месте, вся задействованная сумма конфисковалась. Помимо работы с денежным оборотом, банк также собирал пошлины, которыми облагались суда за проход Босфора и Дарданелл, и все таможенные сборы.

С самого начала строгие различия были определены по специализациям ювелиров. Например, не только золотых и серебряных дел мастера работали в разных мастерских, но и люди, производившие золотые гранулы и проволоку, часто использовавшуюся в ювелирном деле, а также те, кто позднее делал золотые перегородки, которые эмальщики заполняли разноцветной пастой, получали отдельные места для труда. Среди серебряных и золотых дел мастеров были такие, кто занимался только регалиями, знаками отличий и эмблемами постов, церемониальными сосудами и блюдами, требуемыми двором и церковью. Некоторые мастера по металлу специализировались по бронзе, другие по меди или свинцу. Величественные медные двери, сделанные для собора Святой Софии в 838 году, в свое время не были уникальными. И бронзовые, и серебряные двери можно было обнаружить в некоторых залах Большого дворца, но двери собора Святой Софии единственные дошли до нас, чтобы свидетельствовать о высоком мастерстве своих изготовителей. Помимо того, мастера по металлу и ювелиры снабжали двор, церковь и государство всеми церемониальными сосудами, которые им были нужны, драгоценностями, украшениями, столовой и кухонной посудой, а также раками, крестами и окладами для Евангелия, конской упряжью, как изысканной и украшенной камнями, так и просто практичной.

Помимо того мастера по металлу, где бы они ни жили - в столице, в провинциальном городе или в деревне, - изготавливали бесчисленные предметы повседневного обихода, особенно ножи и такие инструменты, как мотыга, топор и лопата. Для окон и балконов постоянно были нужны железные решетки, для укрепления дверей и сундуков - железные прутья. Засовы, ключи, замки и огромное количество гвоздей продавались очень хорошо, но более искусные ремесленники также изготавливали разные по размеру светильники из бронзовых или железных обручей. Они подвешивались к потолку в церквях, во дворцах и особняках. На обручах устанавливались масляные лампы с фитилями; с обручей свисали различные украшения: на церковных светильниках - паникадилах - это были кресты, рыбы и птицы.

Мастера по металлу также изготавливали цепи и якоря для растущего флота страны. Самые высококвалифицированные из них делали часовые механизмы, которые вошли в моду в IX веке. Считается, что спрос на них подогрели работы арабских математиков во времена императора Феофила, который имел страсть ко всему арабскому. (Следуя этой своей привязанности, он построил себе зал в персидском стиле, который украшали ниши на восточный манер.) В его правление ювелиры императорских мастерских создали сложные механические устройства, самым искусным из которых был императорский трон.

Чертежи этих механизмов, по крайней мере некоторые из них, делались в Византии, а не в арабском мире - например, начальник императорской мастерской по металлу, родственник патриарха Антония, придумал серебряное деревце, на ветвях которого сидели металлические птички. Это устройство переплавили на серебро, когда оно понадобилось Михаилу III (842-867). Трон датируется X столетием. Он стоял в тронном зале дворца Магнара и в 968 году потряс Лиутпранда, когда по сигналу львы, украшавшие основание

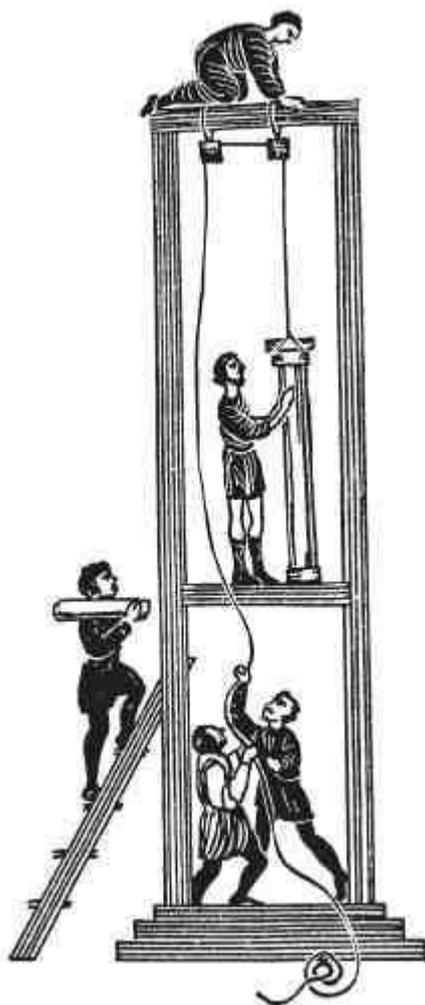
трона, начали рычать, птицы - петь, а прочие звери из металла встали на дыбы. Константин VII Багрянородный упоминает литых из золота петухов, коз и овец, из которых, имитируя фонтан, лилась розовая вода. Как мрамор и камень для скульпторов и строителей, большую часть металла для мастеров добывали каторжники в каменоломнях и шахтах (которые принадлежали государству).

Экономическое благополучие Византии напрямую определялось стабильностью и ценностью ее денег. Своей репутацией деньги Византии в основном были обязаны решению Константина I заменить довольно нетвердую серебряную монету страны на золотую, достоинство которой зависело от ее веса. В качестве стандарта он выбрал золотую монету, которую сначала называли латинским словом «солид», а позднее греческим - «номисма». А еще позднее, под влиянием итальянцев, она получила название «визант». Константин повелел, чтобы солид весил 1/72 фунта, то есть 4,48 грамма. Прежде всего крупные сделки рассчитывались либо на базисе в 100 номисм, либо по весу, но, когда вошло в привычку обрезать золотые монеты для частичного платежа по сделкам, монеты стали взвешивать, а не пересчитывать. Это привело к традиции обрезать золотые монеты, чтобы набрать нужную сумму, а не давать сдачу. Сначала Валентиниан I (371-392), а потом Феодосий II (408-450) запретили варварам, торгующим с Византией, рассчитываться за покупку медью, а также приказали использовать только солиды, чтобы платить за специи, которые они импортировали из Индии, и шелка из Китая. В 498 году Анастасий решил выпустить большую бронзовую монету с выдавленной буквой «М» стоимостью 40 нумий, то есть единиц, и монету поменьше с буквой «К», равной 20 единицам, кроме того - с буквой «I» для 10 единиц и «Е» для 5 единиц. Все эти монеты - золотые, серебряные и бронзовые - сохраняли свое достоинство и в пределах Византии, и за границей до VIII века, когда халифы династии Омейядов поставили солид под угрозу, захватив контроль над арабской торговлей. В результате византийцы поняли, что могут импортировать восточные товары только через Анатолию, в то время как арабы продавали их напрямую всему западному миру. Однако византийцам удалось нейтрализовать их, отправив свой флот для блокады Египта и Сирии, используя в качестве баз Мальту, Лампедузу, Сицилию и Тунис. Таким образом, угроза солиду со стороны Омейядов оказалась снята. До IX века монета сохраняла свое достоинство, а при Василии II (976-1025) оно опустилось до 18 карат; в обращении были и легкая, и тяжелая номисмы. В итоге ее стоимость за границей упала; при Константине IX Мономахе (1042-1055) она равнялась всего лишь 12 каратам. Алексей I (1081-1118) счел необходимым произвести переоценку. Он отчеканил несколько партий монет и сумел стабилизировать их стоимость, хотя и на низком уровне. Латиняне продолжали пользоваться номисмой во время оккупации Константинополя, и ее стабильность, таким образом, не была нарушена. Вернувшись в Константинополь, Михаил Палеолог испытывал такую нужду в средствах, особенно в золоте, что изъясил все золотые монеты из обращения и переплавил их. Сделал он это якобы для того, чтобы отчеканить новые монеты с изображением Богородицы, защищающей стены Константинополя, но в действительности - чтобы девальвировать их стоимость. Андроник II (1282-1328) привязал солид к grosso, и с как никогда упрочившимся положением итальянских купцов в Византии греческая монета утратила свое международное значение, уступив его итальянской. Но даже при этом немногие народы - и в древние времена, и сейчас - могут похвастаться валютой, которая сохраняла бы свое изначальное достоинство на протяжении почти тысячи лет.

Приблизительно до 490 года византийские монеты напоминали римские: на одной стороне изображался портрет правящего императора в типично римском стиле, а на другой - надпись на латыни. Немного позднее часть надписи уже писалась по-гречески, а остальное на латыни, а на реверсе выбивали символ определенного города, фигуру архангела Михаила или крест. Юстиниан стал первым, кто выразил свое глубоко религиозное мировоззрение, выбив на одной стороне своих золотых монет сцену распятия. К тому времени портреты на монетах приобрели типично греческие черты. Юстиниан II (685-695) чеканил на одной стороне своих монет изображение головы распятого Христа, что, возможно, бы-

ло сделано в память о спасении Ираклием (610-641) частицы Святого Креста, находившейся у персов. Изображения людей перестали появляться на монетах в период иконоборчества (723-843), только изредка на них выбивали крест до середины VIII века. После этого периода первым вернул религиозные сюжеты на монеты Василий I (867-886). Монеты, чеканившиеся в X веке, когда у власти была талантливая Македонская династия, с художественной точки зрения самые красивые. На реверсе у них чаще всего выбит титул императора. Уже через несколько лет надпись исчезает, а вместо нее появляется Христос или Богородица с одной стороны и портрет императора - с другой. Христос и император изображались иногда сидящими на троне, иногда стоящими, а Богородица - зачастую в сопровождении апостолов. Если правители царствовали совместно или император короновал своего соправителя, их портреты помещались рядом на одной стороне монеты. Во время правления династии Палеологов рисунки на монетах имели повествовательный характер и изображали либо коронацию, либо какой-то крупный город.

Почти с самого начала чеканка монет стала императорской монополией, соответственно золотые монеты, за редким исключением, чеканились в Константинополе. Однако во время латинской оккупации столицы Фессалоники, Никея и Трапезунд выпускали свои монеты. До VIII столетия серебряные монеты чеканились не только в Константинополе, но также в Риме, Карфагене, Фессалониках, Никомедии, Антиохии, Александрии, Херсонесе и на Сицилии, но Македонская династия положила этому конец.

Помимо императорских монополий, до VI века торговля с Востоком была самой прибыльной статьей дохода, поскольку имела дело с такими предметами роскоши, как специи, слоновая кость и драгоценные камни, а также с такими необходимыми товарами, как зерно и хлопок. Хотя специи были очень дорогими, все стремились использовать их, пото-

му что они помогали придать вкус еде, утратившей свежесть. Специи пользовались таким спросом, что совсем неудивительно, что в 408 году Аларих потребовал 3 тысячи фунтов перца в качестве части выкупа за снятие осады Константинополя. Индия снабжала Византию этими приправами, но не могла удовлетворить растущие потребности процветающего народа. Также Индия поставляла слоновую кость мастерам, которые вырезали из нее детали для шкатулок и окладов для книг, триптихи, диптихи, даже мебель и двери. К Индии относились с большим почитанием не только как к политически важному государству, но и как к источнику этих предметов. Один император даже обустроил в Большом дворце комнату в индийском стиле. Многие художники находили вдохновение в индийском искусстве. Один из прекраснейших образцов византийского серебра, дошедших до нас, - великолепное блюдо VI века, украшенное фигурой, олицетворяющей Индию.

Среди ремесленников Константинополя часто встречались персы и арабы. Хотя некоторые зарабатывали на жизнь знахарством, большинство из них были мастерами. Вполне вероятно, что именно они научили константинопольцев делать бумагу, переняв это умение у китайцев, однако особый сорт бумаги для императорских документов по-прежнему привозился из Багдада. Кроме того, без сомнения благодаря влиянию Востока, с конца XI-II века византийские архитекторы начали украшать глазурованными сосудами, изготовленными византийскими гончарами, фасады своих зданий, особенно церквей.

В строительстве было вовлечено немало людей и масса материалов. Мастера по камню, мрамору и кости также производили предметы роскоши: бусины, кресты и тому подобные украшения, а плотники и другие мастера по дереву делали многочисленные предметы домашнего обихода: миски, ложки и мебель. Они пользовались такими инструментами, как топоры, рубанки, буравы и пилы, с помощью которых удавалось достигать поразительных результатов. Множество людей занималось плетением нитяных сетей и корзин, но особенно важной отраслью было изготовление мыла и свечей. Свечи были нужны не только в домах, но также и для профессиональных нужд, а больше всего - в церквях, где их использовали для освещения, ставили перед иконами и на алтарях в знак благоговения. Тем не менее крупнейшими гильдиями в стране были гончары и кожевники. Как и шерстяная одежда рабочих классов, большая часть керамики производилась в деревнях, но многие гончары привозили свой товар на продажу на ярмарки, которые регулярно проводились в городах. В более поздние времена, видимо в результате восточного влияния, качество керамики значительно повысилось. Хотя до сих пор не было найдено ни одной печи для обжига, большинство гончарных изделий отличаются такой красотой, что не остается сомнений: они были произведены в крупных городах, таких как Константинополь и Фессалоники. Никомедия тоже была важным центром производства, а возможно, и Никея, которая позднее, будучи переименованной в Исник, стала основным центром турецкой гончарной промышленности. Особой чертой Византии являются облицовочные дощечки, похожие на плитку, которые служили иконами или украшением, закрывающим стыки или другие элементы зданий, или, может быть, обрамлением мозаик или фресок на стенах.

Керамику использовали для изготовления всевозможных предметов домашней утвари, начиная от сита или больших кувшинов для вина и масла и заканчивая чашками, тарелками, блюдами и мисками. Удалось обнаружить даже жаровню на перфорированных стойках, в которую ставилось что-то вроде нагревателя. Некоторые сосуды были изготовлены грубо, но встречаются и искусно сделанные и украшенные.

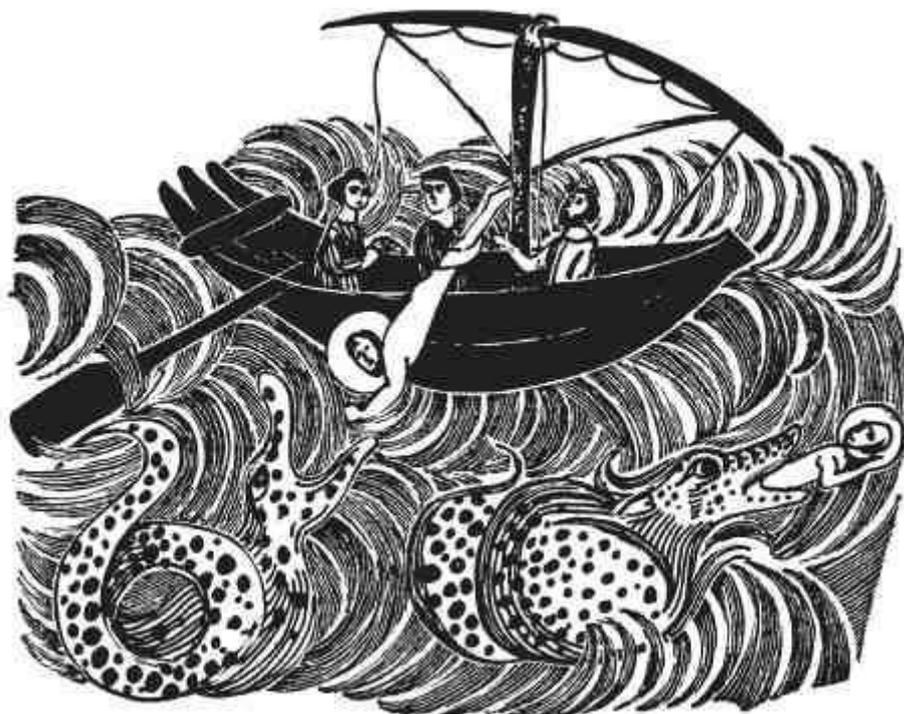
Поначалу большая часть импорта и экспорта Византии проходила через Александрию и Антиохию, но потрясающие географические преимущества Константинополя вскоре дали о себе знать. Захват старых портов арабами только помог подтвердить роль, которую столица взяла на себя в качестве города передового и с производственной, и с коммерческой точки зрения. С конца VII столетия вся торговля в Восточной Европе проходила через Константинополь. Столица служила и крупным транзитным портом, и терминалом. Все суда, используемые в торговле Европы и Востока, перевозившие и импорт и экспорт, должны были разгружаться в Константинополе, даже если проходили его транзитом, чтобы

пройти строгий таможенный досмотр. Все товары были обложены высокими пошлинами. Для поимки контрабандистов в столице и других основных портах, таких как Абидос, работали офицеры разведки. До VII века большая часть транзита находилась в руках сирийцев, но с захватом восточных провинций арабами она перешла к евреям. Они жили со своими семьями за основными городскими стенами. Основная часть осела во Влахернском районе, где их квартал был обнесен защитной стеной. Там евреи имели относительную политическую независимость и религиозную свободу. Они могли строить столько синагог, сколько желали. Некоторые из синагог отличались такой красотой архитектуры, что снижали восхищение прочих горожан. Однако евреям не суждено было долго наслаждаться благополучием. Их коммерция пострадала в X веке, когда арабы попытались прорвать блокаду, которой подвергли их византийцы. Первым шагом к этому краху стал захват Сицилии и Карфагена эмиром Кайруана в Северной Африке. Это повысило значимость проливов в Мессине для византийцев, поскольку они представляли собой единственный способ сообщения с Неаполем, Генуей и Пизой. Итальянские морские порты теперь вносили свою лепту в процветание Хаданской Сирии и Фатимидского Египта, каждый из которых затмил Багдад, вступив в торговлю с ними в обход Византии. В обмен на предметы роскоши Венеция без колебаний стала снабжать мусульман деревом для производства военных кораблей и снаряжения, несмотря на то что все это предполагалось использовать против их собратьев-христиан, пусть и православных. Византийцам пришлось закрыть глаза на эти неприятные им действия, чтобы поддерживать торговлю с Венецией. Когда арабы завладели проливами Мессины (которые будут удерживать до XI века), византийцы начали использовать порт Бари в Южной Италии и оставили за собой монополию на шелка, пурпурную краску и кость. Однако Италия быстро утверждалась в положении центра текстильной промышленности и вскоре сама стала экспортировать в Византию дешевые шелка, свободно ими торгуя и сбивая цены на гораздо более превосходящий по качеству византийский товар.

На срединном этапе византийской истории Фессалоники стали вторым после Константинополя городом и с коммерческой, и с промышленной точки зрения. Коринф, который вместе со Спартой лежал на пути следования итальянских судов, шедших из Венеции, Бари, Амальфи и с Сицилии в Грецию, также достиг процветания, а Трапезунд на юго-восточном берегу Черного моря завладел контролем над сухопутной торговлей с Востоком и экспортировал собственные шелка и серебряные предметы. На его ежегодную ярмарку собирались не только греческие купцы, но и мусульмане и армяне. Сухопутные путешествия не были чрезмерно трудными. Состояние дорог, хоть и не такое прекрасное, как во времена Римской империи, все же было сносным. Расходы на ремонт дорог покрывались пошлинами, которые платили все, кроме высокопоставленных чиновников. Торговый флот вносил весомый вклад в византийскую торговлю. Родосское морское право оговаривало условия найма не только рыбаков, но и команды для торговых судов, а также условия перевозки пассажиров. Жалованья на таких судах были крайне невысоки. В 709 году стюард получал две номисмы в месяц. Пространство на судне делилось поровну между пассажирами и командой, хотя мужчине полагалось в три раза больше места, чем женщине. Из соображений безопасности пассажирам было запрещено жарить рыбу и колоть дрова на борту, однако каждому полагалась дневная порция воды, а также разрешалось покупать еду у судового кока. Капитан имел право высадить пассажира или выбросить за борт его багаж, если он считал это необходимым, чтобы не попасть в руки к пиратам или избежать внезапного столкновения со штормом или другим бедствием. Существовавшая система страхования компенсировала потери тех, с кем случилось нечто подобное. Пираты-арабы представляли постоянную угрозу судоходству, хотя система конвоев помогала несколько сдерживать их. Судно, потерпевшее крушение у берега, могло быть ограблено не только пиратами, но и собственными соотечественниками. Нищенствующие крестьяне бросались на него, как саранча, мгновенно обчищая до обшивки. Суда не всегда принадлежали купцам, как это было в средневековой Европе. Многими владели моряки торгового флота, ко-

торые укомплектовывали их командой. В IX и X веках у византийцев было немало прекрасных судов, оснащенных изобретениями, неизвестными в других торговых флотах. К самым важным из них относились квадратная корма и оснастка, известная как «латинский парус». Однако к концу этого периода большая часть товаров перевозилась на иностранных судах. Каждая страна начала транспортировать собственные товары. Итальянцы получили собственные пристани в Константинополе, что позволило им закрепиться в столице. Венецианским галерам обычно требовалось 24 дня, чтобы доплыть мимо Корфу и Патраса до Константинополя. Начиная с VIII столетия многие купцы стали сопровождать свои грузы, чтобы иметь возможность лично закупить у византийцев такие важные товары, как хлеб, вино и мясо. Но им не разрешалось приобретать рыбу, которая считалась основным продуктом нищеты. В X и XI веках Англия, торгуя с Византией, использовала итальянских купцов для перевозки товаров, по крайней мере в пределах континентальной Западной Европы.

Торговля с Русью достигла крупных масштабов в X веке. Русские купцы прибывали в Константинополь либо через Закавказье и какой-нибудь восточный порт Черного моря, либо, что было чаще, через Херсонес, по Днепру и через Черное море к византийской столице. Они везли рыбу, изделия из кожи, мед, воск и икру из Азовского моря, покупали лошадей, перец, шелк (некоторую часть которого они перепродавали на экспорт), вино, предметы из тонкого стекла и металла, а после крещения страны в 988 году еще и церковную утварь. Хотя передвижение и количество всех иностранных купцов, въезжающих в столицу Византии, четко контролировалось квестером, особенно строгие правила распространялись на русских, возможно, из-за того, что приблизительно с 860 года они совершали крупные нападения на Константинополь. По крайней мере, два из них привели русских прямо к стенам столицы. Именно благодаря военным победам киевляне смогли получить у византийцев в 907 году торговую концессию на необычайно благоприятных условиях.

Этот договор освобождал их от уплаты и въездных, и выездных сборов - этой привилегии они лишились в 944 году - и давал право получать бесплатно хлеб, вино, мясо, рыбу и овощи во время пребывания в Константинополе. Более того, им выделялась специальная баня. Перед убытием им предоставляли все необходимые паруса, веревки и якоря. Тем не менее русские купцы, как и все иностранцы, были обязаны сообщать о своем приезде в столицу «префекту закона». Им разрешалось пребывать в Константинополе не более трех

месяцев в году. Товары, не реализованные за этот период, можно было передать префекту, чтобы тот продал их, а вырученные деньги вернул им через год, когда они снова приедут. Помимо этого, русским запрещалось жить в пределах городских стен Константинополя; им отводился особый квартал в районе Магноры. В город они могли входить лишь через одни ворота в сопровождении чиновника-грека, не имели права носить при себе оружие. Если они приезжали группой, она не должна была превышать 50 человек. Подобные ограничения не распространялись на других. В XI веке около 60 тысяч иностранцев, преимущественно итальянских купцов, проживали в столице. Мусульмане из их числа могли свободно проводить религиозные обряды в своих мечетях. Но самые выгодные условия были предоставлены итальянцам, особенно генуэзцам. Именно они помогли императору вернуться в Константинополь и взойти на престол, за что в 1261 году получили в благодарность район Галата для проживания, а также, что еще ценнее, право проходить Босфор и Дарданеллы когда угодно. Эта уступка приведет византийскую экономику к краху через несколько столетий.

Глава 7 Жизнь в городе

Все византийские города, исключая Константинополь, были основаны в древности. Они разрастались постепенно и бессистемно, с годами приобретая собственные, ни на кого не похожие черты. Так, в византийские времена Александрия стала, по существу, промышленным и коммерческим городом, где «рабочий класс» постоянно находился на грани восстания. Антиохия, в двух часах езды от которой располагался летний курорт Дафна, отличалась тихим нравом. Ее прекрасные каменные дома украшали изысканные мозаичные полы, говорившие о стабильности и богатстве ее любившего театр среднего класса, большую часть которого составляли процветающие торговцы. Старые города, как вышеперечисленные, отличались многонациональностью, однако византийское правительство с самого начала позаботилось о том, чтобы они стали оплотом православия. Такой ход, очевидно, помог греческому населению, которое оставалось в меньшинстве, навязать этим древним городам свой язык и культуру. Это произошло на начальном этапе византийской истории, в то самое время, когда Египет и Сирия вносили немалый вклад в культуру и экономику Византии. Малая Азия играла важную роль не только из-за поставок продовольствия и полезных ископаемых, но также благодаря своему культурному наследию, берущему начало во времена фригийцев и хеттов. Ее влияние ощущалось в кругах интеллектуалов Константинополя, однако этот эффект был до некоторой степени нейтрализован возрастающей мощью славян, живших у северных и западных границ Византии. Тем не менее славянское влияние вряд ли можно назвать более существенным, чем влияние Малой Азии, поскольку появление с X века и далее на восточной границе Византии турок-сельджуков и их постепенное завоевание Анатолии, совпавшее по времени с продвижением сарацин Саладина, заставило византийцев снова повернуть взоры на Восток. И одновременно это способствовало росту городов за счет деревни. Походы монголов в начале XI-II века приковали всеобщее внимание к Востоку, несмотря на латинскую оккупацию и увеличивающуюся значимость итальянских торговых городов. Из-за этих политических изменений Константинополь стал еще более многонациональным, чем любой старый византийский город. В нем проживало больше представителей других народов, чем в каком-либо другом населенном пункте страны.

Будучи недавно основанным, Константинополь с самого начала строился по новым канонам. Здесь использовались и принципы, разработанные в Риме, но преобладали черты восточных городов, например Пальмиры. По этой причине, а не только из-за его столичного положения, описание Константинополя дает нам более ясное представление о взглядах византийцев на градостроительство, чем план любого другого знаменитого города Европы. Поэтому весьма огорчительно, что большая часть древнего Константинополя лежит

на глубине около 7 метров под улицами современного Стамбула. Путешественники и паломники в Святую землю оставили нам яркие отзывы о красоте и величии города, но все это выражено так обобщенно, что почти не может помочь археологам, пытающимся реконструировать изначальный генеральный план города. После Первой мировой войны в Константинополе начались раскопки. Там были обнаружены весьма ценные факты, однако работы велись на незначительном открытом пространстве около ипподрома и Большого дворца. Основные же здания, упоминаемые в древних записях, все еще ждут своего часа. Сегодня возможно составить лишь общее представление о том, как выглядела эта когда-то всемирно известная столица.

В пределах городских стен Константинополь стоял на семи холмах. Сходство с Римом усиливалось также и планировкой города, хотя расположение улиц и соответствовало треугольной форме полуострова, однако следовало, насколько позволяла земля, прямолинейному устройству старого Рима; прежде всего, как и в Остии рядом с Римом, дома богатых имели, как правило, два этажа, но имена владельцев уже были высечены на стенах, выходящих на улицу. Многие входные двери делались из железа, скрепленного большими гвоздями. Однако уличную сторону таких домов трудно назвать фасадом, потому что, в отличие от особняков Остии, поначалу ее оставляли глухой. Все окна размещались на противоположной стене, где они выходили на прилегающий двор. Конюшни, сараи для скота и птицы, кладовые располагались во дворе, который обычно был достаточно просторен. В нем выезжали лошадей, здесь же - что особенно важно - находился резервуар, или колодец, который снабжал весь дом водой. Однако в V веке в Константинополе начали появляться более высокие строения. Хотя нижняя часть стен, выходящих на улицу, оставалась глухой, вошло в традицию располагать ряд окон на верхних этажах. Они были прямоугольными или с закругленным верхом. В отштукатуренные рамы вставлялись маленькие кусочки стекла. Каждый такой кусочек имел восьми или четырехугольную форму. Изготавливались они из стеклянного листа, который сначала отбивали, чтобы он стал ровным, а потом резали на части по 20-30 сантиметров в длину, а в самых роскошных особняках - по 60. Вполне вероятно, что на окнах нижнего этажа ставились железные решетки, а некоторые из них внизу выдавались вперед, образуя подобие приоконного сиденья, которое получит распространение в Османской Турции. На верхних этажах делали балконы. Они стали столь популярны и многочисленны, что император Зенон (474-491), взойдя на трон, издал указ, по которому ширина улицы должна была составлять не менее 3,5 метра, а балконы должны были находиться на высоте не менее 4,5 метра от земли и на расстоянии 3 метров от стены дома напротив. Строгие правила также гарантировали, что никакой дом не закрывает соседям свет или вид на море, что в каждом имеются водосточные трубы и канализация. Хотя дворцы преимущественно возводились из мрамора на каменном основании, дома строили из кирпича. Немногочисленные строения из камня покрывались штукатуркой. У большинства богатых домов крыша была плоской, в летние месяцы ее использовали как террасу. Прочие крыши были скатными, покрывались плитками и венчались крестом.

Обычно дома планировались вокруг центрального зала. В таком зале хозяин дома устраивал приемы. Каменные или деревянные колонны, ставившиеся в залах как поддержка для верхних этажей, где находились личные покои членов семьи, служили также украшениями. Лестницы, в основном деревянные, хотя в особняках процветающих семей встречались и каменные, а у самых богатых даже мраморные, вели в основные комнаты на первом этаже. Окна в них открывались на галереи, выходящие во двор. В подобных домах обычно насчитывалось более одной гостиной. Как и в большинстве других, стены здесь штукатурились, часто украшались крестами и выдержками из религиозных текстов, но, по крайней мере в поздний период, также были распространены фрески на нецерковные сюжеты. Гостиные чаще использовались хозяином дома, чем женщинами. Женщины проводили большую часть времени с детьми и служанками в комнатах верхнего этажа. Как и в монастырях, в таких домах предусматривалась теплая комната, в которую переселялись на

время зимних холодов, типичных для климата Константинополя. Во многих богатых домах устраивали центральное отопление, работавшее на системе гипокауст {10}, перенятой у римлян, но большинство людей полагались на угольные печи. В кухне располагался низкий очаг с квадратными трубами, образующими над ним дымоход, по которому выходил дым от горящего дерева, которое часто использовали вместо угля. Во всех домах оборудовались туалеты, стоки из которых выбрасывались в море. Каждая семья имела отдельную баню, как правило располагавшуюся в саду. Обеспеченные люди строили на своем участке личные часовни или хотя бы место для молитвы. В отличие от них бедняки ютились в жалких жилищах. Лишь некоторым выпадало счастье жить в крошечных домишках с крышами из тростника и земляными полами. Однако начиная с V века начали строить многоквартирные дома, насчитывавшие от пяти до девяти этажей, для сдачи в наем. Их делили на небольшие квартиры, которые арендовали представители рабочего класса, влчившие в них нищенское существование, а сами дома превращались в трущобы. Лачуги в ужасающем состоянии встречались повсюду; многие вырастали буквально за одну ночь, чтобы дать приют незаконным поселенцам. Однако, возведя крышу над головой, они могли оставаться на этом месте как постоянно проживающие. Одни из самых страшных трущоб возникли поблизости от Большого дворца. В этих убогих районах убийства и грабежи были привычным делом. Восстания, часто отравлявшие жизнь столицы, начинались именно там.

Властям никогда не удавалось решить проблемы трущоб, которые были обязаны своим существованием магнетическому притяжению Константинополя, привлекающему к себе людей из всех районов империи. К V веку Константинополь насчитывал 323 улицы, состоявшие из 4383 домов, 20 государственных пекарен, работавших только на тех, кто получал бесплатный хлеб, и еще 120 коммерческих пекарен. Население, по всей видимости, составляло приблизительно 500 тысяч человек. К IX веку число жителей достигло миллиона, но во время латинской оккупации резко уменьшилось и больше уже не поднималось до прежнего уровня.

Задумывая строительство столицы, основатель Константинополя представлял себе гораздо более маленький город: он проектировал его с прямыми углами и поделил на две равные части главной улицей, Месой. Меса достигла 3 километров длины. Она вела от главных городских ворот в юго-западном углу городских стен к собору Святой Софии. Повторяя линию берега, хоть и в отдалении от него, она проходит через такие заметные ориентиры, как форум Феодосия (открыт британскими археологами в 1928 году), форум Тавра, а также форумы, названные в честь Аркадия, Анастасия и Константина. Последний украшала порфирная колонна со статуей императора на вершине. В наши дни статуя утрачена, а сама колонна все так же стоит на прежнем месте; хотя сам столб изрядно поврежден, основание было восстановлено. Турки называют ее Сожженная колонна. К востоку от форума Константина Меса проходит мимо ипподрома и заканчивается у основного входа в собор Святой Софии - главной церкви всего православного мира. Пространство около собора задумывалось Константином как центральная площадь города. Он назвал ее Августеон в честь своей матери Августы Елены, окружил колоннами и установил в середине статую Елены. Миллий - колонна, указывающая на начало Месы и на которой, как на подобной колонне в Риме, были начертаны расстояния до различных районов империи, - стоял рядом с Августеоном, на одной линии с главным входом в Большой дворец, располагавшимся далее к востоку. Дома вдоль Месы отличались низкими пассажами, в которых на уровне улицы находились магазины. Некоторые пассажи украшали статуи. Как и в других частях города, магазины здесь группировались по видам товаров, которые продавали. Входные двери, как правило, открывались в общий зал, в котором стояли столы с выложенными товарами.

Из всех многочисленных ворот Константинополя ворота, от которых начиналась Меса, считались самыми важными, потому что именно через них императоры выезжали, направляясь в Европу сражаться против беспокойных славян или осматривать западные границы.

Также через них они входили в столицу, возвращаясь с триумфом или следуя на коронацию. Именно там, за редким исключением, их встречали или провожали их сыновья, высшие сановники империи и все сенаторы.

Еще во времена царства Феодосия эти ворота стали ассоциироваться у простого народа с церемониальными шествиями. Они представляли собой впечатляющее изваяние из белого мрамора с большими створками из полированной латуни, которая сияла так, что ворота прозвали Золотыми. В наши дни обветшалое и лишенное сияющих дверей, это строение из тусклого мрамора на первый взгляд не соответствует своему звучному названию, но когда разочарование проходит, красота строгих линий ворот и гармония их идеальных пропорций заставляют смотрящего преисполниться восхищения.

Ипподром служил центром жизни горожан и играл для них такую роль, на которую ни дворец на востоке, ни собор Святой Софии на севере не могли претендовать. Вход на ипподром осуществлялся при предъявлении специального знака, но бесплатно. Ряды мраморных сидений были открыты для всего мужского населения независимо от класса и профессии. Первый ипподром в городе был построен при Септимию Севере, но Константин I его переделал. В Византии ипподром стал совмещать театральные функции римского цирка, Колизея, с функциями трека для колесниц. Более того, как агора в Афинах и форум в Риме, он использовался для проведения религиозных процессий, например очень важного шествия в Вербное воскресенье, для государственных церемоний и политических собраний. Политические воззрения также выражались через спортивные соревнования. Несколько раз на ипподроме публично истязали заключенных.

Сама арена изначально задумывалась для гонок на колесницах; дорожка была достаточно широка, на ней могли стоять четыре колесницы в ряд. В каждую запрягалось четыре лошади, поэтому они назывались квадригами. Ипподром вмещал 40 тысяч зрителей. Он строился по образу Колизея в Риме, но проводимые там игры никогда не отличались такой жестокостью, как там. Ряд монументов в центре арены представлял собой спину {11}, указывающую на разделение между нижней и верхней дорожками. Среди этих монументов была и знаменитая Змеиная колонна, привезенная из Дельф, с названиями государств, участвовавших в битве при Платее, и египетский обелиск, который Феодосий I поставил на скульптурное основание. Обе реликвии сохранились до наших дней на изначальных местах, несмотря на то что беговая дорожка лежит под трехметровой толщей земли, на которой разбит парк. Основание обелиска со всех четырех сторон украшали скульптуры. Одна из сцен представляла Феодосия в окружении придворных в ложе ипподрома, очевидно наблюдающего за бегами. Возничие ездили вокруг спины приблизительно так же, как дети, изображенные на мозаичном полу Большого дворца, катят ободы вокруг двух строений, похожих на башни. Чтобы понять, как выглядела движущаяся квадрига, с грохотом проносящаяся по дорожке, можно обратиться к роскошным тканям, на которых византийские ткачи представили их, искусно показав все напряжение гонки. Несмотря на ширину дорожки (около 60 метров при длине 480 метров), требовалось мастерство, чтобы управлять колесницей на большой скорости. Волнение зрителей часто достигало апогея, и они, наверное, напоминали толпу испанцев, наблюдающих за корридой в наши дни.

Каждой гонке предшествовали два дня тщательной подготовки. Сначала следовало получить формальное разрешение императора, что занимало большую часть дня. На следующий день у входа на ипподром вешалось объявление о предстоящем соревновании. После этого фракции собирались у Дворцовых ворот ипподрома, чтобы приветствовать императора и пожелать самим себе победы в состязании, которое намечалось на следующий день. Потом они отправлялись проверить лошадей в конюшне на территории дворцового комплекса, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. Многие императоры, особенно Константин VIII (1025-1028), проявляли живейший интерес к лошадям, участвующим в гонках. Некоторые даже заказывали их бронзовые изваяния ведущим скульпторам своего времени, хотя прочие предпочитали бюсты любимых возничих. К сожалению, ни одна из этих скульптур не сохранилась до нашего времени.

В день скачек на рассвете огромная толпа собиралась у ворот ипподрома. Тем временем император в официальном одеянии, с регалиями и с зажженной свечой, которой пользовался тем утром, молясь в личной часовне, шел в аудиенц-зал, примыкавший к его ложе на ипподроме, где его приветствовали высшие сановники города. Пока он беседовал с ними, его старший конюший проводил последнюю проверку перед стартом, то есть смотрел, чтобы возничие, лидеры фракций, члены фракций, принимающие участие в церемонии, и зрители были на своих местах. Императору сообщали, что игры можно начинать; затем следовал сигнал, и двери императорской ложи медленно распаивались. Император вступал на трибуну и становился на трон, приготовленный для него в ложе. Стоя на ступеньке трона, он поднимал полу своей мантии, чтобы благословить собравшихся троекратным крестным знаменем: сначала лицом к центральному сектору зрителей, потом к правому и, наконец, к левому. Потом император бросал белый носовой платок в знак того, что игры начаты. Дверцы стойл открывались, и первые четыре кодесницы, которые выбирали по жеребьевке, выходили на дорожку. Им предстояло бежать в первом из восьми забегов. Каждый из соревнующихся должен был проделать восемь кругов. На возвышении на виду у зрителей клали семь страусовых яиц. По окончании очередного круга одно яйцо убирали. Префект, одетый в тогу, вручал победителю каждого забега корону или пальмовую ветвь.

Возничих подбадривали и шумно приветствовали их болельщики. Константин VIII даже повелел изобразить портреты тех, кем он особенно восхищался, на мозаике. Возничих выбирали из старших чинов рабочего класса. Но, как в Англии XIX века, где боксеры до такой степени почитались, что молодые дворяне устремлялись на ринг, так и в Византии X века высокородные юноши, даже некоторые императоры, состязались на ипподроме. Константин VIII не только наблюдал за соревнованиями, но и принимал в них участие на равных с остальными. Возничие надевали короткие туники без рукавов, удерживаемые перекрещенными кожаными ремнями, и кожаные гетры на лодыжки. С XI века императрицам не запрещалось посещать скачки, но они должны были наблюдать за ними с крыши одной из дворцовых церквей, церкви Святого Стефана, а не из императорской ложи. Латинская оккупация положила конец играм, и после 1204 года они уже не проводились, хотя и оставались популярными в других городах.

Перерывы между всеми восемью забегами дня заполнялись выступлениями мимов, акробатов, актеров и танцоров, причем у каждого был свой отдельный номер. На государственных мероприятиях на ипподроме вместо гонок проводились похожие театральные представления и командные игры. В XI веке Константин VIII, Михаил V и Константин IX обожали эти увеселения, хотя Константин IX терпеть не мог органную музыку так же сильно, как любил флейту. Актеры-индивидуалы почитались как звезды: фокусник Филарий получал столь богатые подарки от поклонников, что закончил свои дни довольно состоятельным человеком. Большинство танцев исполнялось детьми, но акробатические номера, пантомимы, песни, клоунада и юмористические сценки пользовались у публики большим успехом, чем танцы и даже трагедии. Некоторые постановки, вероятно, сопровождалась пением, предвосхищая оперные спектакли Западной Европы, которые появились гораздо позже. Разнообразие доступных развлечений превосходило все, что существовало в ту пору в Европе. Позднее к ним присоединилось и еще одно, которое можно описать как кабаре. Иностранцы, посещавшие город, приходили в изумление и восторг от таких представлений. Некоторые сохранившиеся иллюстрации в книгах и пластины с перегородчатой эмалью дают нам представление о том, как выглядели взрослые танцовщицы. Самые красивые из этих пластин украшали корону Константина IX Мономаха (1042-1055). Сейчас она хранится в Будапеште. На некоторых пластинах изображены девушки, танцующие в восточном стиле, покачиваясь и держа платок над головой. Еще больший интерес представляет изображение танца Мириам на знаменитой Хлюдовской рукописи. Обе группы иллюстраций показывают, что византийцы предпочитали восточные танцы. Плавные изящные движения девушек напоминали искусство Сирии, Персии и Индии, а не Греции или Южной Европы. С самого начала церковь так яростно не одобряла театраль-

ные представления, что даже пыталась отменить их. Но ей это не удалось, и тогда она сосредоточила усилия на попытке запретить их по субботам и воскресеньям.

Производственные и религиозные объединения в большинстве своем сосредотачивались в предместьях Константинополя, но даже там главные улицы имели в ширину не менее 5 метров и мостились камнем. Центральную территорию в основном занимали площади, где организовывались рынки и люди собирались, чтобы узнать новости и обсудить животрепещущие вопросы. По словам Анны Комниной, один высокопоставленный офицер, сумевший сбежать от турок и вернуться в Константинополь, сразу устремился на форум Константина, чтобы рассказать пришедшим туда людям о битве, в которой его взяли в плен. Во времена Юстиниана Августеон был самым популярным местом для собраний в столице, возможно, из-за того, что городские книжные лавки находились поблизости, а у входа в собор Святой Софии сидели писцы. В конце VI века здесь появился и большой продуктовый рынок. Драгоценные камни и металлы продавались в агоре - так назывался рынок между Большим дворцом и форумом Константина, - также там можно было найти мастеров по металлу, ювелиров и ростовщиков.

Хотя в Константинополе насчитывалось великое множество магазинов, уличных торговцев было мало. Они продавали такие дорогостоящие товары, как вышивку золотой нитью, или такие предметы ежедневного обихода, как обувь и ткани. Их ряды пополняли странствующие астрологи, колдуны и предсказатели. Улицы заполняли повозки, иногда на цельных золотых колесах, однако без рессор. Самые дорогие были зачастую расписаны и позолочены, попоны мулов, впряженных в них, шились из позолоченной кожи. Дам, независимо от того, ехали они в повозках или их несли в паланкине, сопровождали евнухи, шедшие рядом и расчищавшие дорогу через толпу. Дворяне обычно ездили верхом на белых лошадях, очевидно чистокровных арабских скакунах, и использовали седла, вышитые золотой нитью. В городе их сопровождали слуги с палками в руках, которые шли впереди и освобождали путь своему хозяину.

В городе было много общественных парков, где мужчины могли найти покой и отдохнуть от шума и суматохи переполненных улиц. Страсть византийцев к паркам отражена в изобилии цветочных мотивов в их искусстве. Также очень трогательный факт открылся во время раскопок Большого дворца: когда археологи очистили мозаику, оказалось, что пустое пространство в центре пола было засыпано плодородной землей, которую принесли туда, по всей вероятности, чтобы организовать небольшой сад. Любовь Феофила к растениям, возможно, возникла под влиянием Востока. Он разбил прекрасный парк рядом с площадкой для игры в поло, между склоном и павильоном «Циканистерион», то есть «дворец поло».

В XI столетии Константин IX приказал выкопать пруд посреди фруктового сада. Он находился ниже уровня земли, и его невозможно было увидеть издали. В результате ни о чем не подозревающие ворюжки, задумавшие украсть плоды из сада, неизбежно падали в пруд и были вынуждены плыть к берегу. Вода в пруд подавалась через каналы. Также Константин выстроил рядом с прудом очаровательный домик для отдыха. Во время посещения сада он любил посидеть в нем. Еще ему пришло в голову превратить поле в сад. По его приказу там были высажены огромные фруктовые деревья, а земля была покрыта дерном. К сожалению, до нас не дошло ни одного изображения этих парков. Травники того времени перечисляют и описывают множество отдельных растений, но все они преимущественно лекарственные или съедобные, крайне мало внимания уделено чисто декоративным цветам.

По крайней мере до правления Льва VI (886-912) хоронить в пределах городских стен разрешалось лишь императоров и их родственников. Только они имели право покоиться в порфирных саркофагах, стоящих в мавзолеях или в церковных усыпальницах. Последняя традиция возникла позднее, когда императоров стали хоронить в их любимых храмах. Андроник I, например, обрел вечный покой в церкви Святой Марии Панахрантус (мечеть Фенари-Иса). После латинской оккупации Константинополя восстановленные в правах императоры не могли уже позволить себе строительство церквей или даже часовен, чтобы те служили мавзолеями, однако среди их придворных находились такие, кто мог это делать. В начале XIV века великий логофет Феодор Метохит потратил значительную часть своего состояния, чтобы возвести рядом с Влахернским дворцом церковь Христа Спасителя, посвященную Спасительной жертве Христа, то есть сердцу всего сущего. Она должна была служить ему мавзолеем и примыкала к монастырю. В наши дни эта церковь является од-

ной из самых красивых достопримечательностей Стамбула и называется Карие Камии. Метохит украсил низ ее стен испещренными прожилками мраморными панелями, а верхнюю часть - настенной мозаикой и росписями, вошедшими в сокровищницу поздневизантийского искусства. Завершив строительство церкви, Метохит впал в немилость и закончил свои дни монахом в монастыре, возведенном на его же пожертвования. Хотя к тому времени привычным стали захоронения в могилах, в ранневизантийский период богатых людей, как и их предшественников классического периода, хоронили в саркофагах. Их обычно делали из мрамора и украшали скульптурами, изготовленными лучшими ваятелями того времени. Простым людям надлежало покоиться на кладбищах за пределами городских стен, однако погосты стали появляться при многих городских церквях. В обоих случаях над могилой ставилась надгробная плита с простой надписью: имя усопшего, род его занятий и добрые пожелания родственников. Иногда изображался портрет. После смерти человека, как и в языческие времена, вызывались плакальщицы. Траурная одежда императора была белой, у всех прочих - черной. Это относилось даже к императрицам. Анна Комнина упоминает, что после смерти ее отца императрица сняла с нее императорские покрывала, отрезала ей волосы и заменила пурпурные одежды и обувь на черные. На третий, девятый и сороковой день после смерти (эти интервалы определили вавилонские астрологи, основавшие свои расчеты на лунном цикле) семья собиралась у могилы, чтобы справить панихиду. Метафоры, придуманные друзьями в память о покойном, не высекались на плите, а произносились вслух, записывались и передавались по кругу, чтобы все прочитали их над могилой. Большая их часть изобиловала мифологическими аллюзиями и зачастую основывалась на мифологических сюжетах.

Попытки ограничить захоронения в черте города возникали не только из-за нехватки места, но, вероятно, также из соображений гигиены. Нам известно, что эпидемии и проказа не были редкостью. Прочие заболевания на тот момент уже точно диагностировались. Несколько императоров страдали от артрита, подагры, водянки, сердечной недостаточности и чахотки, а Михаил IV - от эпилепсии. Для борьбы с этими болезнями, а также, возможно, с другими, о которых не говорится в дошедших до нас записях, у византийцев была эффективная и хорошо организованная система здравоохранения. В каждом городе работало столько врачей, сколько считалось необходимым для его населения. Строились больницы, дома призрения и приюты для сирот. Их возглавляли обученные специалисты, которые держали ответ перед особым епархом, а самый крупный детский приют Константинополя, основанный императором, управлялся «орфанотрофием» - священником, подотчетным только императору.

Византийцы прекрасно понимали, что, кроме физического лечения, существует еще и психологическое, и предоставляли соответствующую помощь, о которой в западном мире не подозревали еще сотни лет и которую не признают даже в наши дни в некоторых странах с высоким уровнем жизни. Среди благоприятных психологических условий значилось право каждого частного домовладельца, по крайней мере в Константинополе, иметь вид на море или на местный исторический памятник. Однако, если кто-то заявлял, что ему отказали в виде на такой монумент, как, например, статуя Аполлона, ему надлежало доказать, что он достаточно образован и способен понять ценность статуи; тогда вид ему возвращали. Византийская забота о больших запасах воды основывалась не только на физических нуждах или соображениях удобства, поскольку достаточные резервы были необходимы для растущего населения на случай долгой осады. Начиная с VIII века угроза безопасности Константинополя настолько возросла, что жителям велели хранить в кладовых запас еды на три года. Таким образом, основной обязанностью государственных инженеров было обеспечение всех городов щедрым водоснабжением. В Константинополе сначала этого добились с помощью системы акведуков, один из которых, построенный Валентом (364-378), до сих пор находится в центре старого Стамбула. Водоснабжение осуществлялось через систему водопроводных сооружений, начинавшихся далеко за пределами города, несших воду из родников Белградского леса на север Золотого Рога и в город. Од-

нако вскоре византийцы поняли, что такой источник воды может быть легко перекрыт дерзкими врагами, поэтому они придумали другую систему, потрясающую с архитектурной точки зрения и очень практичную. Они начали строить огромные резервуары, в которых можно было безопасно хранить огромное количество воды в течение долгих периодов времени. Их возводили на различных важных точках. Более 30 таких резервуаров уже изучено. Самые крупные и красивые находятся около собора Святой Софии, недалеко от главного входа в Большой дворец. Два являются настоящими шедеврами архитектуры и сравнимы по величине и идеальным пропорциям с большой церковью со множеством колонн. Они так велики, что в них можно плавать на лодке, а их куполообразные потолки поддерживаются лесом колонн. Не случайно турки назвали один из них, самый впечатляющий, «Резервуар 1001 колонны».

Обожая воду, византийцы, как и римляне, любили принимать ванны. Хотя церковь полагала, что три приема ванны в день - это слишком много, два приема считались обычным делом.

Тем не менее в VIII веке клирики, мывшиеся дважды в день, были подвергнуты суровому осуждению со стороны начальства. Только очень богатые люди могли себе позволить выстроить личную баню. Баня, в которой умер Роман III (1028-1034) - его, скорее всего, убили, - стояла рядом с дворцом, в котором он жил. У него был следующий обычай: войдя в баню, он мыл голову, затем все тело, а потом плавал. Это указывает на то, что византийские бани не слишком отличались от римских. Построив церковь, посвященную двум целителям, святым Косме и Дамиану, Михаил IV (1034-1041) возвел в дополнение и баню с фонтанами. Очевидно, его поступок вдохновил других императоров. Ни в одном городе не

ощущалось нехватки общественных бань, поскольку дворяне следовали примеру императоров, часто строя подобные заведения в беднейших кварталах. Как и в Риме, в Византии общественные бани были впечатляюще красивыми зданиями. Их фасады богато украшались, а интерьер потрясал роскошью. Во времена Юстиниана, а возможно, и раньше, индивидуальные кабинки и уборные стали считаться необходимыми. В банях обычно находился круглый бассейн, воду для которого подогревали в бронзовом котле и подавали по трубам, заканчивающимся красивым стоком. Бассейны с холодной и горячей водой, а также парная располагались в одном здании. Заведение было открыто для мужчин целый день, а вечерами его посещали и женщины.

Помимо крупных религиозных празднеств и шествий, мероприятий на ипподроме и встреч с друзьями на площадях, в парках и банях, организованные представления проходили нечасто. В значительной степени они были ограничены до определенного количества торжеств, привязанных к временам года и имеющих полуцерковный, полугосударственный характер. Бедняки ждали их с нетерпением. Ежегодный крестный ход с почитаемой иконой через весь город всегда собирал большую толпу. Ежегодное паломничество в монастыри или к святыням было настоящим праздником. Паломничество в Святую землю становилось исключительным духовным подвигом и проверкой физической выносливости, но многие люди, и византийцы, и иностранцы, находили в себе силы совершить его. Города, стоявшие на пути паломников, такие как Эфес, процветали. Многочисленные постоялые дворы предлагали путникам вино и еду, однако по воскресеньям и праздникам им не разрешалось открываться раньше восьми утра и надлежало погасить огни и закрыть двери в восемь вечера.

Увеселения, связанные с языческими праздниками, были более легкомысленными по существу и так нравились людям, что, даже когда студентам университетов запретили принимать в них участие, большая часть продолжала считаться праздниками, по крайней мере до VIII века, а некоторые и дольше. Позднее к ним стали относиться приблизительно так же, как относятся к Хеллоуину в современной Шотландии. Так, например, на празднике Бромелии в честь Диониса люди в масках шествовали по городу. В новолуние на улицах зажигали костры, как это делают и по сей день в отдаленных деревушках Сицилии в день Успения Богородицы, и молодые люди прыгали через огонь. Помимо того, проводились еще местные сезонные ярмарки, на которых мудрецы, астрологи и целители, несмотря на яростные нападки церкви, собирали вокруг себя огромные толпы и делали неплохие

деньги на продаже талисманов, амулетов и снадобий. Часто случались непредвиденные представления. Неожиданно приезжали иноземцы в необычных нарядах или на улицах города появлялись заморские звери, например слоны в сопровождении погонщиков, верблюды, управляемые слугами-неграми, или жирафы. Менее добросердечным и невинным зрелищем являлся проход приговоренных преступников, которых вели к месту казни или пытки. Они сидели задом наперед на мулах со связанными за спиной руками. Если приговор выносился прилюдно, собиралась большая толпа зевак.

Но даже подобные события были редкостью. Жизнь в Византии крутилась вокруг семьи, которая, в свою очередь, практически полностью согласовывала свое существование с семейными религиозными церемониями: крещениями, обручениями, венчаниями, отпеваниями и похоронами. Периоды поста и покаяния, ритуалы, связанные с приготовлением пасхального ягненка, и в наши дни являющиеся важной составляющей празднования Пасхи в Греции, путешествия к святыням и в монастыри, паломничества, сменявшиеся периодами удаления от общества или даже уходом в монастырь, рукоположение в духовный сан проходили красной нитью по жизни византийской семьи.

Новорожденного младенца повивальная бабка омывала и пеленала в шерстяные бинты - подобные сценки часто появлялись на византийских иллюстрациях, рассказывающих о рождении детей. В таком состоянии ребенка держали два-три месяца. Богатые семьи часто нанимали кормилиц, чтобы те вскармливали ребенка. С VI века стало считаться необходимым крестить младенца в первую неделю жизни. Во время этой церемонии ребенка трижды окунали в святую воду, а затем несли домой в сопровождении родителей и их друзей, которые шли с зажженными свечами и пели гимны. До VI века детям обычно давали одно имя. Чтобы отличать его от прочих людей с тем же именем, стали пользоваться греческим обычаем добавлять к нему имя отца в родительном падеже. Так детей начали называть, например, Никола Феодору, то есть Никола, сын Феодора. Однако со временем в обиход вошел и римский способ: к имени ребенка, «преномину», добавляли «номин гентилианум» или «когномен» (то есть родовое имя). Фамилии вошли в обращение в VI веке и вскоре уже широко использовались. Мало известно о том, чем кормили младенцев. Одна молодая вдова, жившая в X веке, давала своему малышу жидкую ячменную кашу, мед и воду. Крупы, небольшое количество белого вина и овощи считались подходящей пищей для начавших ходить детей. Мясо давали не раньше тринадцати лет.

Христианство внесло огромную лепту в повышение статуса женщины, привнеся новый смысл и значительность в брак. Гражданское право страны продолжало признавать развод в случаях, когда его желали обе стороны, независимо от осуждения церкви. Развод, хотя по закону и был разрешен во все времена, пребывал в состоянии временного приостановления, и только в XI веке разводы стали распространены и часто оговаривались в контракте. Церковь не одобряла вторых браков, но они не были запрещены, однако третий брак уже сулил серьезное наказание, а четвертый, если его не благословлял император, грозил отлучением от церкви. Эти меры помогли повысить прочность семьи, и во многом благодаря им семейная жизнь оставалась самым важным для человека. Легендарный герой Дигенис Акрит никогда не приступал к еде, не дождавшись своей матери, и усаживал ее на самое почетное место. Мать Пселла, без сомнения, главенствовала в семье. Ее забота об образовании сына, вероятно, выглядела необычной на фоне женщин ее положения, но то, как она властвовала в своей семье, было вполне в порядке вещей. Впрочем, женщины, не считая императриц, даже если и держали в узде мужа и весь дом, не становились равными мужчинам. Хотя, например, Пселл относился к своей сестре именно как к равной. Всем женщинам, даже императрицам, полагалось прикрывать лицо вуалью, когда они выходили из дому. Им запрещалось участвовать в шествиях. Редко кому разрешали присутствовать в гостиных, когда их мужья развлекали своих гостей-мужчин, и ни одному мужчине, кроме членов семьи и домашних евнухов, не дозволялось входить в их покои. И при дворе, и среди знати евнухов, многие из которых были европейцами, нанимали, чтобы те прислуживали хозяйкам дома. Но, несмотря на то что женщинам надлежало вести обособленную жизнь, они не были совершенно изолированы, даже если, принадлежа к знатым фамилиям, должны были появляться на людях в сопровождении слуги, и при этом они могли следовать в церковь (где им приходилось стоять на галерее), к близким родственникам или в баню. Многие женщины, приходя в баню, надевали купальные платья.

Принцип наследования имел силу в среднем классе, но было возможно подняться по социальной лестнице благодаря своим заслугам или выгодному браку. Обручение считалось очень важным шагом, почти религиозной значимости. Разрыв помолвки строго осуждался церковью и карался штрафом. Такое отношение повлекло за собой обручения в детском возрасте, но вскоре издали закон, запрещавший вступать в брак девочкам моложе 12 лет и

мальчикам моложе 14 лет. Родители сами находили пару своему ребенку. Помолвка скреплялась письменным договором. Установив дату свадьбы, рассылали приглашения родственникам и друзьям. За день до венчания на стенах спальни невесты вешали дорогие ткани и самые ценные предметы в семье, в комнате с песнями расставляли мебель. В день свадьбы съезжались одетые в белое гости. Жених приходил за невестой в сопровождении музыкантов. Она ожидала его в роскошном парчовом платье и вышитой блузе. Ее лицо закрывала вуаль. Когда он подходил к ней, она поднимала вуаль, чтобы он увидел ее, возможно, в первый раз в жизни. Ее лицо украшал сложный макияж. В окружении родителей, слуг, друзей, факельщиков, певцов и музыкантов невеста и жених шли в церковь. Когда они проходили по улицам, люди с балконов осыпали их фиалками и лепестками роз. В церкви их крестные родители вставали за ними и держали венцы над их головой на протяжении всей церемонии. На императорской свадьбе вместо венцов над головой жениха и невесты держали полоски драгоценных тканей. Затем они обменивались кольцами, а с XI века им еще подносили брачный контракт, приготовленный заранее, чтобы они подписали его при свидетелях. После венчания все возвращались в дом невесты той же дорогой, что шли в церковь, где их ждал торжественный обед. Мужчины и женщины сидели отдельно. Все столы были накрыты красиво и щедро, на них стояли лучшие сосуды и блюда, лежали лучшие приборы, что были в семье. С наступлением ночи все гости провожали молодоженов до спальни. Утром они приходили снова, чтобы разбудить молодых песнями.

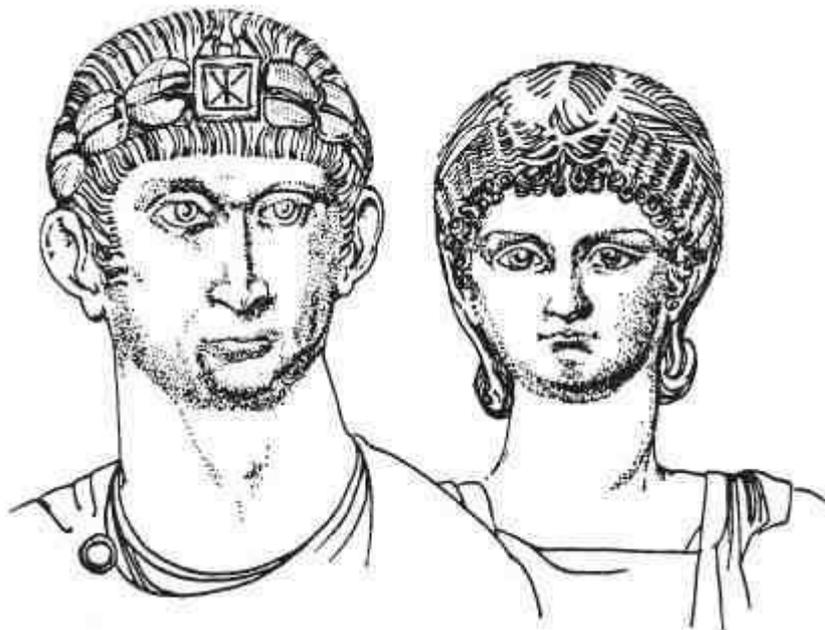
Не позднее чем с VII века стало традицией, чтобы жених преподносил невесте обручальное кольцо и пояс. По всей вероятности, не это кольцо использовалось во время свадебной церемонии. Считается, что муж дарил их жене, когда они впервые вступали в спальню вместе. До наших дней дошло больше колец, нежели поясов. Возможно, только очень богатые мужчины могли позволить себе подарить жене пояс. Хотя сейчас в музеях хранятся кольца из золота, кажется возможным, что в ходу были и менее дорогие - из серебра и бронзы. Золотые кольца представляют собой простой круглый или восьмигранный ободок.

Если кольцо было восьмигранным, семь его граней украшали библейскими сценами в технике чернения, а на восьмой грани находилась пластинка с изображением венчания; чаще всего там был Христос, стоящий между женихом и невестой в момент, когда они соединяют руки. Более символическая передача этой сцены была тем не менее популярнее: чета молодоженов изображалась стоящей по обеим сторонам от креста с венцами над головой. Иногда над ними было написано слово «гомонойя» (согласие). Предполагается (доктором Марвином Россом), что обручальные кольца появились из традиции, введенной первыми императорами, чеканить монеты в день своей свадьбы, как, например, монета с изображением Феодосия II, стоящего между Евдокией и Валентинианом III (Феодосий женился на Евдокии в 437 году), или монеты с изображением Христа между Маркианом и Пульхерией, Анастасием и Ариадной.

Свадебные пояса, дошедшие до нашего времени, использовались во время более изысканных и дорогостоящих церемоний, нежели кольца. Большинство было изготовлено из маленьких дисков, монет или из золотых медальонов; медальоны в два раза крупнее основных служили пряжками и застежками. Нередко диски или пластины были украшены

языческими, в основном мифологическими, мотивами и потому ярко контрастировали с двумя центральными медальонами, на которых изображался Христос, стоящий между женихом по правую руку от него и невестой по левую в момент скрепления рук. Рисунки обычно отпечатывались на пластине, а потом гравировались. Часто над ними вырезалась надпись. На поясе, хранящемся в Вашингтоне в коллекции виллы «Думбартон» - Окс написано: «?? ??? ????[?]?? ????? ??[?]??» (от Бога согласие, благодать, здоровье).

Приданое невесты тщательно охранялось. Составленные по закону завещания были в Византии обычным делом, но и устные, объявленные в присутствии двух свидетелей, считались действительными. Как и в римском праве, мужу надлежало передать приданое жены детям, но, кроме того, он должен был завещать ей достаточно средств к существованию на случай, если она переживет его, обеспечив ее деньгами, мебелью, рабами и даже правом получать бесплатный хлеб, если он таковым обладал. Оставшись вдовой и не выйдя замуж вторично, женщина по закону становилась опекуном своих детей, контролирующим собственность покойного мужа в качестве главы семьи и дома. Если мужу предлагали пост епископа во время их совместной жизни, он мог принять его, только если жена по доброй воле соглашалась уйти в монастырь.

Даже семьи с относительно скромным достатком владели рабами или нанимали слуг для помощи в хозяйстве. Например, отец Пселла был далеко не богат, однако в их доме работало двое слуг. В состоятельных семьях к многочисленным нанятым слугам и рабам добавлялись бедные родственники и приживалки. В VI веке рабы в возрасте до 10 лет продавались по 10 номисм. Цена более старших, но необученных рабов была в два раза выше. Писец стоил целых 50 номисм, а врачи и другие образованные люди - все 60. Однако с течением времени цены падали. Совершенно естественно, что церковь порицала рабовладение. Феодор Студит пытался запретить монастырям иметь рабов, но эта система просуществовала до конца империи. Хотя число рабовладельцев, считавших, что правильным было бы отменить рабовладение, постепенно увеличивалось, парадоксально малая их часть давала свободу рабам.

Внешний вид византийцев заметно менялся с веками. Мода диктовала разные стили в одежде, прическах и бороде. Женская мода, кажется, претерпевала меньшие изменения, чем мужская; впрочем, это мнение может быть ошибочным и происходить из недостатка информации. В основном со времен Феодоры императрицы и их фрейлины следовали примеру императоров и их придворных: носили прилегающие шелковые туники, на которые надевали далматик, вышитый на плечах и по краю. Поверх надевался паллий, представлявший собой длинный кусок ткани с вышивкой с круговым вырезом горловины. Зад-

нее полотнище оставалось свободным и образовывало шлейф, который можно было подбрать и перекинуть через левую руку. Одежда женщин среднего класса также шилась по образцу мужской. Она состояла из туники и плаща с боковым полотнищем достаточной длины, которое набрасывали на плечо и голову. Иногда вместо этого они накидывали на голову покрывало, выбирая ткань и цвет по своему желанию. Некоторые плащи делались из льна, некоторые из шелка, некоторые из прозрачных тканей, использование которых возмущало церковь. Все носили мантии, подобные тем, что мы видим на Юстиниане и Феодоре на мозаике в Равенне. Одежду состоятельных людей богато украшали вышитой каймой. На пластине короны Константина IX Мономаха, изготовленной в XI веке, императрицы Зоя и Феодора изображены в плащах, называемых портными «стиль принцесс». Они практически одинаковы. Туники на танцующих девушках на других пластинах немного отличаются друг от друга в деталях. Хотя все они длиной до бедер и с вышивкой вокруг шеи, по подолу и вырезу впереди, у некоторых подолы выкроены по косой, а у других есть треугольные вставки для пышности. У некоторых круглые вырезы горловины, у других - V-образные. На всех пояса разной ширины. На ногах у девушек туфли без каблуков. У некоторых на руках перчатки с драгоценностями. У всех на голове венки. Хотя в некоторые периоды византийцы носили парики, в целом женщины делали пробор по центру и укладывали волосы кольцами по обеим сторонам головы, закрепляя их золотыми и серебряными нитями или жемчужинами. Иногда вместо них использовали льняные ленты. В качестве дополнительного украшения носили гребни из слоновой кости или черепахового панциря. Брови выщипывались в длинную, прямую, узкую линию и подчеркивались черной краской. В зрачки закапывали белладонну, чтобы они сужались до размера черной точки. Губы щедро красились в красный цвет. Во время правления династии Палеологов женщины наносили еще более обильный макияж, чем ранее. Богатые дамы покупали так много одежды, что великий логофет Феодор Метохит жаловался на огромный гардероб своей жены.

В V и VI веках представители «рабочего класса» ходили босиком. Они носили короткие шерстяные туники, подхваченные поясом, продернутым в ремень, перекинутый через левое плечо. Зажиточные люди носили туники подлиннее, большинство из которых изготавливались из шелка. Более дешевые шились без рукавов, но у дорогих рукава были длинными и собирались в узкие, красиво вышитые манжеты. У придворных туники украшались каймой, богато вышитой, в основном золотом. В холодную погоду мужчины накидывали сверху длинные мантии, фасон которых, по мнению многих ученых, был перенят у китайских мандаринов. Покрой большинства плащей был прост, но у богатых они украшались вышивкой и, если их владельцы могли себе позволить, оторачивались мехом, преимущественно завозимым из Руси как предмет роскоши.

Византийские мужчины очень интересовались модой. В VII веке их привлек восточный стиль. Они стали носить восточные туфли летом и мягкие кожаные ботинки зимой, забыв о римских сандалиях. В то же время они заменили короткую облегающую тунику на более длинную и свободную. В подоле короткой туники сзади делался разрез, в который вставлялся треугольный кусок материи, чтобы он стал шире. Горловина заканчивалась маленьким воротником. Его корни следует, видимо, искать в Северной Персии, где туники отличались невероятной элегантностью, хотя и были большей длины. В XI веке императоры носили очень короткую тунику, обшитую золотом, в качестве костюма для верховой езды. Также были популярны чулки до колен. Династия Комнинов положила начало эпохе невысказанной роскоши в одежде. Мануил Комнин (1143-1180), посол во Франции при дворе Людовика VII, появлялся при дворе короля в Ратисбоне в тунике из великолепного шелка, длиной до колен, с узкими рукавами. Этот наряд позволял ему двигаться свободно, что было настолько непривычно для местной знати, что западным посланникам он напоминал своим внешним видом спортсмена. Андроник II (1282-1328) пытался обуздать страсть сограждан к дорогим одеяниям, но потерпел поражение. Во время правления его преемников мода еще больше вдохновляла на экстравагантные наряды. Погоня за иноземными тенден-

циями - сирийскими, итальянскими, болгарскими и сербскими - превратилась в помешательство. Под влиянием Сирии в Византии появились черные плащи. Даже экономический кризис, возникший с возвращением императоров в Константинополь в 1261 году и продлившийся до падения империи в 1453 году, не положил конец тяге к красивой и изысканной одежде. Особенным спросом пользовались турецкий и итальянский стили. Туника снова стала тяжелой и прямой, похожей на халат. Великий логофет Феодор Метохит в апогее своего могущества в 1346 году получил специальное разрешение носить экстравагантную шляпу, в которой и изображен на мозаике в церкви Христа Спасителя. Его наряд, как и костюм изображенного в 1346 году старшего адмирала Апокавка или Иоанна VI Кантакузина (1347-1355), не наводит на мысль о том, что недостаток денег заставил производителей шелка перейти на изготовление тканей попроще и подешевле.

Хотя Юстиниан носил нечто вроде тиары, в ранний период головные уборы использовались в основном путешественниками. К концу X века мужчины стали так часто носить шляпу, удерживаемую на голове лентой, что Михаил VI (1056-1057) превратил ее в униформу, приказав всем надеть красные шляпы. Однако к концу века предпочтение отдавалось белым. За этим последовало разнообразие шляп, но их формы вскоре были стандартизованы и привязаны к социальным классам. Духовенство носило скиандион. Миряне чаще надевали калифту - головной убор пирамидальной формы, возможно турецкого происхождения. Более поздний вид головного убора показан на фресковых росписях в церкви Пантанасса в Мистре. Он представляет собой шляпу с полями. Иоанн VIII Палеолог (1425-1448) изображен на медали, сделанной Пизаньелло, в шляпе с полями сзади и пуговицей на верхушке тульи, которую называли камелакион.

В первую очередь мужчины на римский манер стригли волосы коротко и чисто брились, только философы носили недлинную бородку. Однако во времена правления Юстиниана представители синей фракции отпустили бороду и усы, носили волосы длинными на затылке и коротко стриженными впереди, как гунны. Константин IV (668-685) стал первым бородатым императором. Борода вошла в моду, которая доходила до крайностей. Мужчины заплетали волосы в косы или укладывали кольцами, завивая их на ночь на папильотки. Косы были так длинны, что у некоторых доходили до пояса, что вызвало негодование церкви. Константин V (741-775) издал указ, обязавший всех бриться. Феофил, который был лыс, пошел дальше и приказал военным брить голову, но это правило отменили после его смерти, возможно, потому, что пойманым преступникам брили голову и бороду. А в конце X века даже сама церковь объявила о своем одобрении бороды и длинных волос, упирая на то, что это позволяет различить евнухов и всех прочих. Священники и монахи стали отращивать волосы и бороду гораздо раньше, а в православном мире они делают это до сих пор.

Утонченный вкус византийцев подвиг их на создание прекрасных ювелирных украшений. В них не было вычурности, рисунок был прост, размеры разумны, а мастерство ювелиров поразительно. Даже короны более поздних периодов имели форму золотых венцов с позолоченными и украшенными драгоценными камнями подвесками невероятной красоты и изысканности. Очень популярны были украшения в виде христианских символов, например рыбы, хотя кресты, носимые как кулоны, использовались чаще всего. Кроме того, люди надевали кольца из меди, бронзы, серебра и золота. Некоторые были украшены драгоценными камнями с выгравированными монограммами, христианскими символами или надписями. В ранний период, под римским влиянием, камеи пользовались большим спросом, но вскоре их заменили броши с драгоценными камнями. Серьги, браслеты, ожерелья и кулоны также носились очень часто. Самые дорогие делались из филигранного золота и отличались тончайшей работой. Многие украшались перегородчатой эмалью и инкрустацией. Ювелиры нередко черпали вдохновение на Востоке. Так, персидский вкус во многом диктовал стиль короны Феодоры (ее можно видеть на смальтовой мозаике в церкви Сан-Витале в Равенне), а также привнес такие детали, как львиные головы на браслетах, и моду на изображение борющихся животных по бокам от центрального мотива. Возможно, под влиянием Египта стали изготавливать маленьких животных, уток и рыб из золота и скреплять их вместе в ожерелья.

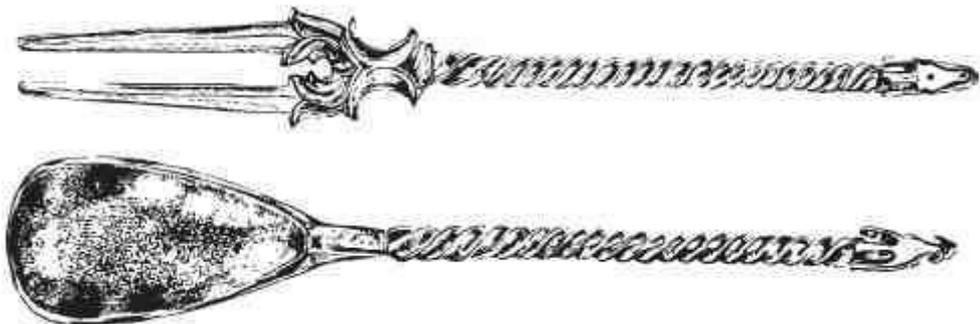

Страсть византийцев к драгоценностям ограничивалась только размерами их кошельков. Толстосумы отдавали предпочтение жемчугу, аметистам и изумрудам, большую часть которых завозили из Индии. Их прикрепляли к булавкам, которые держали хламиды - вид одежды, которую вытеснила мантия в X веке. Также их использовали для изготовления брошей, кулонов, пряжек для ремней, колец, крестов, головных уборов, седел и прочей сбруи. По современным стандартам качество этих камней не было высоким, но обработка и оправка превосходны. Ювелирные украшения и одежду выбрасывали, когда они выглядели поношенными или старыми. В отличие от европейского общества, которое даже в конце XVIII века зачастую игнорировало элементарные правила личной гигиены, греки были столь же брезгливы, сколь и римляне, и не только проводили много времени в банях, но и заботились о том, чтобы их одежда была чистой и не выглядела поношенной.

Представление византийцев о еде скорее ближе к нашим современным, чем к тем, что бытовали в средневековой Европе. Три приема пищи в день - завтрак, обед и ужин - считалось нормой. Посты соблюдались строго, а в остальное время на обед и ужин в зажиточных семьях подавали три смены блюд. Начинали с закусок, за ними следовали блюда из рыбы с соусом гакос, популярным в дохристианские времена. Вместо рыбы могли подать жареное мясо. Заканчивали сладким.

Разнообразие блюд позволяло выработать личные предпочтения в еде. Константин VIII известен особым пристрастием к вкусным соусам, Зоя - к индийским приправам, особенно к тем, которые не сушат, к мелким маслинам и беленому лавровому листу. Домохозяйка могла составить меню из многообразия дичи, домашней птицы и мяса. Как и в современной Греции, в Византии свинина и ветчина были самой любимой едой. Мясо птицы и варили, и жарили. Часто готовили утку и рыбу. Многие супы по сложным рецептам готовились несколько часов. Нередко в меню входили рубец и рагу, а также различные салаты. Византийцы очень любили сыр и фрукты, сырые и тушеные. Яблоки, дыни, инжир, финики, изюм и фисташки неизменно присутствовали на столе. Спаржа и грибы употреблялись реже. Для готовки использовали растительное масло. Пили много вина, преимущественно с Хиоса. Михаил VI был не единственным пьяницей в империи. Пир, изображенный на мозаике, обнаруженной в Антиохии, состоял из артишоков, белого соуса, жареных свиных ножек, рыбы, ветчины, утки, печенья, фруктов и вина, а также сваренных вкрутую яиц, подававшихся в подставках голубой эмали с маленькими ложечками с длинной ручкой.

Империя изобиловала гастрономами, которые с удовольствием продавали продукты, которыми славились определенные области, например валашский сыр. Еде придавалось очень большое значение. Когда дочери Константина VII объявили после его смерти, что ей придется удалиться в монастырь, она настояла на том, чтобы ей позволили там есть мясо.

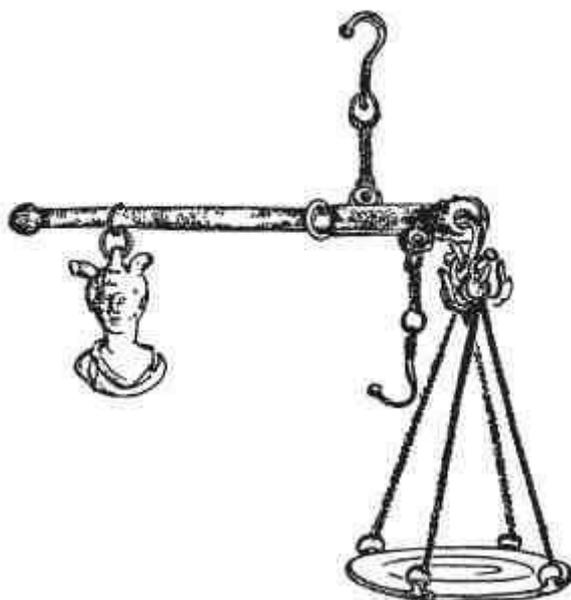

Усилия, которые византийцы прилагали, чтобы подать еду настолько красиво, насколько возможно, сравнимы с современными изысками. В Византии столы накрывали с большой скрупулезностью. В то время как в Европе подобная тщательность была редкой, в Византии использовали чистые, зачастую искусно вышитые скатерти. Входя в столовую, люди меняли уличную обувь на домашнюю. На торжественных обедах члены императорской семьи и придворные сидели на диванах, стоящих вокруг стола, приблизительно до X века, хотя в повседневной жизни они, по всей видимости, пользовались стульями. В начале и, возможно, в конце еды возносилась молитва. Нередко люди ели руками, однако существовали уже не только ложки и ножи, но и разнообразные вилки. Вилку, очевидно, придумали на Востоке, а в Европу ее привезли итальянцы, научившиеся ею пользоваться в Византии. Этот прибор настолько плотно вошел в повседневную жизнь, что молодая принцесса, выданная замуж за венецианского дожа, взяла с собой в Италию несколько двузубых вилок. Их вид поразил и даже шокировал венецианцев. Блюда различных форм, типов и размеров производились в огромных количествах, так же как бокалы, графины и прочие сосуды. По всей вероятности, привычный для того времени вид изобразил Мануил Цикандилий в 1362 году на иллюстрации к кодексу, принадлежавшему Иоанну Кантакузину из Мистры. Хотя он нарисовал эпизод из Книги Иова, эту картинку можно трактовать скорее как жанровую сценку, чем как иконографическую интерпретацию. На ней запечатлен Иов, обедающий со своей женой и тремя дочерьми за столом, на котором лежат ножи, стоят миски, кувшины и бокалы. Младшая девочка несет блюдо с жареным молочным поросенком. Домашняя собака выпрашивает кусочки. Лица всех присутствующих выписаны детально. Люди в шляпах трех фасонов сидят на выгнутых табуретах.

Отдельные экземпляры из огромного количества и разнообразия предметов, производившихся византийскими мастерами, дошли сквозь века до наших дней. Большая их часть является драгоценными. Их сущностная ценность, не уступающая качеству работы и красоте замысла, заставляла людей обращаться с ними с осторожностью, которой были лишены менее ценные предметы. По этой причине сохранившиеся экземпляры в основном представляют собой ювелирные изделия, впечатляющие серебряные столовые приборы или изящную керамику. К ним необходимо добавить еще изрядное число предметов из слоновой кости. Самые важные из них - ларцы или шкатулки для драгоценностей. Они преимущественно прямоугольны и покрыты либо геометрическим узором, либо мифологическими мотивами, как, например, ларец из Вероли X века, хранящийся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне.

Еще одна большая группа предметов - масляные лампы и подсвечники. Хотя зачастую они предназначались для церкви, в домашнем обиходе, вероятно, использовались по-хоже. Возможно, в них лишь христианские символы, украшавшие церковную утварь, заме-

нялись на классические и геометрические узоры. А самые дешевые из них могли вовсе не украшаться. Всевозможные настольные лампы изготавливались из различных материалов. В первые века существования империи в ходу были простые римские светильники, глиняные или изысканные металлические, напоминавшие те, что производили в Европе в XVI-II-XIX веках мастера, которые, вероятно, под воздействием раскопок в Помпеях обратились за вдохновением к Древнему Риму. Возможно, их усовершенствованной версией была самозаправляющаяся лампа, созданная для императора Юстиниана. Помимо того, существовало огромное множество разнообразных подсвечников. Большинство из них стояли либо на простой круглой подставке, либо на трех ножках, либо - если требовалось нечто искусное - на львиных лапах.

Бронзовые и железные гири, часто с балансом весов, также дошли до нас в значительных количествах. Их постоянно проверяли инспекторы, чтобы продавцы не обвешивали покупателей. Даже производя такие будничные утилитарные предметы, византийские мастера приносили в каждый особую неповторимость. Они предпочитали не рубить металл на пластины нужного веса, а придавать им форму женской головы с плечами. Свинцовые печати, использовавшиеся для документов и таможенных нужд, напоминали монеты по размеру и помимо надписи содержали еще религиозные символы или сцены.

Случайные находки обеспечили широкий выбор предметов, включая такие повседневные вещи, как пуговицы и иглы, и более редкие - карманный компас, который представляет собой большую ценность. Этого достаточно, чтобы утверждать, что жизнь в Византии, по крайней мере в зажиточных домах, находилась на таком высоком уровне, что сама по себе стимулировала производство и использование предметов, сравнимых с распространенными в Западной Европе несколько столетий спустя. Главным недостатком была неспособность придумать способ книгопечатания. Его отсутствие достаточно удивительно, поскольку существовали деревянные печати для переноса узоров на ткань и на хлеб. Тем не менее список изобретений византийцев невероятно велик, от чего становится еще обиднее, что так мало предметов сохранилось до нашего времени. До нас не дошло ни одного предмета домашней мебели. Чтобы представить, как она выглядела, придется обратиться к изображениям византийцев, например, на надгробных плитах, книжных иллюстрациях, резьбе или в скульптуре. Записи говорят о костяных и золотых столах на торжественных обедах в Большом дворце. Есть сведения, что один был круглым. Изображения Тайной вечери подсказывают, что стол был если не Т-образным, то, скорее всего, D-образным, а изображения брака в Кане указывает на то, что в простых домах стояли зачастую прямоугольные столы. Хотя во дворце использовались диваны и стулья, в среднестатистических домах отдавали предпочтение скамейкам и табуретам, похожим на те, что изображены на картинах постиконоборческого периода. Кресла, по всей видимости, были выполнены в форме курул, распространенной в Риме, и имели подлокотники в виде львов, крылатых Ник или дельфинов, а спинки - в виде лиры. Курульное кресло было в Римской империи

кабинетной мебелью, на котором сидел курул, или старший судья, или даже сам император. Его резные подлокотники часто делались из кости, но он не имел спинки, что позволяло сложить его как табурет. Однако костяной трон, изготовленный для епископа Равенны Максимиана, стоял на бочкообразном основании, и у него была округлая спинка в греческом стиле. Некоторые стулья, без сомнения, напоминали трон. На многих, вероятно, лежали горы подушек наподобие тех, что мы видим на иконах с изображением Христа и Богородицы.

Встроенные шкафы, похожие на те, что до сих пор существуют во многих монастырях, несомненно, были известны византийцам с ранних времен, но тогда они, видимо, считались роскошью и встречались редко. Хотя чаще вещи и домашнее белье хранили в сундуках, некоторую часть клали на полки в такие шкафы. Подвесные полки византийцы, скорее всего, не знали, так же как и комоды. Хотя предмет мебели, представляющий собой нечто среднее между аналоем и письменным столом (насколько можно судить по рисункам с изображением апостолов, пишущих Евангелия), был распространен. Такие предметы до некоторой степени похожи на секретер периода Регентства{12}, поскольку у них был боковой шкафчик с полками. Они отличались по размеру, виду и отделке, но основная форма была неизменной. На некоторых делались подставки для книг. На рисунках видно, что существовали и свободно стоявшие подставки, вроде аналая.

Чтобы понять, как выглядели кровати, нам придется снова обратиться к религиозным рисункам, особенно к тем, на которых изображено чудо исцеления больных, которые подхватывали свои кровати и уносили их с собой на спине. Кровати были разными: от дешевых и простых, собранных из досок, с квадратными ножками по четырем внешним углам, в редких случаях - с изголовьем, до роскошных, с кручеными ножками, мастерски сработанных, как во времена королевы Виктории, с высоким изголовьем и более низким изножьем. Постельное белье также разнилось в зависимости от достатка людей. Богатые пользовались простынями, шерстяными и стегаными одеялами, покрывалами, либо сшитыми из дорогих тканей, либо украшенными вышивкой. Бедняки обходились тряпками и дерюгой. Портьеры и занавески являлись такой же неотъемлемой составляющей домашнего обихода, как подушки и ковры.

За детьми не было особенного присмотра. Игрушками служили глиняные повозки и лошадки, домики из земли или камней, суставные косточки, мячики, свистульки, флейты, крышки и обручи - для мальчиков, восковые, глиняные или известняковые куклы - для девочек. Но в Византии дети взрослели рано, и эти простые игрушки, хоть и хранились с любовью, укладывались в сундук, как только ребенок разменял второй десяток.

Глава 8 Жизнь в сельской местности

На начальном этапе византийской истории императоры, особенно Аркадий (395-408), благоволили больше городским, чем сельским жителям. Аркадий ввел систему налогообложения, которая совершенно определенно была выгодна горожанам, поскольку перекладывала налог с торговли и производства на крестьян, и усложнил жизнь сельских жителей, приказав им платить пошлины золотом, а не натурой, несмотря на то что фиксированная правительством цена на продажу их продукции была призвана жестко контролировать их доходы. На протяжении всей истории Византии налоги, которыми облагалось сельскохозяйственное население, только подрывали его благополучие. Эта ситуация кажется тем более странной в стране, которая, после завоевания Египта мусульманами, преимущественно зависела от продуктов, выращенных на собственных землях, и рассчитывала, что крестьяне будут вырабатывать большую часть простой пищи, в которой нуждались города, как и все предметы потребления, которые были нужны им самим. Лишь изредка правительство вспоминало о тяжелом положении, в которое его экономическая политика ввергала людей, производивших львиную долю предметов первой необходимости в стране.

Нищета, в которой они зачастую были вынуждены существовать, привела к тому, что крестьяне возненавидели сборщиков налогов и своих землевладельцев. Особенно в поздний период они по праву приписывали свои многочисленные и тягостные беды тяжкому бремени налогов. Именно это стало главной причиной голода, который так часто подвигал их на бунты. Восстания происходили регулярно между IX и XI столетиями - в период, когда Византия находилась на вершине процветания. Когда случались подобные беспорядки, политические и религиозные распри зачастую подливали масло в огонь и раздували их до масштабных мятежей. Одно из серьезнейших восстаний началось в 820 году и продолжалось три года. Руководил им некий Фома Славянин, который добился поддержки большей части славян, переселенных правительством в Анатолию с родных земель на Балканах. Это волнение распространилось на соседние регионы, где небольшие группы других славянских народов, а также армян и грузин собрались вокруг Фомы. К нему примкнули и греки-иконопочитатели, которые ненавидели иконоборческое правительство. Через каких-то двадцать лет славянское восстание значительной силы потревожило покой Пелопоннеса. Вскоре павликиане, проповедовавшие свою доктрину в Анатолии, собрали многочисленных сторонников из крестьян. Последовавший за этим бунт распространился по всей Малой Азии. Восставшие одержали так много побед, что для подавления пришлось вызывать армию. Только в 872 году удалось восстановить мир. Это был второй павликианский бунт за пятьдесят лет. Оба восстания в большей степени обязаны своим успехом поддержке, которую оказали сектантам свободные крестьяне, понявшие, что новый, невероятно тяжелый налог, скорее всего, превратит их почти в рабов. Бунт, произошедший между 920-м и 944 годами, совпал с повышением налогов Романом Лакапином и с выходом закона, по которому соседи человека, скрывающегося от уплаты налогов, должны были платить за него. Подобные беды породили многочисленные восстания в пограничных районах, где повышение налогов обострило националистические настроения местных национальных меньшинств.

Помимо солдат-земледельцев или владельцев фем, работавших на земле в приграничных районах, и их сыновей, которые добывали средства к существованию, обрабатывая землю, которую они получили, сделав ее плодородной, в Византийской империи почти не было крестьян (если понимать под словом «крестьянин» хозяина небольшого надела, работающего на себя). Большинство людей, участвовавших в производстве продуктов питания, являлись либо работниками, почти лишенными свободы, подобно крепостным, либо рабами. Хотя империя изобиловала деревнями, многие из них входили в большие поместья и их жители попадали под власть землевладельца, а не государства. До VII века (а может быть, и позднее) жизнь в восточных районах вращалась вокруг поместий, которые принадлежали или представителям старой римской аристократии, или новой византийской знати. Они выросли в конце III столетия, когда экономический кризис заставил людей вкладывать деньги в землю.

Благодаря сохранившимся документам (написанным на папирусе) одной из таких семей, Апионов, мы располагаем большей информацией о землевладельцах Египта до арабского завоевания в VII веке, чем о тех, кто жил в другие века в прочих частях империи. Апионовы записи охватывают период с 488-го по 625 год. Основатель поместья, Феодор Иоанн, почти наверняка был греком и точно не египтянином. Он был выдающимся византийским сановником, членом Священной консистории, назначенным губернатором египетской провинции Аркадия. Его сын, Стратиг, также отличился на поприще государственной службы. Юстиниан наградил его титулом «славнейший патриций». Потомки, сменившие его в роли главы семьи, жили в Египте, многие работали высокопоставленными чиновниками в своих районах. Эта семья достигла своего максимального благополучия в правление Юстиниана. Ее поместья управлялись по принципам, очень близким к тем, которым следовал Юстиниан в руководстве Византией. Для этой цели Стратиг нанял примерно 20 человек; все они имели право выступать в качестве поверенного. Каждому надлежало регулярно посылать Стратигу подробный отчет. Некоторые из этих агентов слу-

жили счетоводами, другие - юрисконсультами, прочие - управляющими поместий. Апионы владели своего рода частным банком, куда поступали причитающиеся им платежи деньгами и товарами, где выдавались ссуды крестьянам и раздавалась милостыня. У них был собственный флот, служба конных посыльных и курьеров, даже свои солдаты, которые охраняли счетоводов, перевозящих собранные налоги, которые Апионы передавали государственному налоговому инспектору в Александрии. Несмотря на то что Юстиниан попытался запретить частные армии, подобные этой, значительное их количество сохранилось в больших имениях как в Египте, так и в Каппадокии. Однако довольно странным кажется тот факт, что (приблизительно с конца IV века) некоторые землевладельцы, такие как Апионы, содержали собственные частные тюрьмы. В них заключали беглых рабов, которых поймали, и жителей деревень, которых они решили наказать. Приговоры выносили сами землевладельцы. Записи 538 года сообщают, что 139 человекам, сидевшим в одной из таких тюрем, выдавалась такая же порция вина на Пасху, Крещение и в День святого Михаила, как отбывающим срок наказания в государственных тюрьмах.

Вино и растительное масло считались очень важными продуктами. В поместье Апионов их доставляли прямо старшему эконому, который решал, какой их объем следует поместить на хранение в хозяйский погреб, а какой продать. Тем не менее зерновые оставались основой сельского хозяйства, только скотоводство соперничало с ними по значимости. Когда арабы завоевали Сирию и Египет, эти имения были разрушены, большинству землевладельцев-христиан пришлось покинуть свои угодья и уехать на территорию, подвластную Византии. Многие обосновались там на необрабатываемых землях, где работали как независимые земледельцы, едва сводя концы с концами. Однако некоторым удалось обзавестись обширными поместьями за сравнительно небольшой промежуток времени. Хотя немало землевладельцев считали жизнь в деревне равнозначной ссылке и пытались всеми силами удержаться в столице и при дворе, прочие с удовольствием уезжали подальше от недреманного ока правительства. Некоторые смогли добиться серьезного могущества. Подобно непокорным баронам средневековой Европы, они были смелыми и решительными. Многие из них вели себя как мелкие князьки, а отдельные землевладельцы даже чеканили свои монеты и строили виллы непередаваемой красоты. В них комнаты располагались вокруг центрального дворика, который часто украшался мозаичным полом. Интерьер делился коридором на две части: комнаты для приемов и личные апартаменты. Остальные предпочитали жить в старых домах впечатляющей архитектуры.

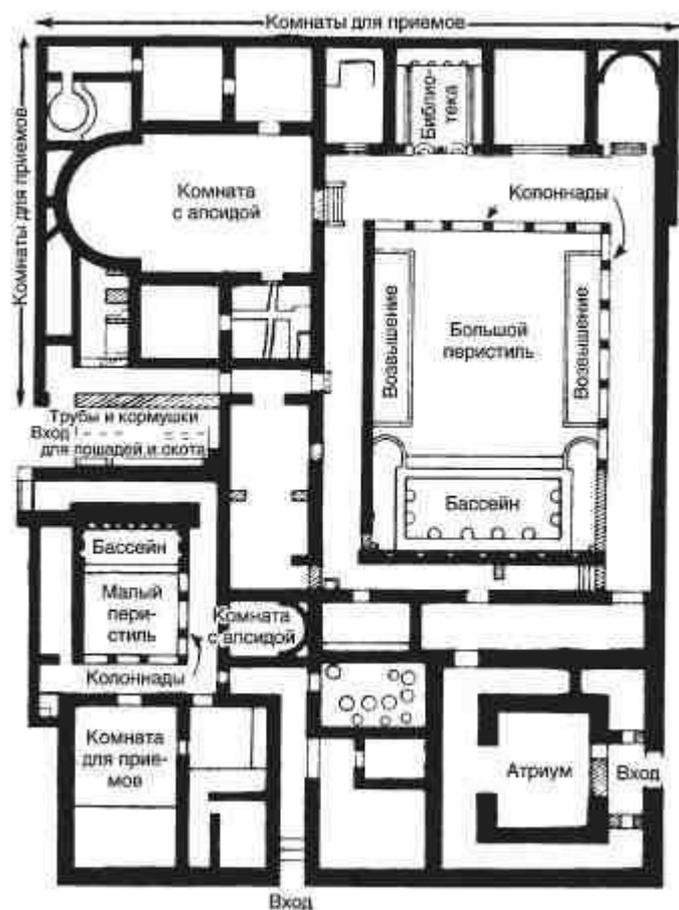

Рис. 60. Горизонтальная проекция римско-византийского дворца в Стоби. Югославия {13}

Семейство будущего патриарха Филарета, чьей дочери предстояло выйти замуж за императора Константина VI, принадлежало к тем, кто предпочитал старую архитектуру новой. В VIII веке, когда Филарет был еще молод, они жили в своем поместье в районе Синопа, в величественном старом особняке. Его роскошная мебель включала в себя круглый костяной стол, инкрустированный золотом, за которым помещалось 36 человек, и сундуки, заполненные золотыми и серебряными предметами и дорогой одеждой. Семья состояла из 30 человек: помимо Филарета и его родителей, двух замужних сестер, их мужей и детей, к ней причислялись все проживающие в доме. На них работали многочисленные рабы и слуги. В имение входило 48 деревень, и каждая снабжалась водой из родников настолько хорошо, что была сооружена даже сложная система орошения. В хозяйстве насчитывалось 100 волов, 600 голов крупного рогатого скота, 800 кобыл, 80 мулов и верховых лошадей, 12 тысяч овец и бесчисленное количество ульев - в те времена обязательного атрибута любой фермы.

В V веке, помимо мелких земельных арендаторов, появились две новые категории сельских рабочих. Одна состояла из людей, формально свободных и поэтому вынужденных платить налоги, но на деле привязанных к определенному участку земли и таким образом фактически являющихся крепостными. Когда их землю продавали, они автоматически переходили вместе с ней к новому хозяину. Вторая, более многочисленная, группа объединяла рабов. У некоторых землевладельцев их было очень много. Когда к ним обращались с тем, чтобы они предоставили солдат в армию, они без тени сомнений отправляли своих рабов, трудившихся на земле. Но сколько бы их ни было, рабочих рук для культивации всей свободной земли никогда не хватало. В VII веке недостаток сельских работников стал так ощутим, что император послал славян, захваченных в плен в Западной Европе, в Малую Азию, чтобы тем самым обеспечить столь необходимые людские ресурсы.

Эта нехватка в конечном итоге заставила правительство принять меры по защите крестьян. В VII веке были изданы соответствующие постановления, объединенные в кодекс «Земледельческий закон». Согласно ему люди, которым посчастливилось быть независимыми мелкими арендаторами земли, становились полноправными собственниками земли, на которой работают. Однако многие из этих на первый взгляд счастливых на самом деле были лишены такого преимущества из-за системы налогообложения, которая действовала в сельской местности. Она называлась аннона и оговаривала, что деревня, со всеми ее садами, полями и общими пастбищами, должна рассматриваться как единое целое. Рабы не платили налогов, но и активно увеличивали население деревень, а сумма налогов рассчитывалась на общее число жителей, поэтому арендаторам и крепостным, хотя они зачастую представляли меньшинство, приходилось выплачивать налог, которым была обложена вся деревня. Подлежащую налогообложению землю и фермерский скот переоценивали каждые пятнадцать лет. Они считались таким же источником дохода, как гавани, рынки и ходовой товар. Закончив подсчеты, чиновник налоговой службы сообщал старейшинам деревни о результате, а им в свою очередь надлежало назвать каждому налогоплательщику сумму, которую тот должен внести. Этот налог часто выплачивали натурой, передавая государственному сборщику. Но позднее крестьянам приходилось самостоятельно относить его местному землевладельцу, который мог оставить его себе, а мог отдать государству.

Будучи введена, аннона представляла собой, как мы уже видели, смесь земельного и подушного налога. Таким образом, она предписывала соседу неплатежеспособного человека вносить его долю, а это, в свою очередь, плотно прикрепляло налогоплательщика к земле. Лишая его свободы передвижения за пределами деревни, аннона постепенно превратила налогоплательщика в крепостного. «Земледельческий закон» попытался изменить такое положение, отделив земельный налог от подушного. Получив свободу передвижения, вольные люди из числа крестьян быстро поняли, что больше ничто не может помешать им покинуть деревню и отправиться на поиск лучшей земли или более благоприятных условий работы. До XI века, когда сельджуки выдвинулись в Анатолию, тем самым сделав земледелие там опасным и зачастую убыточным, в Малой Азии встречались колоссальные площади невозделанной, но вполне плодородной земли. Ее действительно было так много, а потребность страны в еде столь высока, что императоры попытались решить экономические проблемы, отдав большие наделы частным лицам, которым предписывалось возделывать их и, как землевладельцам, платить с них налоги.

Хотя многие вольные земледельцы владели несколькими рабами или нанимали слугу, который помогал по дому и в полях, они оставались настолько бедными, что редко кто мог себе позволить иметь больше одной лошади, осла, коровы с теленком и пары волов. Однако в VIII веке крупный землевладелец, располагавший 100 парами волов, 500 головами другого скота, 80 лошадьми и 12 тысячами овец, был типичным представителем своего сословия. Помимо того, мелкие арендаторы, чтобы иметь возможность обрабатывать собственные наделы, вынуждены были наниматься к богатым соседям-землевладельцам. Но даже при этом многие влезали в долги и не выплачивали налоги своевременно. Если доходило до крайности, у них не оставалось выбора, кроме как продать свои поля богатым работодателям и продолжить работать на них в качестве крепостного, тем самым помогая увеличивать количество собственности, богатство и власть крупных землевладельцев. К X веку имения, сравнимые по размеру с более ранними на Востоке, выросли в западных регионах, например в Беотии. Одна зажиточная землевладелица в районе Патраса, вдова Даниелис, владела 80 поместьями и некоторыми городами, где женщины, работая вместе в мастерских, ткали значительное количество льна и шелка. Считалось, что ее сундуки были набиты дорогой роскошной одеждой. Когда она выезжала из дому в паланкине, ее сопровождало 300 слуг. Вдова завещала все свое состояние императору, который сразу после ее смерти освободил 3 тысячи рабов и отправил их в Италию в качестве колонистов.

Роман Лакапин особенно заботился о защите мелких земледельцев и в 934 году издал указ, имевший целью ограничение размеров крупных поместий через запрет их владельцам покупать сельскохозяйственные земли. Поскольку к тому времени большинство крестьян обнищали настолько, что налоги стали для них непосильной ношей, они сделали все, чтобы уклониться от исполнения этого указа, дабы избавиться от наделов, из-за которых их облагали налогами. Им настолько не терпелось поскорее отделаться от земли, что они были даже готовы обменять свой статус вольных людей на положение крепостных. Более того, поскольку в то время земля была единственным существовавшим способом вложения капитала, ее продажа и покупка продолжали осуществляться так же часто, как и в ранний период, хотя в законе имелась лазейка, помогавшая нечестному покупателю уклониться от уплаты продавцу. Неприязнь между богатыми и бедными еще более усилилась из-за неспособности многих состоятельных землевладельцев возместить урон, который они могли нанести собственности мелких арендаторов.

Во все времена именно беднейший крестьянин нес на своих плечах тяжелое бремя сельскохозяйственных налогов. Богатые землевладельцы и монастыри постоянно пользовались особыми привилегиями и освобождением от налогов. Однако именно в те годы, когда они завладели столькими преимуществами, вновь была введена прония: она существовала на раннем этапе византийской истории, но потом потеряла силу в том, что касалось светского общества, но не церкви. В обновленной форме прония была задумана как награда тем, кто работал осведомителем на государство. Награждаемый получал поместье, которым мог пользоваться до конца жизни. В обмен на обработку земли ему разрешалось оставлять себе все доходы и при этом не платить с нее налогов. Многие владельцы проний использовали средства, вырученные таким образом, для покупки земли у платящих налоги крестьян и мелких арендаторов. Участки земли, добавленные к пронии, переставали облагаться налогом. В результате в XI веке доход правительства от сельского хозяйства начал стремительно падать, а количество освобожденной от налогов земли, принадлежавшей частным и церковным землевладельцам, увеличивалось, несмотря на то что поместья-пронии тогда не передавались по наследству. Династия Комнинов заставила хозяев проний при необходимости служить в армии. Но удаление их из поместий привело к сокращению получаемой от них продукции. Государственные запасы провизии соответственно уменьшились в тот самый момент, когда армия нуждалась в дополнительных средствах и снабжении для борьбы с турками. Пока императорские сундуки оставались пустыми, частные лица умножали свои состояния, получая доход от проний. Монастыри, владевшие обширными поместьями, становились все богаче и богаче. Чтобы обуздать поднимающийся в экономике кризис, Константину IX Мономаху пришлось сделать шаг, на который не решались его предшественники. Он был вынужден девальвировать номисму. Эта мера отняла у нее статус международно признанной валюты, в которой она находилась несколько веков.

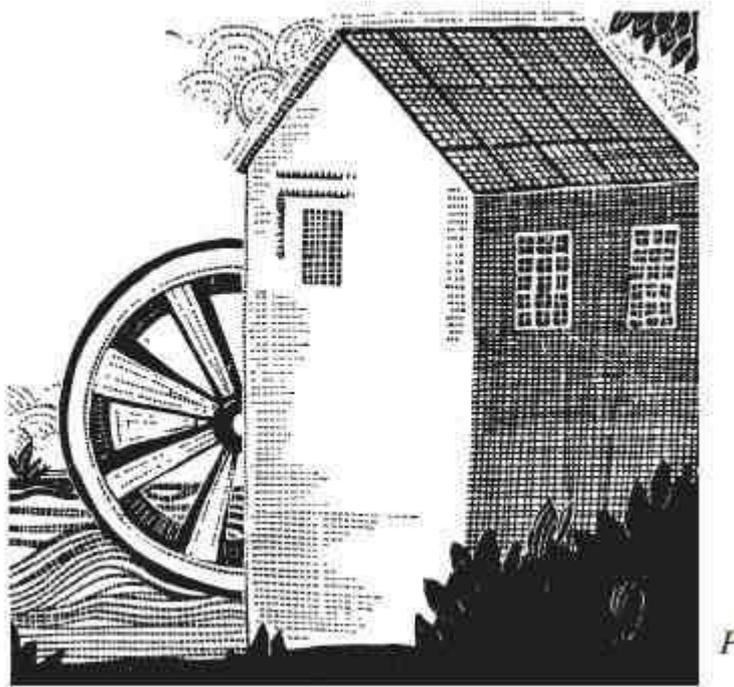
Многие землевладельцы, сделавшие состояние между 1025-м и 1071 годами, когда победа сельджуков при Манцикерте положила конец их благоденствию, вынуждены были покинуть свои поместья и переехать в столицу. Там их агрессивный характер позволил им вытеснить военных с постов, занимаемых ими при дворе и в администрации. В сельской местности мелкие арендаторы и работники стали еще более зависимы от оставшихся землевладельцев. Многих крестьян призвали в армию. В результате и сельское хозяйство понесло убытки, и армия не выгадала от этого набора. После поражения при Манцикерте борьба с сельджуками продолжалась с перерывами еще полтора столетия. И куда бы ни приходила одна из армий, там страдало крестьянство. Урожай уничтожался, поля оставались пустыми, скот и домашняя птица забивались. Однако Михаил VIII, вернувшись в столицу в 1261 году, счел необходимым задобрить землевладельцев. Для этого он решил позволить сыновьям хозяев проний наследовать имения своих отцов, таким образом сохранив за семьей право на владение, и получить освобождение от налогов. Столь высокую цену пришлось заплатить за их преданность, поскольку эта перемена неизбежно усугубила и без того острый экономический кризис в сельской местности.

До того как завоевание Анатолии сельджуками привело сельское хозяйство в регионе к краху, Малая Азия считалась житницей и важным центром разведения крупного рогатого скота. Скотоводы не были кочевниками в истинном значении этого слова. Как многие современные турецкие пастухи, они проводили зиму в деревнях, а с приходом лета уходили пасти свой скот на плодородном плоскогорье. Таким способом они разводили большое количество лошадей, ослов, мулов, крупного рогатого скота, овец, коз и свиней. У них, без сомнения, жизнь была свободнее и счастливее, а возможно, и легче, чем та, что выпадала на долю работавших на земле. Хотя и на тех и на других могли напасть разбойники или волки, у пастухов были собаки, которые их защищали, к тому же они могли спрятаться в окружавших горах.

Над жителями деревень постоянно висела угроза либо быть обобранными своими же солдатами, либо раздетыми до нитки иноземными армиями независимо от того, приходили они как завоеватели или, как в случае с Крестовыми походами, как мнимые друзья. Для обработки земли крестьяне пользовались инструментами, по примитивности похожими на инструменты раннехристианского периода. В основном они состояли из простого деревянного плуга, в который запрягли волов или мулов, двухсторонней мотыги, двузубых вил, лопат, серпов, кос, тяпок, двуглавых колотушек, палки для посадки и иногда еще тяжелого заостренного камня или шила на рукоятке. Мулы перевозили грузы, волы тащили тяжело груженные повозки, поскольку в V веке даже почтовые лошади не могли везти груз, превышающий по весу 492 килограмма, иначе их душили хомуты. Волы также использовали, чтобы качать воду или молотить зерно. Как во многих ближневосточных странах в наши дни, их привязывали к шесту, и они ходили по кругу по твердому гумну, выдавливая зерно своими неподкованными ногами. Даже верховых лошадей не подковывали железом до IX века. Вся упряжь состояла только из попоны, повода и уздечки, однако с IX столетия в обиход широко вошли седло и стремяна, а также железные подковы. Сельские кузнецы, до того занимавшиеся изготовлением и починкой простых земледельческих и прочих инструментов для односельчан, теперь стали и подковывать лошадей. В кузнице женщина или маленький мальчик поддерживали огонь, раздувая его мехами. Землю мерили веревкой предписанной длины. Ее тащили волы в присутствии чиновника, называвшегося «апографий».

Крестьяне носили длинные туники, иногда без рукавов, перехваченные поясом с собранными впереди складками. Штаны доходили до икр. Они ходили либо босиком, либо в башмаках без каблуков. Часто на плечи набрасывалась накидка; головных уборов практически не носили. Их дома редко представляли нечто большее, чем квадратные хижины, в лучшем случае разделенные на две комнаты и покрытые черепицей, однако более преуспевающие жили в двухэтажных домах. В них первый этаж служил курятником, конюшней и кладовой, а на втором, на который поднимались с улицы по лестнице, располагались комнаты семейства. В горных районах такие дома строили из камня, в других местностях — из кирпича. Зачастую деревенский гончар был также и изготовителем кирпича, но в крупных селах этим занимались разные люди. В любом случае эти мастера работали не покладая рук, обеспечивая и местных землевладельцев, и крестьян строительными материалами, сосудами для хранения и столовой посудой. Сельское население нуждалось в них так же, как и в плотниках, которые вместе с гончарами и кузнецами были единственными ремесленниками в деревнях.

Большее значение придавалось деревенским запасам воды. Колодцы, часто выполнявшие и декоративную функцию, размещались в удобных местах, представляя собой места для встреч женщин. Оросительные каналы и открытые водостоки, преимущественно антисанитарные, шли вдоль сельских улиц. Мельницы, работавшие от силы воды, ветра или животных, таких как волы, мулы или ослы, стояли в удобных местах и часто присоединялись к местной церкви или монастырю. Использование водяных мельниц привело к отделению мельничного ремесла от пекарского, поскольку потребность в ветре или большом потоке воды нередко вынуждала построить мельницу вдали от деревни или хлебопекарни.

Те, кто мог позволить себе некоторую роскошь, содержали сад. Любовь Дигениса Акрита к садам отнюдь не была чем-то необычным, хотя подобные пристрастия редко упоминаются в литературе. У многих людей на огородах не хватало места для цветов, поэтому их выращивали в горшках. Начиная с VIII века деревни в процветающих районах охватывало кольцо садов, инжирных рощ и виноградников, за которыми следовали пахотные поля. Там крестьяне выращивали зерно, овощи и зелень. Профессиональная полиция отвечала за защиту крестьянской собственности. Чтобы помочь им в этом нелегком деле, любые поездки в сельскую местность всячески осуждались. Всем, кто должен был пускаться в длительные путешествия в приграничные районы, следовало иметь при себе проездные документы.

Жизнь крестьян вращалась вокруг семьи и церкви. Деревенский священник играл в деревне очень важную роль, не только исполняя церковные обряды, но также утешая и наставляя, часто уча детей читать, писать и считать. Не была жизнь крестьян лишена и некоторых периодических удовольствий. Помимо крупных церковных торжеств, которые праздновались с большим размахом и пышностью, и почитания местных святых, службы в честь которых проводились в ближайших монастырях, отмечались также и семейные события, например свадьбы. Ежегодно проводились большие ярмарки в районных центрах и не менее оживленные базары в городках. К сожалению, больные, старики и бедняки, приезжая в город, часто вынуждены были, воспользовавшись случаем, брать деньги в долг у местных ростовщиков. Мало кто мог впоследствии выйти из такой кабалы.

Тем не менее в сельской местности здоровые люди могли найти многочисленные развлечения. Так, например, праздник виноградного урожая сопровождался пьяными и очень веселыми пирами. Конец сбора урожая бурно отмечался обильной едой и возлиянием, выступлением странствующих акробатов, жонглеров и мимов. Даже окончание долгого трудового дня было поводом для удовольствия. Иллюстрация в книге XV века явственно передает атмосферу расслабленности, в которой пребывают люди и животные в ожидании ужина и отдыха. На ней изображены два работника, разгружающие повозку с зерном, и один, распрягающий волов, под пристальным взглядом хозяина, а охотник забирает у собаки кролика, которого она только что поймала. Судя по спокойным, словно зачарованным сценкам, украшающим мозаичный пол Большого дворца, в VI веке уже понимали, что сельский труд достоин уважения и похвалы. Мозаики с изображением охотников полны идиллической привлекательности в духе Вергилия. В XI веке, когда попытки Романа Лакапина упразднить крупные поместья ни к чему не привели, люди потянулись назад в сельскую местность. Уже в начале XII столетия жизнь за городом была оценена по достоинству. Кекоменос, видный чиновник, живший в Константинополе, переехал за город и наслаждался жизнью, утверждая, что лучший способ достичь счастья - «обрабатывать землю, культивировать зерно, делать вино, растить скот».

Даже члены императорской семьи и крупные сановники, такие как Феодор Метохит, приобретали поместья в разных частях империи; монастыри на горе Афон между 1296-м и 1333 годами покупали виноградники даже в Серре, уплатив за каждый от 1 до 24 номисм. В 1341 году, когда Гвидо де Лузиньян захватил поместья Иоанна Кантакузина в Фессалии и позволил своим людям разграбить их, за считанные часы они увели 500 волов, 2500 кобыл, 200 верблюдов, 300 мулов, 5 тысяч ослов, 50 тысяч свиней, 70 овец, а также увезли большое количество зерна, хранившегося в амбарах, сундуки, набитые золотом и серебром.

Ловля рыбы приносила не только доход, но и удовольствие. Хотя рыбакам, выходившим в море, часто приходилось ночью ловить рыбу при искусственном освещении или днем вытаскивать тяжелые сети, простой сельский житель мог безмятежно сидеть с удочкой в руке у тихого пруда или бегущего ручья, ничего не опасаясь. Однако многие бурные ручьи были так же опасны и коварны, как открытое море. Поэтому и те, кто выходил в море, и те, кто рыбачил у берега, следовали примеру моряков, молясь святому Георгию и святому Фоке.

В сельской местности всегда можно было расставить ловушки на зверя, пустить собаку по следу быстрого зайца или послать мальчика, который ловко набросит на него корзину. Крестьяне прекрасно умели расставлять сети и капканы, часто использовали деревянные ловушки. Охотой увлекались представители всех сословий. Зажиточные землевла-

дельцы содержали большую свиту охотников из вольных людей и рабов, псарей, следопытов и сокольничих. Преследуя крупную дичь, они выпускали не только собак, но и гепардов, созывая их костяными охотничьими рожками. Жертву убивали копьями, стрелами или с помощью орлов, соколов, кречетов и сапсанов, к ногам которых привязывали колокольчики. Птицы сидели на левой руке сокольничих, на которую надевали перчатку до локтя для защиты. За зайцами часто пускали соколов, но также их преследовали и верхом. Таким же образом охотились на лис, взрослых оленей, газелей и медведей. Куропаток вспугивали собаками и убивали стрелами. Некоторых псов особенно ценили за тонкий нюх; для охоты на крупную дичь предпочитали брать крупные индийские породы. Профессиональный охотник носил короткую тунику и островерхую шапку, имел при себе лук со стрелами, кнут, топорик и сеть. К поясу он прикреплял нож. Крестьяне были экипированы хуже, но многие из них смогли достичь большого мастерства в ловле певчих птиц, на которых всегда был спрос на рынке.

Глава 9 Школы, ученые и музыканты

От классического мира Византия унаследовала глубокое уважение к познанию и особую привязанность к культуре Древней Греции. Снова и снова Греция становилась вдохновляющим началом и оживляла воображение византийцев. В X и XI веках, а также в меньшей степени в XIII веке благодаря ей возродились древний символизм в искусстве и основные принципы аргументации в философии. Однако приблизительно с середины VII столетия уже арабские ученые и математики стимулировали работу многих выдающихся византийских ученых, врачей и изобретателей.

Несмотря на то что многое из созданного византийцами погибло в XV веке, а некоторые рукописи могут оставаться обнаруженными и до сих пор лежать в библиотеках каких-нибудь удаленных монастырей, все же семена, посеянные ими, дали значительные всходы в европейской культуре. Вероятно, самой большой услугой, оказанной Византией, было сохранение большинства произведений древнегреческой классики, которые известны нам. Если бы не византийские копии, многие из них исчезли бы безвозвратно во время уничтожения великой библиотеки в Александрии. Если бы не разрушительные набеги латинян и турок-османов, количество дошедших до нас работ, без сомнения, было бы несравнимо большим. Помимо сохранения наследия прошлого, византийцы оставили нашей цивилизации целый ряд работ, которые без преувеличения можно назвать краеугольными камнями европейской мысли. Значительная их часть - богословские труды, которые оказали огромное влияние на культуры разных славянских народов, исповедующих православие. Столь же важным является богатый источник информации, содержащейся в хрониках, хотя скорее благодаря гению Константина Багрянородного, который, возможно, был вдохновлен «Жизнью Юстиниана» Прокопия и «Жизнью Константина I» Евсевия Кесарийского, а не работами греческих и римских историков, история в конце концов превратилась в дисциплину, которая с XI века описывалась уже в литературном ключе.

Гибель почти всех предметов, относившихся к светской жизни в Византии, к сожалению, привела к тому, что внимание ученых повернулось к религиозным аспектам византийской истории и искусства в ущерб социальным и повседневным тонкостям. В результате сегодня у нас есть в некотором роде однобокое представление о жизни этого государства. Взгляд на образовательные учреждения Византии и высоты, достигнутые в специальных исследованиях, помогают составить картину в истинной перспективе, сфокусировав внимание на светском обществе, а не только на священнослужителях.

Хотя религия являлась главной движущей силой и регулятором жизни в Византии, даже в X веке, когда монастыри добились наивысшего могущества и половина населения, как считается, удалилась от мирских забот, светское образование сохранилось. Несмотря на осуждение церкви, оно оставалось в силе. Поначалу предполагалось, что оно будет сущес-

твовать отдельно от церкви, но со временем светское образование плотно сплелось с христианской доктриной. Святой Василий ратовал за то, чтобы все дети посещали церковные школы, даже если они не собираются связать свою жизнь со служением Богу, но собор 451 года запретил это. Тем не менее, по всей видимости, на деле все обстояло иначе. Запрет не выполнялся, и на протяжении всей истории Византии священники и монахи часто обучали детей, преподавая Священное Писание. Им разрешалось бить ленивых и нерадивых учеников.

Императоры основали немало школ для сирот. Они работали по тому же учебному плану, что использовался в начальных школах государства, но детей из семей среднего и высшего сословий часто обучали частные преподаватели, которые предпочитали проверенные временем греко-римские методы. К VI веку образование получала значительная часть детей вольных людей, и число это неуклонно росло, хотя и разнилось в зависимости от региона. В XI веке при Алексее Комнине бесплатные школы открылись для всех детей, независимо от их национальности и сословия. Первые уроки в жизни ребенок обычно получал на женской половине дома. В образованных семьях их зачастую давала мать. Так обстояло дело с Михаилом Пселлом: мать научила его грамотно и свободно говорить и красиво писать. Беглая речь и красивый почерк считались очень важными качествами. Каждый ребенок должен был знать Библию наизусть. Слугам в доме Пселлов запрещалось рассказывать детям страшные сказки, чтобы не пугать их. Пселла отдали в школу в пять лет, но он был необычайно умным ребенком. К 14 годам, когда среднестатистическому ученику полагалось хорошо знать только басни Эзопа, он мог наизусть цитировать «Илиаду».

Как и в современной Греции, приблизительно с VIII столетия в ходу было одновременно три формы греческого языка: на просторечном новогреческом говорили необразованные люди, на аттическом диалекте древнегреческого языка писали образованные люди, а более сложную его версию использовали как разговорную. Последний был ближе к классическому греческому, чем к новогреческому, и на нем часто произносились торжественные речи, что еще больше увеличивало пропасть между письменной и устной формами. Детей, поступивших в школу, сначала обучали грамоте, то есть чтению и письму. За этим следовали более сложные уроки грамматики, синтаксиса и введения в античную литературу. Каждому ученику надлежало ежедневно выучивать наизусть 50 строк из Гомера и читать комментарии к ним. Мальчиков из очень богатых семей обучали частные учителя, которые иногда не ограничивались начальным образованием и продолжали готовить их к поступлению в университет. Тем не менее большинство мальчиков в возрасте 14 лет присоединялись к своим ровесникам в школьных классах. Там они проводили время, осваивая риторику, которая включала в себя отработку произношения и дикции, а также изучение великих ораторов, таких как Демосфен. На последнем году обучения мальчикам преподавали философию, естественные науки и «четыре вида искусства»: арифметику, геометрию, музыку и астрономию.

В каждой епархии была своя религиозная школа. Кроме того, во многих монастырях, следовавших завету святого Василия, были не только собственные библиотеки и скриптории, но и ученые монахи, работавшие с текстами из монастырских библиотек и обучавшие братию. Послушанием молодых монахов было обучение послушников и детей, которые собирались стать монахами. Закрытие всех публичных библиотек в 476 году нанесло тяжелый удар по светскому образованию, поскольку учащиеся вынуждены были обращаться к монастырским библиотекам, в которых, само собой разумеется, хранилась в основном богословская литература.

Скриптории, то есть комнаты, где писцы копировали все доступные книги, начиная от грамматик и словарей и заканчивая романами и религиозными трудами, имелись во всех библиотеках, в публичных и частных, светских и церковных. Еще в IV веке император Валент регулярно нанимал четырех греческих и трех латинских писцов на работу в свою библиотеку в Константинополе. Каллиграфия почиталась искусством, которым должны прекрасно овладеть все образованные люди. Многие выдающиеся личности, включая им-

ператора Феодора II Ласкариса (1254-1258), с удовольствием переписывали книги. Писцы в скрипториях уделяли столько же внимания красоте рукописи, сколько и точности текста. Именно в этих центрах возник шрифт, называющийся «минускул». Многие обнищавшие ученые зарабатывали на жизнь как писцы. Книги были отнюдь не дешевы. В XI веке стоимость экземпляра Евклида равнялась 12 современным фунтам стерлингов. Маловероятно, что иллюстрации с изображением фигур, украшавшие многие византийские книги, рисовались писцами. Хотя узоры на полях, названия глав и рисунки в конце глав могли создаваться высококвалифицированными каллиграфами, иллюстрации на целую страницу делались художниками-иллюминаторами, которые заполняли места, оставленные писцами пустыми.

Первая книга, произведенная в Византии, была написана на папирусе в виде свитка. Такая форма сохранялась за официальными документами и государственными бумагами даже после захвата арабами Египта. Позднее она перешла в широкое пользование в средневековой Европе и даже в наши дни используется для создания некоторых церемониальных документов. На куске папируса, где писался документ, ставилась императорская печать, а на литературных трудах она не требовалась, поэтому они не облагались налогом, который взимался с документов. С IV столетия пергамент начал вытеснять папирус. Есть данные, что Константин I заказал 50 экземпляров Евангелия на пергаменте для 50 церквей, которые он, скорее всего, и основал. Эта смена материала ускорилась еще и тем, что папирус стало трудно достать после того, как мусульмане завоевали Египет. Слово «пергамент», вероятно, происходит от названия города Пергам в Малой Азии, где он, по всей видимости, был впервые произведен. В основном его делали из телячьей шкуры, поэтому на Западе он стал известен под названием «веллум», близкого английскому слову «veal» - «телятина». Но также большое количество пергамента производили из кожи волков, антилоп, газелей и овец. Знаменитый Синайский кодекс, находящийся в Британском музее, является одним из древнейших известных нам примеров книги, написанной на пергаменте. Хлопковую и льняную бумагу доставляли из Китая в XI веке, но она оставалась редкостью до XIII века, когда византийцы научились самостоятельно производить все необходимое.

Свитки были двух видов. Один читался сверху вниз, второй больше походил на рулон обоев. Он предназначался для написания литературных произведений и имел горизонтальную форму; текст писался столбцами, расположенными слева направо. Такой свиток перестал быть единственной формой с изобретением библиона (первоначально это слово означало Библию по-гречески). Библион изготавливался из листов, которые складывались пополам, почти как в современной книге. Переплетенная книга, собранная таким образом, называлась «кодексом». Когда количество сложенных пополам листов доходило либо до трех, либо до шести, их называли тетрадь. Вначале не более 45 тетрадей могло быть переплетено вместе, но позднее их количество возросло. Книги, сделанные таким способом, различались по размеру. Их названия происходили от их основной темы. Книги, в которых жития святых выстраивались в форме календаря, именовались «Менологиями», четыре Евангелия - «Тетра Евангелиа».

Когда Евангелие переписали в виде ежедневных уроков, книгу назвали «Евангелистрион», а первые восемь книг Нового Завета объединили в «Октатеух». Кроме того, издавались еще псалтыри, сборники проповедей и так далее. Большая часть имела обложку из дерева, в основном дубовую. Если книга предназначалась для церемониального использования или делалась для высокопоставленного аристократа, внешнюю сторону обложки часто изготавливали из драгоценных материалов, например кости, серебра или золота. Она всегда была искусно украшена резьбой, гравировкой или чеканкой, иногда в дополнение еще драгоценными камнями, перегородчатой эмалью, инкрустацией, чернью и самоцветами. В книгах для императора страницы красились в пурпур, а текст зачастую писался золотом. Переплет тоже, как правило, окрашивался в пурпур, но обложка могла быть и золотой, украшенной перегородчатой эмалью. Евангелия, изготовленные по такому образцу, называются Пурпурные кодексы.

Развитие просвещения в Византии достигло своего пика приблизительно между 842 годом и началом XII столетия. В этот период образованный и энергичный прелат Фотий формировал новое поколение интеллектуалов. Святые братья Кирилл и Мефодий разрабатывали кириллический алфавит для обращенных в христианскую веру славян. Барда Кесарь, преданный почитатель Фотия, основал университет Магноры. Лев VI, ученик Фотия, тратил свой досуг на создание богословских трудов, некоторые из них до сих пор используются в православном мире. Константин VII Багрянородный написал труды непреходящего значения. А Михаил VII, ученик и друг Пселла, настолько увлекся познанием и искусством, что при всех стараниях не мог реорганизовать армию, морально раздавленную крупным поражением при Манцикерте, и тем самым подверг опасности свое дальнейшее нахождение на троне. Всего лишь несколько лет спустя Анна Комнина, дочь Алексея Комнина, была сослана в монастырь собственным братом. Она проводила время в описании жизни своего отца, создав одну из лучших в мире биографий.

Детство святого Кирилла не было необычным для IX столетия. Мальчик родился в семье зажиточных, даже богатых аристократов в Фессалониках в 822 году и получил имя Константин. В 14 лет он потерял отца. Когда это стало известно в Константинополе, императорский канцлер, который слышал немало хорошего о Константине, написал письмо его матери, предложив ей отдать сына в императорскую школу, где обучался и будущий Михаил III (842-867). Школа была лучшей в стране. Мать Константина приняла предложение и отправила мальчика в Константинополь. Он поступил в школу в 16 лет. Через три месяца Константин выучился на грамматика и смог перейти к более сложным предметам, изучая геометрию с великим математиком Львом, диалектику и философию с не менее известным и выдающимся Фотием, дважды занимавшим пост патриарха Константинопольского. Кроме того, он осваивал риторику, астрономию, арифметику, музыку и, выражаясь словами его современников, «прочие эллинистические искусства». Любопытно отметить, что в этом перечне не упоминается богословие. Константину было 22 года, когда он, закончив школу, стал библиотекарем патриарха в соборе Святой Софии. Небезынтересно будет сравнить его с Пселлом, который около двухсот лет спустя продолжал свое образование до 25 лет, посвятив последние годы ораторскому мастерству, дедуктивной и индуктивной философии, естественным наукам и математике. Помимо обязанностей библиотекаря, Константин также служил секретарем или личным помощником бывшего учителя, патриарха Фотия. В этот период своей жизни он стал духовным лицом и вступил в церковь под именем Кирилл. Его назначили дьяконом и предложили пост профессора философии в школе, где он учился. Это была высокая честь, поскольку помимо работы в школе ее профессора еще выступали как советники императора по искусству. Тем не менее Кирилл сначала отказался от должности и принял назначение только в 850 году. Приблизительно за десять лет до того он оставил учительство, чтобы заняться миссионерством с братом Мефодием, сначала среди волжских хазар, а позднее среди славян Центральной Европы, для которых он придумал алфавит, до сих пор носящий его имя.

Как правило, девочки были образованы хуже, чем их братья. Однако, если мальчики учились дома, девочкам разрешалось присутствовать на их уроках. Но девочки не могли поступать в университет, если им хотелось продолжить обучение, а должны были заниматься только с частным преподавателем. Тем не менее многие женщины были хорошо образованы. Дочери Константина VII Багрянородного выделялись своей эрудицией. Талантливая Анна Комнина просила простить ее за безрассудство в описании жизни ее отца, поскольку ей не хватало «учености Исократа, красноречия Пиндара, пылкости Полимона и Каллиопы {14} Гомера, а также лиры Сапфо», но ей удалось создать труд столь же бесмертный, что и произведения этих людей. Она вышла замуж за Никифора Вриенния, который сам был уважаемым историком. Ирина, дочь великого логофета Феодора Метохита, была выдающимся ученым, как и многие другие женщины. Немало из них выучивались на врачей и работали в женских отделениях больниц, где считались равными коллегам-мужчинам.

К IX веку Патриаршая школа в Константинополе считалась лучшим религиозным учебным заведением. Все ее преподаватели были дьяконами собора Святой Софии. Маленькие дети, поступавшие в школу, получали то же общее образование, что и ученики светских школ, а именно: одна группа специалистов обучала их предметам, включенным в грамматику, другая - включенным в риторику, третья - включенным в философию. Любого из этих учителей могли вызвать на день рождения императора или похожее событие для исполнения обязанностей «оратора короны». Кроме того, ученики проходили полный курс религиозных наставлений. И опять все предметы разделялись между тремя группами учителей. Директор школы лично занимался с детьми Евангелием. Другие преподаватели разбирали послания апостолов, третьи - псалмы. Эти учителя могли также выступать в роли судебных ораторов. Вскоре к ним присоединились знатоки Ветхого Завета, а сама школа стала еще и педагогическим университетом. На этом этапе священники и миряне обучались раздельно в целях подготовки образованных людей, как на посты высшего духовенства, так и на посты преподавателей. Приблизительно с X века люди всех возрастов стали собираться во дворе школы, чтобы обсудить образовательные методики. К тому времени эта школа уже относилась к церкви Святых Апостолов. Это величественное здание стояло на самом высоком холме Константинополя. В большей степени из-за своего заметного расположения оно было разрушено, а его сокровища разграблены султаном Мехметом. Через несколько лет после завоевания Константинополя его место заняла мечеть. Потеря этого храма - одна из печальнейших утрат в истории Византии. В византийские времена грамматики, риторики и диалектики встречались в притворе церкви, чтобы обменяться мнениями, а медики, математики и те, кто занимался геометрией и музыкой, обосновывались в атриуме. Когда споры становились слишком жаркими, просили вмешаться патриарха.

С самого начала византийские императоры были уверены, что Константинополь, «новый Рим», должен стать столицей мира, а также его политическим центром. Древние языческие университеты Афин, Александрии, Бейрута и Антиохии славились задолго до возникновения Константинополя. Христианский центр высшего образования был основан в Александрии в III столетии. Вскоре открылась Христианская академия в Кесарии. За ней последовали центры христианского просвещения в большинстве крупных городов Востока империи. Константин I придавал большое значение образованию. Для его поощрения, а также чтобы обеспечить администрацию просвещенными чиновниками, он основал академию в новой столице. Преемники Константина на троне разделяли его заботу и внимание к этому учебному заведению. Но только Феодосий II в 425 году превратил Константинопольскую академию в серьезный университет, контролируемый и поддерживаемый императорами. В этом начинании его искренне поддержали внук и даже жена, афинянка Евдокия. По рождению она была язычницей, дочерью профессора риторики Афинского университета, столь мощного оплота язычества, что Юстиниану пришлось закрыть его в 529 году. Выйдя замуж, Евдокия стала преданной христианкой, но не утратила своей страстной любви к произведениям греческой литературы, которую ей привил в детстве отец. Возможно, благодаря именно ее усилиям уже тогда греческий занял столь же важное место в учебном плане первого Константинопольского университета, сколь и латынь. Новое учебное заведение получило десять вакансий профессора латыни, десять - профессора греческого и, кроме того, три вакансии риторики. Занявшие должности профессоров латыни назывались «ораторами», а профессоров греческого - «софистами». Императоры, назначавшие и увольнявшие университетских преподавателей, иногда посещали занятия, хотя обязанность передавать на рассмотрение списки кандидатов на должности профессоров лежала на сенате (по крайней мере, до XV века, когда ее переложили на великого логофета). На эти должности выбирались миряне и священники в предпочтение монахам. Многие из профессоров на каком-то этапе их карьеры назначались на службу императору в качестве послов и таким образом оставляли учительское поприще.

Светское образование в Константинополе не только следовало христианским принципам, но и обращалось к прошлому за основными дисциплинами (а именно за теми, кото-

рые группировало под наименованием «грамматика» и «риторика»), поэтому по крайней мере до VI века даже изучение античности происходило в соответствии с христианской доктриной. Так, например, философия, хотя и была крепко связана с математикой, оказалась прикреплена к богословию и в результате подчинилась христианству. Тем не менее до того, как Юстиниан закрыл университет в Афинах, многие молодые константинопольцы отправлялись туда для завершения образования. Однако через сто лет после своего основания Константинопольский университет стал слишком мал для неуклонно растущего населения. С падением Александрии, Бейрута и Антиохии он оказался единственным университетом, доступным для христиан. Студенты всех сословий потянулись туда. К IX веку среди них насчитывалось немало иностранцев: представителей Востока, славян, грузин, армян и, несколько позднее, итальянцев. В 856 году Кесарь Барда, дядя и первый министр Михаила III, решил, что столице необходим второй университет. Он основал его во дворце Магнара и, возможно, из-за того, что там уже находился религиозный институт, оставил своему детищу исключительно светский учебный план. Много студентов прослушали его курсы до X столетия, когда он был закрыт, вероятно, по велению Василия II. На вершине своей академической карьеры Фотий, который станет известен как патриарх Константинопольский, преподавал в столице грамматику, риторику, богословие и философию. Претворяя в жизнь планы Кесаря Барды, он основал светские библиотеки, в которых можно было без всяких сложностей найти труды Платона или греческих драматургов. Фотий также взялся за решение обременительной задачи: составление «Мириобиблиона», в котором понятия располагались пусть и не в алфавитном порядке, но, как в современной энциклопедии, сосредотачивалась вся основная информация о грамматике, истории и литературе, содержащаяся в работах, написанных с древних времен. Просвещение продолжало развиваться и после смерти Фотия. Через двести лет школа, прикрепленная к Большому дворцу, превратилась в «институт исторических изысканий».

В 1045 году в Константинополе был открыт третий университет, специализировавшийся исключительно на подготовке людей для государственной службы и судопроизводства. С этого момента разрешение на практику выдавалось только юристам, окончившим этот университет. Через несколько лет Константин IX Мономах учредил в нем кафедру философии. В итоге там стали преподавать и богословие, и античную литературу. Хотя особое внимание уделялось все-таки философии и римскому праву, культура Древней Греции также входила в программу. Вошло в традицию студентам начинать обучение с освоения грамматики, риторики и диалектики; затем они переходили к арифметике, геометрии, музыке и астрологии, а заканчивали философией и углубленными курсами. Последний курс читал Михаил Пселл. Он был самым выдающимся ученым своего времени, человеком, который более других воплотил в жизнь мечты и Кесаря Барды, и Константина IX. Он стал хранителем древних традиций и в то же время первым сторонником живой, оригинальной мысли. Таким образом, Пселл участвовал в формировании нового взгляда на жизнь, который лучше всего описать словом «гуманистический». Красноречивее всего он проявится в искусстве XII века.

Несмотря на то что интерес к работам Платона способствовал распространению такого гуманистического мировоззрения, он вызвал расхождение во взглядах между духовенством и светскими учеными. Опасаясь, что возврат эллинизма приведет к возрождению идолопоклонства или даже язычества, священнослужители старались противопоставить мистицизм реалистичному, пытливному подходу, пропагандируемому светскими учеными. Тем не менее представители высшего духовенства продолжали изучать грамматику, философию и поэзию наряду с житиями святых и комментариями к религиозным текстам. Теперь в монастырских библиотеках должны были храниться не только религиозные и медицинские книги, грамматики и словари, но и труды Аристотеля.

Когда в 1204 году двор переехал в Никею, центр просвещения последовал за ним, но продолжал искать вдохновения в Афинах и после возвращения императора в Константинополь. В 1261 году древнегреческое литературное наследие стали изучать с еще большим увлечением, чем до латинской оккупации. В то же время восточное (персидское и монгольское) влияние, принесенное в столицу трапезундскими учеными, и западные идеи, озвученные латинянами, создали новую интеллектуальную энергию и креативность в искусстве, столь же выдающемся, сколь и во времена расцвета Византии. Типичным представителем того периода можно назвать Феодора Метохита (1260-1332), великого логофета императора Андроника III. Он был и прославленным философом-гуманистом, и выдающимся ученым, придавал большое значение математике и прикладывал немало усилий, чтобы отделить изучение астрономии от астрологии. С древних времен астрология связывалась и в умах простого народа, и в умах астрономов с магией. В результате к алхимикам относились с тем же уважением, что и к ученым-мыслителям. Почитатель Платона и Аристотеля, хотя и не разделявший метафизических воззрений последнего, Метохит обладал понастоящему энциклопедическим багажом знаний, которые соединялись в нем с высокохудожественным восприятием мира. На собственные деньги он построил один из красивейших памятников поздневизантийского искусства: идеально гармоничную, изысканно украшенную церковь Христа Спасителя в Константинополе.

Почтение, оказывавшееся магии в обществе столь глубоко религиозном, столь и интеллектуально развитом, как византийское, трудно объяснить. Ни глубокие религиозные чувства, ни многочисленные хорошо подготовленные профессиональные врачи не могли поколебать веру, которую даже самые высокопоставленные сановники проявляли в заклинаниях, колдовстве и консультациях у странствующих целителей. Однако серьезные исследования проводились и в сфере медицины, ботаники и зоологии. Освоение медицины базировалось на учении Гиппократов в соединении с методами, пропагандируемыми врачамисамоучками (например, Александром из Тралл в VI веке), которые основывали многие свои выводы на опыте, наблюдении и здравом смысле. Достаточное количество врачей подготавливалось ежегодно, чтобы обеспечить комплектацию персонала не только государственных больниц, но и лечебниц, прикрепленных к монастырям и сиротским приютам. Тем не менее в Византии не было достигнуто никаких успехов, сравнимых по значимости с успехами медицинских школ Запада, например в Болонье или Париже.

Лучшие византийские доктора обычно прибегали к очистке кишечника и кровопусканию, каковые считали самыми надежными средствами от болезней. Видные врачи постоянно расходились во взглядах на то, как лучше лечить больного. Анна Комнина в своих трудах сокрушалась о неэффективности работы докторов, собравшихся у смертного одра ее отца. Еще меньше важных достижений было сделано в области ботаники и зоологии.

Хотя писалось множество книг о растениях и животных с иллюстрациями, все они скорее оставались изложением уже известной информации, чем отчетами о новых открытиях. Византийские географы также не внесли особой лепты в мировое знание. Но с другой стороны, была очень развита картография. Карты использовались широко. Многие важные открытия были описаны в книгах, которые писались в форме дорожных дневников, сборников рассказов путешественников и живописных описаний.

Несмотря на то что византийцам больше нравилось изучать уже существующие дисциплины, а не исследовать новые области знаний, их страсть к просвещению отличалась искренностью и глубиной. Это отражено в отношении Феодора II Никейского, который в тяжкую годину латинской оккупации Константинополя настаивал на том, что «каковы бы ни были нужды войны и защиты, необходимо находить время на возделывание сада просвещения». Хотя византийцы и не оставили нам великой светской литературы, шедевры которой выдерживали бы сравнение с древнегреческими и римскими, они в итоге смогли передать Европе наследие, за которое достойны благодарности.

До наших дней дошло очень мало светской поэзии, и большая ее часть кажется нам сегодня довольно скучной. Ее редко писали для чтения, скорее для прослушивания, распевания или декламации, поскольку зачастую поэт и музыкант соединялись в одном человеке. Как в средневековой Европе, в Византии он зависел в материальном смысле от своего покровителя, для которого и создавал львиную долю своих сочинений. Ему также приходилось играть определенную роль на мероприятиях, например на празднике весны или бромелии, на карнавалах, в цирке и в некоторых шествиях, когда аудитория с удовольствием внимала мадригалам и серьезным стихотворениям. Поэмы, написанные Писидой на тему великого похода Ираклия против персов в 622 году и арабских налетов на Константинополь в 626 году, слушателями принимались прекрасно и сравнивались с шедеврами Еврипида.

Древние греки сопровождали своим светским песням и танцам на флейте и цитре. Византийцы добавили к ним орган, цимбалы и лиру. Предполагалось, что Феофил, обожавший арабскую культуру и танцы арабских девушек, познакомил соотечественников с лирой, но на самом деле этот инструмент, должно быть, знали задолго до того. Музыканты придумывали мелодии для всех этих инструментов с помощью 16-нотной гаммы для

светских пьес, которую предпочитали 8-нотной, использовавшейся для религиозных. До IX века музыкальные произведения передавались от одного человека к другому, но потом была разработана система нотации. Она настолько отличается от западной, что ученые начали разбираться в ней совсем недавно. По этой причине, а также из-за того, что очень мало записанных мелодий дошло до нас, наши знания даже о религиозной музыке Византии крайне скудны.

Самые прекрасные гимны писались скорее ритмичными, чем рифмованными стихами. Многие до сих пор используются в качестве церковных песнопений в православии. Их создавали как миряне, так и священнослужители, которые нередко придумывали собственные мелодии. Они исполнялись голосом без аккомпанемента, но делалось различие между исполнением колоратурой и речитативом. Преимущественно из-за того, что первый известный сборник гимнов происходил из Сирии, возникло предположение о том, что певческая часть православной службы (то есть литургия) имеет восточные корни. Однако эта теория до сих пор не нашла подтверждения. Сборник церковных гимнов датируется VI веком и представляет собой труд некоего Романа, еврея из Нисианы, что в Сирии, который крестился, переехал в Константинополь и стал дьяконом. Император Юстиниан написал несколько великолепных гимнов и прекрасных богословских работ в прозе. К VIII веку греческие гимны пользовались такой любовью в Западной Европе, что Карл Великий заказал перевод избранных гимнов на латынь.

Несмотря на всю значимость этих произведений на Западе, все же величайший вклад византийцев в европейскую церковную музыку был сделан благодаря возрождению органа в Европе в 757 году, когда император Константин V послал его в подарок королю Франции Пипину. Хотя то был первый воздушный орган, появившийся в Европе, его нельзя считать первым органом такого типа и его игру уже слышали в западном мире раньше. Гидравлические органы, вероятно, изготавливались еще в III веке до н. э. Их изобретение приписывается Стерибью Александрийскому. Инструмент стал известен в Риме в I веке н. э. Он пользовался большим успехом и оставался популярным до времен Августина. Потом на нем перестали играть, и вскоре его забыли в Риме, но не на Востоке, где византийцы заменили гидравлический тип на новый, в котором потоки воздуха проходили через трубы различной длины. К VIII веку, когда в Европу завезли усовершенствованную версию, византийцы изготавливали органы нескольких типов. В основном они делались очень громоздкими, но некоторые было легко транспортировать, поскольку есть сведения, что император Константин VI (780-797) и его мать Ирина смогли взять их с собой, когда выезжали на позиции армии во Фракию. В Византии этот инструмент, по всей видимости, использовался на светских мероприятиях, но на Западе его считали более подходящим для церкви, поскольку на нем часто играли в монастыре Святого Галла, где и другие виды византийской музыки были подстроены под западные вкусы. В 873 году папа

приложил немало усилий, чтобы повысить его популярность, назначив орган, как и человека, способного на нем играть, из владений епископа Анно Фрейзингенского.

Византийцы повсеместно читали мученичества, или жития святых. Первый сборник в виде книги был составлен в VI веке Кириллом Скифопольским на сирийском языке. Его появление может быть связано с «Книгой рая» Палладия - так назывался его труд, описывающий сомнения в истинности чудес и случаев, приписываемых отшельникам и праведникам египетской пустыни. К исходу VI столетия вышла еще одна книга житий, написанная Иоанном Мосхом. С этой поры их количество умножалось и включало в себя истории, изложенные в форме поучительных романов. И документальные, и выдуманные произведения стали невероятно популярны среди всех слоев общества; беллетристика заняла то же место по отношению к подлинным историям, что и апокрифы Евангелия.

Византийцы были наделены таким же сатирическим складом ума и живым интересом к политике, как и современные греки, но обладали меньшими возможностями их проявить. Тем не менее писались и политические памфлеты, которые имели хождение в обществе. В салонах знати особым успехом пользовались эпиграммы. Молодые люди, способные выдать тонкую остроту, купались в восхищении окружающих. Хотя многие из этих эпиграмм обыгрывали классические сюжеты, большинство были весьма злободневны. Феодор II Ласкарис придумал немало колких шуток. Удачные стихи собирались в антологии, в которые также включали анаграммы и шарады. Профессиональные писатели уделяли много времени созданию панегириков императору, надгробных речей, проповедей, основанных на принципах, заложенных риториками; все эти произведения изобиловали мифологическими аллюзиями, поскольку древнегреческая литература оставалась источником всеобщего наслаждения. Также всем очень нравились мемуары. Письма писались не только для того, чтобы порадовать друзей, но и в качестве литературного упражнения; в этом случае их адресовали вымышленным людям. Читатели, любившие письма как литературный жанр, также находили удовольствие в романах и новеллах. Новелла (то есть маленький рассказ) пришла в Византию, когда Иоанн Дамаскин перевел на греческий историю Варлаама и Иосифа, которая была очень популярна при дворе халифов династии Омейядов. Название рассказа несколько не соответствует содержанию, поскольку изначально он представлял собой индийскую версию жизни Будды. В греческой же версии Будда превратился в Иосифа. Многие романы повторяли по форме эту первую новеллу. Один из известнейших повествовал о любви Феагена и Хариклеи. Историй, подобных этой, появилось множество, и все они пользовались любовью в Константинополе, что привело к их распространению на Запад, где они снискали немало почитателей, в том числе и Расина.

Хотя основная масса сельского населения была образована хуже, чем городские жители, считается, что многие из них знали грамоту. Тем не менее к ним в руки приходило мало книг. Их умственная деятельность сводилась к изучению трактатов по магии и предсказанию оракулов, к просмотру редких инсценировок Страстей Господних в местной церкви, где с IX века все роли игрались священнослужителями, и к прослушиванию песен и сказаний в исполнении певцов и странствующих рассказчиков.

«Рабочий класс», независимо от того, жил он в деревне или в городе, особенно любил фарс и грубую сатиру. Эти жанры играли в их жизни такую же роль, как эпиграммы в жизни их хозяев. Некоторые шутки пришли к ним из классических произведений, а некоторые появились благодаря восточному влиянию. К IX столетию самые популярные скетчи были собраны в антологии. Они выходили под названиями: «Усердный и хитрый адвокат», «Скупой», «Плут», «Болваны» и так далее. Эпические поэмы оставались тем не менее самыми излюбленными песнями. Одна из них, неизменно доставлявшая удовольствие представителям всех сословий и сохранившаяся благодаря своей неувядающей популярности, называется «Поэма о Василии Дигенисе Акрите» (то есть охранителе границ, рожденном от двух народов). Вдохновением для нее в большой степени послужила борьба против мусульман в IX и X веках, борьба, которую вели в основном представители фем, или «пограничники». Ее герой воплощает в себе противостояние византийцев сарацинам, но поэма открывает нам, что враги испытывали определенное уважение и даже приязнь друг к другу. Такое отношение также отражено в истории, поскольку взаимное почтение между Саладином и его противниками-христианами позволяло регулярно обмениваться пленными и проводить другие гуманные действия. Предполагается, что эта поэма основана на жизни реального лица, Пантерия. Его родители были представителями разных народов и верований: мать принадлежала к известному византийскому семейству Дук, а отец был арабским эмиром, принявшим христианство из любви к ней. Пантерий поступил на государственную службу при Романе Лакапине и в 941 году помог отразить опасную атаку киевских войск. В поэме «Дигенис Акрит» описывается, как сын человека, занимавшего трон не ниже эмира Эдессы, либо похитил, либо сбежал с дочерью греческого стратига Андроника Дуки, а потом женился на ней. Первая часть поэмы посвящена этим событиям. Вторая, более поздняя часть повествует о начале жизни Дигениса. С различными отступлениями она рассказывает о детстве и образовании, о рыцарских поступках, которые он совершал в отрочестве, о его мужестве и любви к прекрасной Евдокии, дочери христианского правителя, который убивал любого, кто осмеливался посвататься к ней. Дигенис умудрился бежать с ней, но разъяренный отец пустил за ними в погоню своих слуг. Юноша и девушка одолели многие трудности и своей смелостью заслужили уважение ее отца. Он дал согласие на их свадьбу, которая праздновалась с большой пышностью и весельем. После этого на долю Дигениса выпало немало приключений, которые описаны ярко и жи-

вописно. Среди них есть рассказ о встрече Евдокии с драконом, после чего последовали события, похожие на те, что случились со святым Георгием, схватка Дигениса с Максимо, индийским потомком Александра Македонского. Эта часть поэмы отражает любовь к приключениям и ратным подвигам, блеску и отваге, связанным с европейским рыцарством, немного с храбростью Роланда и стремительностью Робина Гуда; все это преподносится с чосеровской едкостью. В последней части поэмы Дигенис и его жена живут в роскоши в прекрасном дворце на берегу Евфрата. Их жизнь становится безмятежной, но Дигенис, любивший плавать в реке, умирает после купания в ее ледяных водах.

В XI веке многие крупные землевладельцы оставляли свои поместья и переезжали в Константинополь. Привыкшие к образу жизни в Малой Азии, они настолько не сочувствовали новоплатоническим взглядам, укрепляющимся в столице, что почти совсем не принимали участия в ее интеллектуальной жизни, образовали собственное сообщество, где вдали от господствующей тенденции посвящали время легендам, фарсам и сатирическим произведениям, которыми во времена проживания за городом их забавляли странствующие артисты, и слушали с неуклонным интересом сказания о Василии Дигенисе Акрите.

Глава 10 Художники и скульпторы

Вкусы и ментальность народа лучше всего сохраняются в искусстве. Оно олицетворяет его самые высокие стремления и впечатляющие достижения. Искусство Византии ясно отражает национальный гений, потому что четкое разделение между религиозным и светским искусством не мешало византийским художникам. Поскольку обе эти ветви развивались бок о бок, художникам предоставлялось достаточно возможностей выразить себя. Хотя в религиозном искусстве не было места юмору или фантастике, мозаичные полы Большого дворца доказывают, что эти элементы нашли отображение в светском искусстве. Непокорный мул сбрасывает седока и резко лягает его в спину - сценка в духе «черного юмора». Архитектурные детали на том же полу в форме темпиеггас, или фонтанов, говорят о том, что воображение архитектора было развито не меньше, чем у его коллег в Помпеях. Все эти великолепные виды искусства, без сомнения, присутствовали в изобилии. Записи содержат множество ссылок, свидетельствующих о роскоши убранства императорских покоев в Большом дворце. И это не единичный случай. Описание дома и сада Дигениса Акрита доказывает, что и частные лица посвящали размышления и заботы интерьерам, в которых проводили свои дни, столько же времени, сколько и императоры.

Согласно сохранившимся записям, зимние покои императора в Большом дворце в Константинополе строились из караимского мрамора, полы из белого проконесского мрамора, а стены украшали фрески на религиозные сюжеты. В Жемчужном павильоне, возведенном для летнего периода, мраморные мозаичные полы, по словам современника, напоминали «поле, покрытое цветами». Стены спальни были облицованы порфиристыми листами, зеленым мрамором из Фессалии и белым караимским; на стенах других комнат смальтовые мозаики изображали охотничьи сценки. Результат получился настолько впечатляющим, что комнату стали называть «палатой музыкоса», то есть гармонии.

Мозаичные полы Большого дворца - прекраснейшие в своем роде из всех известных нам, но дальнейшие раскопки могут открыть миру другие образцы, сравнимые с ними по красоте и безмятежности. Безмятежность, безусловно, является ключом, который открывает дверь в волшебный мир византийского искусства. Византийское искусство не драматично: даже огромный купол константинопольского собора Святой Софии на первый взгляд не ошеломляет вас, но постепенно переполняет восхищением, потому что это искусство величественно. Даже в мелком масштабе, требуемом для иллюстраций, переносных мозаик, где каждый камушек чуть больше булавочной головки, или пластин с перегородчатой эмалью, многие из которых по длине и ширине не больше двух сантиметров, все предметы сохраняют высокое качество работы. Также византийское искусство в чистом виде (без примеси сирийского или восточного влияния) не отличается эмоциональностью. Напротив, оно пронизано глубинными, но сдерживаемыми чувствами. Более того, оно нечасто передает прелестные сцены, однако за редким исключением являет собой истинную красоту и прекрасно выполняет свое основное назначение. К тому же оно поразительно самобытно, его невозможно спутать ни с чем другим.

Не менее важным достижением византийских художников была их способность превращать пробные шаги или второстепенные формы искусства в нечто абсолютно новое и столь значительное, что они не только переходили в разряд первостепенных форм искусства, но и определяли стили, которые в будущем оказали серьезное воздействие на европейское искусство. Так, в архитектуре именно они ввели церкви с куполами. В религиозном искусстве создали стиль, преимущественно в иконописи, который во многом отозвался в работах итальянских примитивистов, а также сформировал основу религиозного искусства, со временем ставшего характерным для православия. Наконец, в украшение интерьера они ввели смальтовую мозаику, как прекраснейшую, роскошнейшую форму декорирования стен, и «опус сектиле», то есть геометрическую мозаику из больших кусков камня или мрамора, которой выкладывались полы.

Византийцы строили свои первые церкви в соответствии с формами и техникой, которые унаследовали сначала от античного мира, а затем от восточных соседей. Они покрывали крышей греческий храм в форме базилики, который им передали римляне, с деревянными балками, и оставляли апсиду, которую добавили римляне для трона «юдекса», то есть судьи; византийцы же устраивали там алтарь. Они также нашли применение круглым зданиям, которые римляне использовали в качестве мавзолеев для знати и которые, как и Пантеон, венчали куполом из камня. Приблизительно до VI столетия, хотя ни одна из этих форм не подходила полностью для христианства, необходимость в церквях стояла так остро, что проще и дешевле было строить их без изменений. Из двух этих видов приспособо-

бить базилику к нуждам христианской церкви оказалось легче: алтарь размещали в центральной апсиде, а внутреннее пространство без всяких трудностей делили на нефы пилястрами или колоннами, которые также поддерживали галереи для молящихся женщин. Вскоре канонм стали три нефа, хотя в исключительных случаях делали и пять. В VI веке центральная апсида стала шире остальных. Великолепным примером этого стиля может служить собор Святого Димитрия в Фессалониках, возведенный в V столетии и реконструированный в VII веке. В 1917 году он серьезно пострадал от пожара, но, несмотря на потерю большей части его прекрасных росписей, впоследствии был восстановлен в точности.

К VI веку архитекторы клали пяточные блоки капителей колонн, чтобы поддерживать галереи, но вскоре скульпторы придумали капитель, выполнявшую обе функции в едином куске камня. Также в VI веке появилась традиция пристраивать с западной стороны поперечную комнату, которую называли «эксонартекс». Тем не менее только в XIII столетии в церквях появились паперть и отдельно стоящие колокольни. Это произошло в основном под влиянием Запада, поскольку изначально церковные колокола в Византии не использовались. Вместо этого, так же как в наши дни в некоторых монастырях Греции и Балкан, верующих собирал на молитву «симантрон» - деревянный брус, по которому били деревянной колотушкой.

Хотя базилика вполне подходила ранним христианам в качестве храма, византийская концепция Вселенной была такова, что купольная церковь вписывалась в нее лучше всего. Византийцы представляли себе Вселенную в виде перевернутого конуса, четко разделенного на части, как их общество. Так, на самой вершине небесной сферы парили Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой и Богородица. Ниже находился святой Иоанн, окруженный архангелами, серафимами, херувимами и ангелами. Еще ниже располагались евангелисты, пророки, отцы церкви и множество святых и праведников, мужчин и женщин. Отделенный от них эфиром, на самой вершине земной сферы стоял император, сопровождаемый патриархом, своей семьей и придворными. А далее находились остальные люди в соответствии с их социальным положением. Тем не менее здания с круглым основанием и куполом, который для византийцев лучше прочего символизировал небеса, не подходили для проведения христианских ритуалов, которые требовали фокусной точки, как апсида, для алтаря. С другой стороны, переход от квадратной к прямоугольной горизонтальной проекции и круглой крыше был трудноосуществим. Проводились эксперименты с колоннами, которые создавали центральное восьмиугольное основание в квадратном здании и позволяли увенчать куполом центральную часть, но результат не устраивал строителей. Сейчас решение кажется элементарным, но в те времена оно стало революцией в архитектуре и помогло даже не очень опытным архитекторам возводить здания с куполом.

Ответ лежит во вставке по углам квадратного здания треугольных секций каменной кладки с закругленными сторонами, которые называются парусами; их широкие окончания на вершине стены слегка наклонены внутрь, чтобы сделать переход к крыше круглым. Похожего результата можно добиться, если пристроить над прямыми углами здания маленькую навесную, так называемую подпружную, арку. Вряд ли византийцы изобрели оба этих способа, поскольку к тому времени парус уже использовался в Сирии, а подпружная арка - в Персии, но именно византийцы первыми оценили весь потенциал обеих форм и начали пользоваться ими, продлевая стены квадратных и прямоугольных строений, чтобы добиться крестообразной горизонтальной проекции. Здания, построенные таким методом, отлично подходили для нужд церкви, ибо их форма помогала напоминать верующим о страданиях Христа на кресте, а купол в центре символизировал небесную сферу.

Раскопки, в настоящее время проводимые в Константинополе, наводят на мысль о том, что купольные церкви нового типа существовали там до того, как Юстиниан выстроил четыре прекрасные церкви, связанные с его именем. Разрушения, которые претерпел Константинополь во время восстания «Ника», побудили Юстиниана провести эксперимент в области нового стиля. Для церкви Святой Ирины, строительство которой началось в 532

году, сразу после подавления восстания, он выбрал трехнефный базиликовый тип с куполом над главным квадратом, поддерживаемым в данном случае кирпичными пилястрами. И у всех архитекторов в будущем мраморные колонны или пилястры из кирпича или камня, покрытые штукатуркой, не только поддерживали галереи, но также разгружали подпружные арки или паруса, несшие на себе тяжесть куполов. Если для поддержания арок использовали колонны, на капители помещали пяты, но там, где стояли пилястры, арки выходили прямо из них; эта форма поддержки была, очевидно, первичной.

Разрушение собора Святой Софии, детища Константина I, во время восстания «Ника» расценивалось как национальная катастрофа. Этот храм был не только первым в Константинополе, но также с самого начала задумывался как официальный первоисточник христианства. Он играл столь важную роль в жизни византийцев, что Юстиниан во всеуслышание заявил о своем намерении возвести на месте разрушенного собора новый с тем же названием, который превзойдет по красоте все церкви христианского мира. Архитектору он нанял математика Анфимия из Тралл, который, вероятно, был армянином, и некоего Исидора из Милета. Работая в тесном сотрудничестве с Юстинианом, они использовали все известные в те времена архитектурные приемы и построили всего за пять лет одно из крупнейших, сложнейших и самых потрясающих зданий в мире. Его воздвигли с таким мастерством и такой тщательностью, что оно выдержало землетрясения, бомбардировки и различные другие напасти за почти 1500 лет и никогда не переставало вызывать удивление и восхищение у всех, кто его видел.

Строительство началось в 532 году. По форме собор Святой Софии - трехнефная базилика, его центральный неф гораздо шире боковых. Он имеет 73 метра в длину и 68 в ширину. Но самыми выдающимися его характеристиками являются высота (стены вздымаются на 55 метров от уровня пола) и диаметр (30 метров) невероятно широкого, на удивление низкого и плоского купола. Пилястры и колонны вместе поддерживают галереи, где скамья императрицы занимала все западное крыло с видом на алтарь. Четыре огромных пилястра несут на себе вес большого центрального купола и двух полукуполов по сторонам от него. Но именно центральный купол является гордостью собора. Он установлен так низко, что трудно представлять себе его основание в виде цилиндра. Его плавное закругление словно повторяет округлость небесного свода над морем. Без преувеличения это самый высокий купол в мире, оставшийся до наших дней, когда был изобретен метод строительства из бетона, самым большим в окружности и легким на вид. В самом деле, первый купол был слишком плоским и широким. Он рухнул в 558 году во время землетрясения и был сразу же успешно восстановлен с минимальными изменениями. Архитекторов всех времен изумляло его качество настолько, что сэр Кристофер Рен, вызвавшийся восстановить собор Святого Павла после Великого пожара в Лондоне, посылал своих людей провести замеры в соборе Святой Софии.

Купол считался уникальным. Даже Юстиниан и его архитекторы не пытались повторить его. Вместо этого при строительстве менее известной церкви Святых Апостолов в Константинополе, которая должна была исполнять роль императорского мавзолея, Юстиниан приказал возвести ее с горизонтальной проекцией в форме креста и увенчать каждую «перекладину», так же как и центр, куполом, но меньшего размера. Это решение положило начало новому стилю в архитектуре и новому силуэту на фоне неба, поскольку купол собора Святой Софии было почти невозможно воспроизвести, а пятии многокупольные контуры свода оказались вполне пригодными для бесконечных повторений и вариаций. Именно многокупольный тип церкви стал характерным отличием православного мира и послужил прообразом для собора Святого Марка в Венеции и других купольных церквей в разных странах.

В IX веке, когда иконоборчество было подавлено, начали строить церкви по все более усложняющимся проектам. Число двойных церквей, как церковь Святой Марии Панахрантус, и тройных, как церковь Христа Вседержителя, - каждую из которых до сих пор можно посетить в Стамбуле, - очень возросло, по крайней мере в столице. С течением времени барабаны куполов таких церквей стали выше, сами купола - меньше, а окна, прорубаемые в барабанах, - более вытянутыми вверх. После 1261 года, когда византийцы вернули себе власть в Константинополе, церкви начали строить еще меньше по размеру и камернее по обстановке, но их стиль и проект не поменялся. По крайней мере, в церкви Христа Спасителя сохранился роскошный интерьер, ассоциирующийся с эпохой большого процветания.

Римляне обычно использовали кирпич или камень для строительства, укрепляя оба вида материала цементом и возводя свод на деревянном кружале. Приблизительно до VII века в Константинополе принято было строить важные здания из больших глыб тесаного камня, но техника, вошедшая в практику в Византии, применялась уже в соборе Святой Софии. Она заключалась в использовании нескольких, преимущественно пяти, горизонтальных рядов кирпича либо нескольких рядов камня. Доказано, что этот метод применялся Феодосием II при возведении стен Константинополя. На византийском кирпиче с ранних времен ставилось клеймо или монограмма. По всей видимости, строители работали на глаз, а не по линейке, поэтому после раскопок их здания выглядят странно несимметричными. Каменщики прикладывали немало усилий, чтобы выровнять внешние стены с максимальной аккуратностью или покрыть их штукатуркой и краской. Фасады ранних церквей никогда не украшали скульптурами, но примерно с XIII века на внешних стенах из кирпича выкладывали декоративные узоры. В таких случаях стены не штукатурили. Иногда на них укрепляли глазурованные керамические тарелки, чтобы добавить яркие пятна. С XIII века в оформлении фасадов начали использовать скульптуры, как в соборе Святой Софии, но в Византии они не считались такой важной деталью и число их не было столь велико, как на Кавказе или в Западной Европе.

Но не только профессиональные строители вызывают наше восхищение. Византийские монахи время от времени сооружали здания, потрясающие своей красотой и величием. Они неизменно строили свои монастыри в живописнейших местах, часто на утесах, под-

няться на которые невероятно сложно. Прорубая длинные лестницы, они возводили огромные здания, примостившиеся на скалах, словно колонии губок. Монастыри, сохранившиеся на горе Афон, являются собой изумительные образцы формы. Хотя многие появились не так давно, они тем не менее отражают стиль византийской эпохи. Их строили либо из камня, либо из деревянных балок, которые представляли собой нечто вроде рам, заполняемых глиной. Из-за удаленности от людей монастыри зачастую окружались крепкой защитной стеной, в которой проделывались всего одни входные ворота. Через них можно было попасть во двор, в центре которого стояла главная монастырская церковь, а по бокам - второстепенные часовни. Вокруг двора шли галереи, на которых находились покои аббата, кельи монахов и комнаты для приезжающих гостей, без которых не обходился ни один монастырь. Трапезная располагалась обычно на первом этаже. В ней стояли столы D-образной формы, похожие на те, что присутствуют на византийских изображениях Тайной вечери. Строились монастырские здания из камня, перекрытия делались из мрамора или тесаного дерева. Кухни, кладовые, мастерские и винокурни, каждая из которых была неотъемлемой частью монастыря, также размещались в нижнем этаже, а библиотека - преимущественно в отдельно стоящей башне для защиты от пожара.

Не меньшими, чем монахи, мастерами в области архитектуры были ремесленники. Если в беднейших деревнях колодцы представляли собой простейшие конструкции из бревен, в богатых городах их щедро украшали и строили по классическим проектам. В этом случае, как и в других видах искусства, византийцы не выказывали особенного стремления к новшествам. Так, колодцы и фонтаны, изображенные в VI веке на мозаичных полах Большого дворца, и те же сооружения на фресковых мозаиках церкви Христа Спасителя XIV века показывают, что никаких заметных изменений в стиле за эти столетия не произошло.

Пристрастие византийцев к строгим формам, особенно во внешнем архитектурном виде ранних церквей, могло соперничать по силе только с их любовью к изысканному украшению интерьера. Их мастерство и богатство помогали создавать потрясающее внутреннее убранство. В особенности это касалось церквей и дворцов, которые, по их мнению, отражали различные части небесной сферы. Именно по этой причине даже в самых бедных приходах пытались украсить церкви с пола до потолка. Если позволяли средства, в церквях ранней постройки полы настилали тщательно подобранными мраморными плитами, как в соборе Святой Софии в Константинополе. В более поздние времена на полу выкладывались геометрические узоры. В мраморном полу (вероятно, XII века) Студийского монастыря в Константинополе в углах вмонтированы круглые камни. В них вырезали изображения зверей и другие рисунки, а пустоты заполняли либо мозаикой, либо резным камнем, либо мрамором другого цвета. Такие мозаичные полы стали очень популярны еще в X веке. Немного раньше появились полы с секциями каменной или мраморной мозаики, более грубые на вид, чем римские мозаичные полы. Эта техника называется «опус сектиле». Считается, что впервые ее использовал Василий I (867-886) в церкви Неа в Большом дворце. Со временем техника вырезания и «опус сектиле» слились воедино и произвели на свет такие потрясающие иконы, как икона Святой Евдокии, обнаруженная на раскопках церкви Святой Марии Панахрантус в Стамбуле в 1928 году. На ней фигура святой выдолблена в куске мрамора, ее лицо сделано из резной кости, а одежды - из инкрустированных камней, рамка же изготовлена в технике «опус сектиле».

На пике своего благополучия византийцы украшали интерьеры церквей преимущественно настенной мозаикой. Требовалось особое умение, чтобы достичь с помощью кусочков стекла такого же эффекта, что и с помощью мазков кисти, но они показали себя превосходными мастерами в столь трудной технике. Искусство настенной мозаики появилось не в Византии. Им пользовались еще в Помпеях и в раннехристианском Риме, где первые церковные мозаики располагались в апсидах. К VI столетию, когда были сделаны величественные фрески в Равенне, этот вид искусства уже выделился как самостоятельный. Его техника заключалась в том, чтобы укреплять стеклянные кубики нужного оттенка и размера в штукатурке, достаточно сырой, чтобы удерживать их. Стекло поступало к мозаичнику в

виде пластин. Его резали на полосы, которые потом делили на кубики нужной величины. Самые маленькие кубики использовали для таких мелких деталей, как глаза, а самые крупные - для одежды и фона. Цветовая палитра кубиков была невероятно богатой. Под некоторые кубики подклеивали золотую фольгу, которую удерживал тонкий слой стекла. Золотые вкрапления производили эффект живого, сверкающего изображения и отлично смотрелись на фоне, символизирующем рай. Византийские мастера делали их так искусно, что самые изысканные и тонкие их произведения не только радовали глаз, но и отражали свет.

В религиозных картинах и мозаиках византийцы, снова соединяя элементы древнегреческой культуры, римского и восточного искусства, со своей глубоко мистической и вместе с тем, по сути, очень земной концепцией физического строения священной иерархии, успешно трансформировали существующие стили в нечто абсолютно новое. Люди, изображенные византийцами, отличаются от простых смертных и внешностью, и облачением. На них свободные одежды (варианты классического костюма) ярких цветов, которые у нас ассоциируются с небом, расчерченным радугами или освещенным заходящим солнцем, поскольку небо - обитель немногих избранных - есть дно небесное. Чтобы подчеркнуть небесную природу цветов и аскетическую натуру персонажей, человеческие фигуры на картинах значительно вытянуты в высоту. Их лица не абстрактны, но и не полностью естественны. Их глаза, зеркала душ человеческих, значительно увеличены, по форме на-

поминают глаза на египетских погребальных портретах I века н. э. Губы, источник боли и наслаждения, принимают форму, изобретенную византийцами для выражения чувств. Тонкий, слегка сдавленный нос удлиннен. Лицам (покрытым морщинами от страданий, которые претерпевали хозяева сей плоти), хотя и имеющим доминирующие греческие черты, придавали треугольную форму, что отражало византийское понятие боли. С другой стороны, манера изображать людей в фас пришла с Востока. Использование свободно ниспадающих тканей, как в одежде, так и в полотнищах, повешенных на двух зданиях, чтобы указать на сцену, происходящую внутри (поскольку византийское искусство не изображало интерьеров), проистекает из Древней Греции. То же самое касается и некоторых почитаемых людей, например Иосифа, который своей внешностью часто напоминает какого-то древнегреческого философа. С другой стороны, византийский реализм пришел из Рима. А там, где эмоции вторгались в торжественность библейских картин, сказывалось сирийское влияние; драматические штрихи отсутствовали в искусстве Константинополя и Фессалоник.

Декоративные рисунки, помимо христианских символов, поначалу могли происходить от узоров, общих для Древней Греции, Рима и Помпей, но позднее восточные соседи Византии также подсказывали им мотивы, прекрасные необычные рисунки, придуманные мастерами Персии, Индии, даже Центральной Азии и Китая, которые очень нравились византийцам. Все эти многочисленные тенденции выступали в роли стимулов, побуждая византийцев создавать узоры столь разные, искусные, красивые и в некоторых случаях опережающие свое время, что их вполне можно принять за работы периода Ренессанса, если смотреть на них вне культурного контекста.

От росписи стен до росписи стеновых панелей был всего один шаг. И византийцы сделали его, не тратя даром времени, взяв за основу погребальные портреты Египта и создав икону. Те немногие, что дошли до наших дней, заслуженно стоят в одном ряду с величайшими живописными шедеврами христианства. Дважды византийское искусство превосходило самое себя. Оба периода считаются «золотым веком» истории Византии и наилучшим образом раскрываются в живописи и скульптуре. Первый «золотой век» получил импульс от Юстиниана, второй расцвел в те годы, когда талантливые представители Македонской династии правили империей. Иллюстрации книг, изготовленных в эти промежуточные времена, являются одними из самых красивых среди дошедших до нас. Переплетающиеся узоры, придуманные для начала и окончания глав, поражают изобретательностью и изяществом. Замысловатые заглавные буквы добавляли рукописи оригинальности, укра-

шения на полях в форме цветов, зверей или миниатюрные жанровые сценки оживляли страницы многих книг. Тем не менее главным их украшением стали полностраничные иллюстрации. Как только запрет изображать человека был снят, искусство религиозной иллюстрации стало развиваться по тем же канонам, что фресковая и иконная живопись. Однако интерес к рисованию портретов получил более свободный выход в иллюстрации, чем в крупных работах. Богатая галерея портретов императоров, знатных людей и состоятельных жертвователей сохранилась по сей день. Несмотря на всю их строгость и формальность, они все же великолепно передают человеческий характер, более того, отражают тот образ, который византийская знать тщательно пыталась придать себе на своем посту.

Многие императоры любили скульптуру. Уже в XI веке, когда скульптуры высекали по желанию Романа III (1028-1034), Пселл говорит о «камне из каменоломен, одна часть ко-его была расщеплена, другая отполирована, третья заготовлена для скульптур. А рабочие по сему камню подобны были Фидию, Полигноту и Зевксису». Тем не менее народ в целом меньше всего тянулся к этому виду искусства, чем к прочим. Это несколько удивляет, если вспомнить то наследие, которое Греция и Рим оставили Византии в данной области, но отсутствие интереса, очевидно, объясняется страхом перед тем, что скульптуры, расставленные по кругу, могут способствовать возрождению идолопоклонства, против которого следовало бороться если не в границах Византии, то уж во всяком случае в районах, которые посещали греческие миссионеры. Поначалу византийцы были преданными последователями римских традиций, без колебаний воздвигавшими статуи своим императорам и побуждавшими скульпторов запечатлеть их черты. До нашего времени сохранилось некоторое число бюстов Константина I. Они, так же как и статуя Валентиниана I в Барлетте, бюст Аркадия в Стамбуле, Феодора в Милане и Флакиллы, жены Феодосия, в Метрополитен-музее, доказывают, что византийцы были талантливыми портретистами. Первые из этих бюстов несут на себе отпечаток римского стиля, но, хотя в них больше жизни и характерных черт, они не так ярко выражены, как в более поздних работах. В ранневизантийские времена изготавливались резные саркофаги. Как и бюсты того времени, они твердо следуют классическим правилам. Ряд сидамарских саркофагов IV века украшен сценами на древнегреческие мотивы на фоне восточных витых колонн. Однако к тому времени византийцы уже предпочитали саркофаги попроще, украшенные лишь монограммой.

Примерно до VI века капители в византийских церквях делались в технике резьбы, придуманной, чтобы придать абстрактному, стилизованному или геометрическому узору вид кружева, что выделяло его на темном фоне. Особенно характерны для искусства Византии в целом плиты, на которых различные символьные или абстрактные мотивы изображены в виде барельефов. Однако увидеть весь гений византийских скульпторов мы можем в резьбе по кости. Хотя эти предметы малы по размеру, большинство из них монументальны по сути.

Резные костяные пластины являются самой важной частью византийского искусства. Не только Константинополь, но в ранневизантийский период Милан и Рим на западе, Антиохия и Александрия на востоке были главными центрами этого производства. Костяные пластины использовали консулы для объявления о своих назначениях, а также те, кто хотел сделать запись о своем браке. Прекрасная пластина (в настоящий момент хранящаяся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне) была изготовлена, чтобы отметить свадьбу между представителями семей Симаки и Никомаки. Еще больше украшенных пластин делалось, чтобы письменно зафиксировать коронации. В V и VI веках пластины с изображением религиозных мотивов скреплялись вместе и образовывали дароносицы - круглые или восьмиугольные сосуды для гостии. В то же время другие художники украшали пластины воплощениями Рима или Константинополя, находясь под тем же влиянием, под которым мастера по металлу создавали предметы с изображениями, олицетворяющими нации, города или реки. Другие предпочитали искать вдохновение в классической литературе, третьи - в жанровых сценках. Пластины собирались вместе, и из них получались двери, мебель, как трон епископа Максимиана VI века (сейчас хранящийся в Равенне), шкатулки для драгоценностей, как великолепный ларец из Вероли X века (находящийся в Музее Виктории и Альберта), обложки для книг и т. д.

Многие из ранних серебряных тарелок, изготовленных в императорских мастерских и имеющих императорское серебряное клеймо, свидетельствуют о таком же скульпторском таланте и интересе к классическим темам, как и ранние работы по кости. После падения иконоборчества, то есть в средний период существования византийского искусства, в моду вошли богато украшенные сосуды отличного, типично византийского вида. Рисунки на золотых, серебряных, медных сосудах и особенно на окладах Евангелия часто делались методом штамповки и в технике филигранны, с драгоценными или полудрагоценными камнями, эмалевыми вставками и перегородчатой эмалью. Технология перегородчатой эмали в исполнении требовала высочайшего мастерства. Как правило, для нее брали основание из золота около сантиметра толщиной. Далее тонкие, как проволока, разделители закрепляли на основании, а промежутки между ними заполняли массой, затем ее помещали в огонь, чтобы получить прозрачность. Рисунками для такой эмали служили в основном изображения Христа, Богородицы или какого-нибудь святого, хотя иногда выбирались и цветочные мотивы. Не менее популярными, чем металлические сосуды, были сосуды, в которых чаша изготавливалась из полудрагоценного камня, например оникса, горного хрусталя, алебаstra и тому подобного, и устанавливалась на замысловатую золотую ножку. Великолепные примеры таких предметов, иногда еще дополнительно украшенных камнями или эмалью, можно увидеть в сокровищнице собора Святого Марка в Венеции. Некоторые из них были, очевидно, привезены туда крестоносцами, возвращавшимися из Крестовых походов.

Ткани ранневизантийского периода, вероятно, напоминают текстиль коптского Египта. В V и VI веках в них уже заметны более явные византийские черты. Цветочные композиции или корзины фруктов, совпадающие по стилю с декоративными мозаиками собора Святой Софии и полами Большого дворца в Константинополе, ткались в более ярких тонах, чем раньше. Эти рисунки часто использовались в соединении с монограммой «Хи Ро» и другими христианскими символами. К тому времени были изобретены различные техники и более сложные переплетения, рисунки иногда делали, используя «стойкое» вещество, нанесенное перед окрашиванием.

Первые шелка производили в Византии в порядке эксперимента. Они шли преимущественно на отделку, и узоры на них выбирались мелкие, а цвета ограничивались двумя оттенками. К середине VI столетия цветов стало гораздо больше, а также были придуманы

более претенциозные рисунки. Ткачи черпали вдохновение в Персии и Египте. Изображались звери и птицы, иногда львиные головы, по одной или по две, обращенные друг к другу, часть со стилизованным деревом жизни между ними. Такие мотивы часто помещали в круг. Другие рисунки, как, например, Самсон, борющийся со львом, или лучник, являлись следованием персидской традиции, хотя и были придуманы византийцами. Возможно, самыми знаменитыми из сохранившихся византийских тканей являются фрагмент с изображением квадриги, великолепный шелк с изображением львов и с именами Романа и Христофора (921-931), фрагмент ткани IX века с изображением имперского орла в центре в церкви Святого Евсевия в Осере, который, как считается, был произведен в тех же мастерских, что и шелк со львами, и ткань с изображением слонов, которую император Оттон положил в гробницу Карла Великого, открытую им в 1000 году.

Сохранилось очень мало изделий из стекла византийского производства. Самые красивые предметы относятся к раннему периоду. До нас дошли в основном широкие подставки для сосудов без ножки, изготовленные в технике *fondo d'oro*, то есть фигура человека, животное или геометрический узор делались из листка золотой фольги, помещенной между двумя слоями стекла. Вероятно, благодаря именно такой двуслойности подставки для бокалов, чьи стенки были гораздо тоньше, смогли пережить века.

Большинство, скорее всего, было произведено в Египте, но к VI столетию еврей-стеклодувы открыли мастерские в Константинополе и вполне могли быть авторами стеклянных ламп, зажегшихся в соборе Святой Софии в 563 году. Считается, что те лампы напоминали найденные в Джераше лампы, которые похожи по форме на маленькие перевернутые колокольчики. В IX веке, а возможно, и задолго до того начали делать плоскодонные со-

суды с выпуклыми стенками и длинным узким горлышком, подсвечники с плоскими основаниями и ножками, а также высокие узкие бокалы без ножки и стеклянные лампы.

Лампы часто помещали в изысканные оправы из серебра и золота. Тем не менее на протяжении обоих «золотых веков» большую часть продукции стеклодувов, должно быть, составляли листы, из которых вырезали маленькие квадратные, прямоугольные и восьмиугольные стекла для окон и цветные стеклянные палочки, из которых делали кубики для мозаики, причем золотые палочки изготавливались по тому же принципу, что и сосуды fondo d'oro. Умение производить цветное стекло может быть доказано только существованием цветных стеклянных сосудов, но на данный момент единственным примером, известным нам, является красная стеклянная миска X века, хранящаяся в сокровищнице собора Святого Марка в Венеции. Прочие сосуды сходного качества имеют толстые неровные стенки из нецветного стекла и украшены изображениями животных в технике горельефов.

Последние открытия в Константинополе подсказывают, что к XI веку византийцы, возможно, начали стеклить окна в церквях цветным стеклом в свинцовых рамах. Их раскрашивали, чтобы получить изображения, похожие на те, что рисовали чуть позднее на Западе с той же целью. Если данная теория подтвердится, это будет означать, что византийцы, а не западные европейцы изобрели и впервые применили эту великолепную форму украшения церквей.

Хронология византийских императоров

Примечание. В случаях пересечения дат императоры были соправителями.

Династия Константина

Константин I Великий (306-337)

Констанций (337-361) Юлиан (361-363)

Промежуточная династия

Иовиан (363-364)

Валент (364-378)

Валентиниан II (371-392)

Династия Феодосия

Феодосий I Великий (379-395)

Аркадий (395-408)

Феодосий II (408-450)

Маркиан (450-457)

Династия Льва

Лев I (457-474)

Лев II (474)

Зенон (474-491)

Анастасий (491-518)

Династия Юстиниана

Юстин I (518-527)

Юстиниан I Великий (527-565)

Юстин II (565-578)

Тиберий II (578-582)

Маврикий (582-602)

Фока, узурпатор (602-610)

Династия Ираклия

Ираклий (610-641)

Константин II (641)

Константин III (641-668)

Константин IV Потопат (668-685)

Юстиниан II Ринотмет (685-695)
Леонтий, узурпатор (695-698)
Тиберий, узурпатор (698-705)
Восстановленная династия Ираклия
Юстиниан II Ринотмет (705-711)
Филиппик Вардан (не из династии) (711-713)
Анастасий II (не из династии) (713-715)
Феодосий III (не из династии) (715-717)
Исаврийская династия
Лев III (717-741)
Константин V Копроним (741-775)
Лев IV (муж императрицы Ирины) (780-797)
Константин VI (сын Ирины) (780-797)
Ирина (797-802)
Никифор ^узурпатор (802-811)
Ставракий, узурпатор (812)
Михаил I Рангави (811-813)
Лев V Армянин, узурпатор (813-820)
Аморийская (Фригийская) династия
Михаил II Заика (820-829)
Феофил (829-842)
Михаил III Пьяница (842-867)
Македонская династия
Василий I (867-886)
Лев VI Мудрый (886-912)
(Александр, соправитель (886-913)
Константин VII Багрянородный (913-959) (соправитель своего тестя Романа Лакапина (920-944)
Роман II (959-963)
Никифор II Фока, узурпатор (963-969)
Иоанн I Цимисхий, узурпатор (969-976)
Восстановленная Македонская династия
Василий II Булгароктон (или Болгаробойца) (976-1025)
Константин VIII (1025-1028)
Роман III Аргир (муж императрицы Зои) (1028-1034)
Михаил IV (второй муж императрицы Зои) (1034-1041)
Михаил V Калафат (1041-1042)
Зоя и Феодора (1042)
Константин IX Мономах (1042-1055)
Феодора (1055-1056)
Михаил VI Стратиотик (без династии) (1056-1057)
Династия Дук и Комнинов
Исаак I Комнин (1057-1059)
Константин X Дука (1059-1067)
Роман IV Диоген (1067-1071)
Михаил VII Паррапинак (1071-1078)
Никифор III Вотаниат, узурпатор (1078-1081)
Династия Комнинов
Алексей I Комнин (1081-1118)
Иоанн II (1118-1143)
Мануил I Комнин (1143-1180)
Алексей II Комнин (1180-1183)

Андроник I Комнин (1183-1185)
Династия Ангелов
Исаак II Ангел (1185-1195) (и еще раз в 1203-1204)
Алексей III (1195-1203)
Алексей IV (1203-1204)
Алексей V Дука Мурзуфл, узурпатор (1204)
Латинские правители Константинополя
Балдуин I Фландрский (1204-1205)
Генрих Фландрский (1206-1216)
Пьер Куртене (1217)
Иоланда (1217-1219)
Роберт II Куртене (1221-1228)
Балдуин II (1228-1261)
Греческие императоры в Никее
Феодор I Ласкарис (1204-1222)
Иоанн III Дука Ватац (1222-1254)
Феодор II (1254-1258)
Иоанн IV (1258-1261)
Михаил VIII Палеолог (1259-1282)
Династия Палеологов
Михаил VIII (1261-1282)
Андроник II (1282-1328)
Андроник III (1328-1341)
Михаил IX (1294-1320)
Иоанн V (1341-1391)
Иоанн VI Кантакузин, узурпатор (1347-1355)
Андроник IV (1376-1379)
Иоанн VII (1390)
Мануил II (1391-1425)
Иоанн VIII (1425-1448)
Константин XI Драгаш (1449-1453)

Примечания

- 1 Сим победиши (лат.). (Здесь и далее примеч. пер.)
- 2 «To be born in purple» (англ.) - «быть знатного рода, быть отпрыском короля».
- 3 Евангелие от Иоанна, 4: 5-14.
- 4 Эскориал - дворец-монастырь и усыпальница, построенный по приказу Филиппа II в 50 километрах от Мадрида.
- 5 Базилика (от греч. «царь») - изначально - царский дворец или зал суда, в форме прямоугольного здания с двумя рядами колонн и полукруглым завершением; впоследствии такие здания передавались римскими императорами церкви и становились церквями, отсюда второе значение; затем название распространилось на храм любой архитектуры.
- 6 Пробуждение короля (фр.).
- 7 Митра - древнеиранский бог Солнца.
- 8 Манихейство - учение, согласно которому в мире постоянно происходит борьба Бога и дьявола, света и тьмы, окружающий мир - воплощение зла, задача человека - содействовать торжеству света. Основано персом Мани (ок. 215-276).
- 9 Диакониса - девушка или вдова, наблюдавшая за соблюдением религиозных обрядов, выполнявшихся женщинами.
- 10 Гипокауст - от греч. hupo - «под», «внизу», и kaustos - «нагретый».

- 11 От лат. *spina* - «заноза, колючка, шип».
- 12 Регентство - период в истории Великобритании, приблизительно 1811-1820 гг.
- 13 Нынешняя Македония.
- 14 Каллиопа - в древнегреческой мифологии муза, покровительница эпической поэзии.